ПИОНЕР



ДЕКАБРЬ 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1962 г.

Двенадцать

Если бы вам дали двенадцать совершенно свободных дней, да еще при этом вы снова стали бы пионером, что бы вы делали?

Такой вопрос мы задали взрослым людям разных профессий. Пять ответов вы прочитаете здесь.



Если бы, если бы...

Если бы я снова каким-то чудом сделался мальчишкой, каким был сорок с лишним лет назад, я бы... я бы...

...Я бы, конечно, стал или, во всяком случае, постарался бы стать надежным пионером, неутомимым по части всяких интересных затей. Уж я напридумал бы для себя и моих товарищей всяких занятных и полезных дел! Ведь вырос-то я, не успев побыть в рядах пионерии, и те дела, которые меня в детстве влекли к себе, делал сам, по собственному почину, в одиночку, как умел. Ух, представляю себе, какие модели кораблей намастерил бы я, если бы сейчас был пионером! С завистью смотрю я, когда попадаю в Дома пионеров, в пионерские технические кружки, какие чудесные модели мастерят теперь ребята. И вспоминаю те, должно быть, корявые самоделки, которыми приходилось довольствоваться мне в детстве...

Потом, скажу вам честно, я бы постарался быть повнимательнее к моим старшим друзьям и родным.

А вот кое-кого я бы обязательно поколотил, если бы снова вернулся в свои школьные годы... Здоровенный верзила, туповатый второгодник, он грубо пользовался своей силой и держал в постоянном страхе нас, более слабосильных. Я, к сожалению, тогда еще не занимался спортом как следует, а с боксом познакомился только в студенческие годы. Будь я сейчас школьником, я бы уж натренировался хорошенько и помог бы отлупить хулигана, обида на которого не прошла у меня по сей день.

Ну, а на зимние каникулы я бы ушел с ребятами в далекий лыжный поход. Это было моей мальчишеской мечтой, только лыж у нас в то время было на весь наш городок всего две пары: у меня и у моего братишки. И мы обычно катались на этих лыжах вчетвером: по лыже на человека, стоя на одной ноге. Вы даже не представляете себе, как я радуюсь сегодня, когда вижу вас, лихо мчащихся с горы или размеренным ходом скользящих по белой целине.

Хорошего вам хода, ровной лыжни, доброй победы!

Да, если бы я сейчас стал снова мальчишкой!..

...Впрочем, что ж тут мечтать о невозможном! Да и не уверен я, честно говоря, что удалось бы мне избежать всех тех ошибок, которые я совершил, когда на самом деле был мальчишкой. Но вы-то, дорогие ребята, вы-то на самом деле мальчишки и девчонки! У вас еще для всего есть время. И какое время! Удивительное, никогда еще не бывалое...

Лев Кассиль

ГДЕ-НИБУДЬ ВО ДВОРЕ...

Дали бы мне каникулы, а к ним в придачу и школьные годы, прокатал бы я их на коньках где-нибудь во дворе... Не на катке, а во дворе, как бывает только в детстве.

Яшин



дней каникул...



Один мальчишка провел так каникулы.

Каждый день он ходил в кино. Целый день смотрел кинокартины. По многу раз одни и те же. Поскольку были каникулы. В голове у него стоял страшный шум. От множества кинокартин. Цвет лица был чрезвычайно бледен. А взгляд просто жуткий, как будто бы он сильно болел. Он не мог рассказать то, что видел в кино. Все забыл, перепутывал и на ходу засыпал. Когда его спрашивали: «Какую картину ты видел?»,— он отвечал: «Разные». Его спрашивали: «Какие?» Он отвечал: «Забыл». «Неужели ты все забыл?» «Все забыл», — отвечал он печально. «Но хоть что-нибудь помнишь?» Тогда он говорил: «Как же, помню... идет Петр Первый, вдруг глядь — Буратино идет...»

Все смеялись, а он говорил: «Ну и что же! Я сто кинокартин смотрел, может быть, даже больше, тут всех не упомнишь...» «Зачем же тогда ты смотрел?» Он отвечал: «Потому что каникулы».

Эти дни у него зря пропали. Какой уж тут отдых!

А таких мальчишек немало, которые кричат: «КАНИКУЛЫ!!!» — и бросаются отдыхать:

с утра до вечера на коньках катаются,
или с утра до вечера спят,
или с утра до вечера читают,
или с утра до вечера в кино ходят.

Как же тогда проводить каникулы?

— С толком, ребята, с толком!

Это все, что я могу сказать.

Виктор Голявкин

КАК БЫ Я ПРОВЕЛ ЭТИ ДНИ...

А вдруг и правда, словно по щучьему велению, мне дали бы каникулы?! Как бы я провел эти дни? Прежде всего я попытался бы не ходить в цирк. Вот именно попытался, так как не знаю, что бы из этого получилось. Ведь для нас, артистов, цирк — это буквально все: и работа, и «дом на колесах», и друзья, и зрители. И если зайдешь в цирк «на минуту», то уж останешься там допоздна.

Вы, ребята, наверняка мечтаете о какой-нибудь шапке-невидимке, чтобы можно было как ни в чем не бывало спокойно проходить в цирк мимо строгого контролера. Представьте себе, что вы уже надели такую замечательную шапку и идете вместе со мной через артистический вход. Утром цирк пустынный и тихий. Нет ни музыки, ни праздничных огней. И вы, встретив в фойе своих любимцев — отважных гимнастов и веселых клоунов, может, и не узнали бы их. Днем это серьезные и самые обыкновенные люди.

С утра идут напряженные репетиции, манеж не свободен ни минуты. А я первым делом навещаю своих четвероногих партнеров: кроме Кляксы, у меня их еще двое — совершенно черный кот и ослик по имени Мишка. Мишка — способный артист, поэтому он явно важничает. Пожалуй, он единственный в мире осел, который ездил на гастроли в зарубежные страны (разумеется, вместе со мной!). Он побывал и в Лондоне, и в Риме, и во Франции, и даже перелетел на самолете через океан в Южную Америку! И по нашей стране он наездил тысячи километров в поездах, на пароходе, но предпочитает, однако, самый быстрый способ передвижения — самолет. Целыми днями Мишка топчется в стойле, вероятно, перебирая в памяти все впечатления, и покачивает головой: «Эх, жаль, рассказывать я не умею!»

Клякса тоже любит путешествовать, и когда я, уезжая в другой город, начинаю упаковывать багаж,



ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

Год издания 39-й

1962 ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА" ДЕКАБРЬ № 12

собачка хватает свой ошейник и садится на чемодан на всякий случай, чтобы я ее как-нибудь не «позабыл». Кстати, Клякса, которая с азартом гоняется за всеми чужими кошками, нашего черного кота весьма уважает и даже немного побаивается. И нередко, когда она обедает, степенно подходит кот и по-хозяйски влезает носом в ее миску...

Но вот приближается время моей репетиции. Потом начинаются работы с режиссерами, художниками, писателями — всеми, кто участвует в создании спектакля. А скоро уже пора гримироваться перед выступлением...

Но, кажется, я отвлекся. Ведь мне надо было рассказать, как бы я провел двенадцать свободных дней. Обязательно побродил бы по городу с киноаппаратом. Скажу вам по секрету: я ведь «юный» кинолюбитель. Очень увлекся этим занятием. Пока светло, можно снимать улицы, пешеходов... А вечером в качестве зрителя пошел бы в цирк поснимать на пленку выступления артистов.

— Что, опять в цирк? — Чувствую, вы удивляетесь.

Ну да, конечно, в цирк.

И вообще, лучше уж вы мне эти каникулы не давайте, все равно я проведу их, как обычно, в цирке!

Карандаш

ТИХИЕ ЧАСЫ

Двенадцать лет от роду и столько же свободных дней! Это ли не сказочное богатство? Когда мне редакция «Пионера» предложила им воспользоваться хотя бы в мечтах, я тотчас согласился.

Итак, вообразим, что я не астроном, что мне двенадцать лет и впереди — зимние каникулы. Чем я займусь? Ведь столько всяких интересных дел и развлечений, что даже выбрать трудно, мысли разбегаются.

В конце концов я решил так: об играх, развлечениях и удовольствиях нечего заботиться. Они на каникулах сами человека на каждом шагу подстерегают. Но сколько бы у меня ни оказалось игр и развлечений, я обязательно найду тихие, уединенные часы, чтобы думать.

В тиши, наедине с собой (но не ночью, когда сон склеивает глаза!) хорошо думается. И как только начнет человек думать по-настоящему, всерьез, нарочно, так ему сразу видно, как много еще надо узнать, додумать, понять.

В эти тихие часы, отведенные для дум, я стал бы думать обо всем, что хочется и нужно понять человеку в двенадцать лет: об огромном мире, в котором мы живем, о своих друзьях и о дружбе вообще, о силе человека и о силах природы, о звездах и о птицах, о грозах и о солнечном свете. Думать — это очень интересно, это очень полезно, хотя, быть может, это и не всегда легко.

Б. Кукаркин



Планеты становятся ближе

«МАРС-1» ИДЕТ К МАРСУ

Вот уже скоро два месяца летит от земли к планете Марс наша советская космическая ракета. Впереди долгий путь, почти полгода. И в то же время можно сказать: как это недолго, полгода! Ведь споры о многочисленных загадках Марса длятся около столетия.

Марс... Что же мы знаем о нем уже сейчас и чего мы еще не знаем? Давайте посмотрим.

ЧЕТВЕРТАЯ ПЛАНЕТА

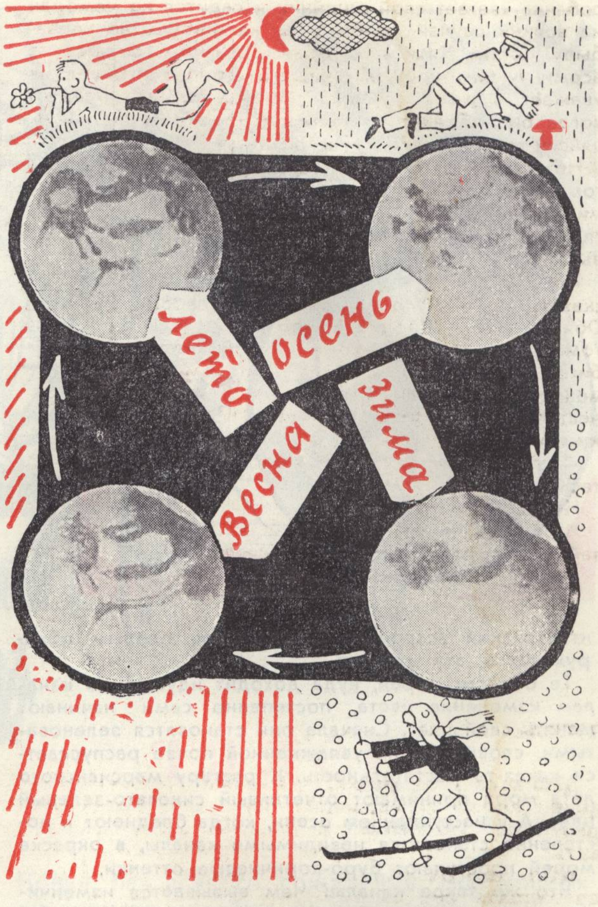
Ближе всех к Солнцу Меркурий, за ним—Венера, потом—Земля. На четвертой орбите движется Марс. Его среднее расстояние от Солнца—почти 228 000 000 километров. А от Земли он далеко? По-разному, в зависимости от того, в каких точках своих орбит находятся обе планеты. Временами их разделяет больше чем 400 000 000 километров. Временами, примерно каждые два года, когда Марс и Земля оказываются по одну сторону от Солнца, расстояние между ними измеряется уже не сотнями, а десятками миллионов километров. Каждые 15—17 лет Марс бывает всего за 55—56 миллионов километров от Земли.

Так как Марс дальше от Солнца, его орбита длиннее, чем у Земли. И движется он по ней медленнее. Поэтому естественно, что марсианский год почти вдвое длиннее нашего. Он продолжается 687 земных суток. Так же, как и на Земле, на Марсе существуют времена года. Весна, лето, осень и зима сменяют друг друга в той же последовательности, что и у нас. Конечно, каждое время года на Марсе продолжительнее, чем на Земле. Например, весна там длится 193 дня.

А вот марсианские сутки почти такие же, как на Земле. Марс обращается вокруг своей оси за 24 часа 37 минут 23 секунды — всего на 41 минуту дольше, чем Земля.

По диаметру Марс почти вдвое меньше Земли. По массе — в десять раз. Плотность у него тоже меньше земной. В результате и сила тяжести там в два с лишним раза уступает земной: космические путешественники, захватившие с собой гирю в один килограмм и пружинные весы (обязательно пружинные), обнаружат, что на Марсе килограммовая гиря потянет всего 383 грамма.

Толстяк, весивший на Земле 100 килограммов, почувствует себя на Марсе необыкновенно легко. Еще бы, ведь здесь его вес станет ощущаться всего как 38 килограммов и 300 граммов! Мышцы тела, привыкшие к земным нагрузкам, будут легко «перебрасывать» землянина с места на место. Юрий Власов на Марсе в сумме троеборья поднял бы добрых полторы тонны, а штангу в 100 килограммов выжимал бы любой пионер. Чем меньше сила тяжести, тем легче улететь с планеты. На Земле для этого нужно развить скорость в 11,2 километра в секунду. А на Марсе достаточно пяти километров в секунду. Понятно, что это облегчит возвращение наших межпланетных путешественников на родную Землю.



Вот как выглядит Марс в разное время года.

СУХИЕ МОРЯ

Даже в слабый телескоп можно заметить, что поверхность Марса окрашена в разные цвета. Примерно пять шестых — красновато-желтого цвета. Остальное — голубовато-зеленой или серо-голубой окраски.

Красновато-желтые участки поначалу были названы материками, или континентами, а большие темные пятна — морями. Эти названия сохранились и теперь, хотя давно известно, что моря Марса совсем не моря, и если отличаются по цвету от континентов, то совсем не потому, что покрыты водой. А чем же? Это как раз долгое время оставалось загадкой и вызывало споры между учеными.

Зато насчет континентов давно пришли к выводу, что это самая сухая суша: пустыня, покрытая барханами красноватых песков, в которых то и дело рождаются бури почище, чем самумы Сахары.

У полюсов красные и голубые оттенки уступают белым. В том полушарии Марса, где наступила зима, полюс покрывает огромная белая шапка площадью до десяти миллионов квадратных километров. С наступлением весны шапка начинает уменьшаться, ее границы отступают к полюсу.

Весеннее Солнце растапливает полярные снега Марса. Образовавшаяся влага смачивает почву, и вокруг уменьшающейся шапки образуется темный поясок, ясно различимый в земные телескопы.

И вот тут начинаются загадочные явления. На поверхности Марса, словно на опущенном в проявитель негативе, начинают проступать какие-то темные полосы. Они проступают не сразу, а постепенно, распространяясь в направлении от того полюса, где началась весна, к экватору. Эти полосы образуют огромные дуги, пересекающиеся между собой. Они густой сетью покрывают оранжевые пустыни Марса и концами обязательно упираются либо в зеленоватые пятна морей, либо в точку пересечения с другими такими же полосами. Если бы разумные существа захотели оросить сухие, бесплодные земли своей планеты, они должны были бы провести каналы именно так, как расположены на Марсе темные полосы. Каналами и назвал их 85 лет назад



Если бы марсианские моря не были покрыты растениями, их быстро засыпали бы пески пустынь.



Это марсианские каналы на развернутой фотокарте Марса. А внизу—первая фотография каналов, полученная Г. А. Тиховым в 1909 году.

итальянский астроном Скиапарелли, первым обнаруживший эту загадку.

Те области морей, куда доходит идущее по каналам изменение цвета, постепенно сами начинают менять свой цвет. Сначала они становятся зеленоватыми, словно бы на увлажненной почве распускается какая-то растительность. К разгару марсианского лета моря принимают отчетливый синевато-зеленый цвет. А с наступлением осени, когда бледнеют и постепенно становятся невидимыми каналы, в окраске морей проступают буро-коричневые оттенки.

Что же такое каналы? Чем вызывается изменчивость окраски морей по временам года? Как объяснить, что за короткий срок в четыре года на скрещении нескольких каналов образовалось новое зеленое пятно: оазис, по площади равный Украине?

ЗНАЧИТ, МАРСИАНЕ!

Сегодня почти никто уже не отрицает, что жизнь на Марсе существует. Но какая? Большинство ученых не соглашается с гипотезой об искусственном происхождении марсианских каналов. Некоторые высказывают предположение, что это гигантские трещины, разломы в коре планеты. Но и они не в состоянии объяснить, какие естественные причины могли привести к такому правильному расположению трещин.

В этом споре можно подойти к вопросу и с другой стороны. Для создания каналов на Марсе должны быть высокоорганизованные существа. Каковы же условия на Марсе? Может ли там существовать жизнь (мы не говорим сейчас о том, могла ли она там возникнуть,— это уже другой вопрос)?

На Марсе очень суровый климат. В наиболее теплых областях средняя годовая температура — около десяти градусов холода. Но ведь у нас в Якутии она еще ниже, и никому в голову не приходит утверждать, что жизнь в Якутии невозможна.

Атмосфера на Марсе очень разрежена и содержит чуть ли не в тысячу раз меньше кислорода, чем земная. Однако даже на Земле существует множество организмов, которые живут и размножаются при самом ничтожном содержании кислорода в окружающей среде и даже при полном его отсутствии в свободном виде.

Советский биолог профессор Толмачев в закрытой камере искусственно создал условия, подобные марсианскому лету. Он поместил в эту камеру растения, червей и насекомых. И что же оказалось? Все они без какой-либо предварительной тренировки приспособились к «жизни на Марсе». Семена кукурузы, например, не только дали всходы, но и развились до большого листа.

Марс беден водой. Но ведь и на Земле существуют места, где по многу месяцев не выпадает ни капли дождя, а солнце и знойные ветры иссушают почву. И все равно, даже в таких безводных местах живут особые растения. Есть и животные, которые не нуждаются, чтобы в окружающей их среде была свободная влага. Они с успехом извлекают ее из пищи. Например, гусеница пчелиной моли живет в ульях и питается вощиной. В вощине содержатся микроскопические количества воды, а моль «отнимает» ее.

Значит, как ни тяжелы (с нашей земной точки зрения) условия на Марсе, на этом основании еще нельзя утверждать, что жизнь там невозможна. Спор идет сегодня в основном лишь о том, какова она, эта жизнь. Одни считают, что на Марсе возможны лишь самые простые и неприхотливые ее формы, вроде наших мхов и лишайников. Другие считают, что там распускаются цветы и зеленеют кустарники. Третьи склонны верить в марсианские леса. А некоторые были убеждены, что марсиане населяли некогда свою планету и даже успели создать такое чудо техники, как Фобос, искусственный спутник диаметром в 16 километров. Подтвердить эти догадки чрезвычайно трудно. Но и начисто отвергнуть их пока невозможно.



И вот наш посланец, «Марс-1», секунда за секундой поглощает километры, отделяющие Марс от Земли.

Л. МАКСИМОВ

Рисунки Г. Алимова.

Бранденбургский талер



Алексей КИРНОСОВ

Рисунки Ф. Лемкуля.

Вовка нашел во дворе монету. Она была медная, большая и тяжелая. На одной стороне монеты был изображен орел с двумя головами, державший в лапах дубинку и что-то похожее на футбольный мяч. Над орлом был полукруглый плакат с надписью: «Пять копiъекъ». На другой стороне завивался непонятный вензель, над ним висела корона, все это хозяйство обрамляли ветки, а в самой середине был обозначен год — 1776. У Вовки аж сердце забилось.

— Ух ты, какой древний пятак! — сказал он и побежал искать Серегу.

Серега повертел пятак в пальцах, плюнул на него, протер рукавом и сказал, что если его немного расплющить молотком, то получится мировая бита — играть в расшибалочку. Но Вовка выхватил пятак, сунул его в карман и заявил, что ни в какую расшибалочку играть не будет, потому что он будет собирать старинные монеты.

Так началась история Вовкиной коллекции. Он узнавал, у кого из ребят есть старинные монеты, и выменивал их на марки, перышки, конфеты и папиросные коробки. Он выпрашивал монеты у маминых знакомых, которые делали вид, что отдают их Вовке без всякого сожаления. Все монеты он валил в коробку из-под сигар, которую выдал ему для этой цели отец. Став на полгода старше, Вовка додумался разложить монеты на две кучи: в одной — русские, а в другой — иностранные. А так как отец сигар больше не курил, пришлось иностранные монеты положить в железную коробку с неподходящей надписью: «Театральная подушечка».

Так появилась система. К концу учебного года Вовка собирал монеты уже совсем профессионально. Иностранные он разложил по странам в спичечные коробки, а русские распределил на три части: двадцатого века, девятнадцатого века и восемнадцатого. Более древних монет у него еще не было. Вовка потребовал у мамы, чтобы на день рождения она подарила ему лупу с пластмассовой ручкой. Рассматривать монеты в лупу и находить на них все новые подробности было для него самым большим удовольствием в жизни. А рассказывать ребятам о своих монетах было так же приятно, как отвечать хорошо выученный урок.

К ним в класс из другой школы перевели странного мальчика по имени Меркурий.

В день его прихода на уроке географии по классу вдруг залетал шмель. Он летал и жужжал: «В-ж-ж-ж-ж...» Учительница Кира Андреевна перестала рассказывать о промышленности Чехословакии и сказала:

— Что это здесь летает? Немедленно поймайте и выбросьте в форточку. Оно мне мешает вести урок.

Ребята зашумели, стали смотреть, кто летает, но ничего не нашли. А оно еще немного пожужжало и, видимо, вылетело в форточку. Кира Андреевна велела закрыть ее, чтобы еще чего-нибудь не залетело, и снова стала рассказывать про промышленность. На уроке геометрии снова зажужжало, но математик Иван Михайлович отнесся к этому иначе. Он прислушался и сказал:

— Здорово получается. Только сейчас не время. На переменке пожужжишь.

И шмель сразу притих, как будто его и не было. Когда кончился урок, стали искать, кто жужжал, но никто не сознался.

Домой Вовке оказалось по пути с новым учеником.

Некоторое время шли молча, хотя Вовке очень хотелось поговорить с новым человеком о своей коллекции. Только он решился заговорить, как вдруг услышал шмелиное жужжание.

— Так это ты жужжал?! — воскликнул Вовка.

— Я. А что, не похоже?

— Здорово похоже. А еще ты что умеешь?

— Все умею. Кукарекать, мяукать, лаять, мычать, блеять, реветь — что хочешь. Меня за это из 62-й школы выгнали.

— Из нашей не выгонят,— успокоил его Вовка.— У нас самодеятельность хорошо работает. Будешь выступать. А я вот только монеты собираю. Их у меня уже двести штук.

— Мало,— сказал Меркурий довольно пренебрежительно.— У меня больше тыщи.

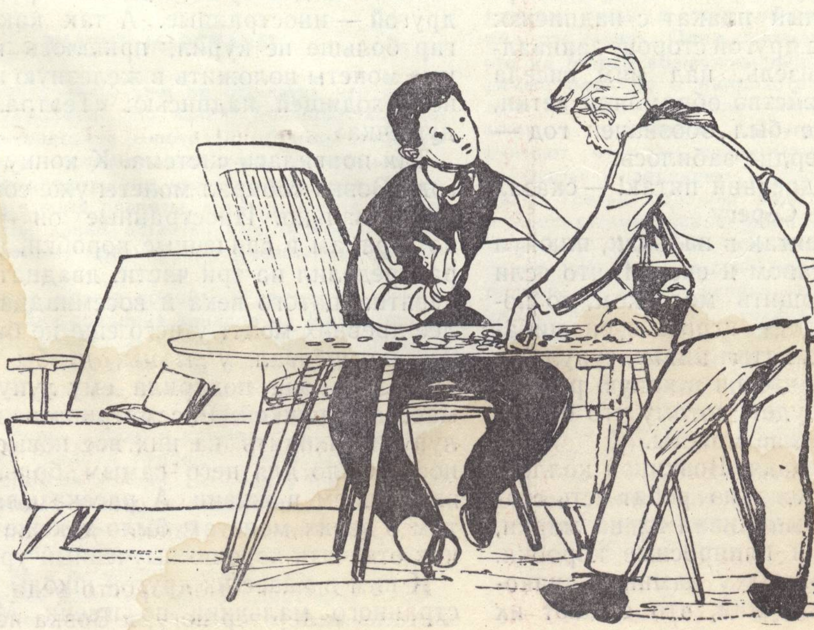
— А ты давно собираешь? — спросил Вовка, ошарашенный таким количеством.

— Я не собираю,— снова удивил его Меркурий.— У меня бабушка всю жизнь собирала. Потом она умерла, а коллекция мне осталась. Больше некому было отдать.

— А менные есть? — спросил Вовка.— Давай меняться.

— Должны быть менные. Приходи, посмотрим. Только пустяковины всякие не приноси. У меня их у самого навалом.

На следующий день сразу после уроков Вовка пошел к Меркурию в гости. Карман курточки у него был набит монетами. Тут были не только менные, потому что все Вовкины дубликаты никакой ценности для солидного коллекционера не представляли. Кроме немецких алюминиевых пфеннигов, монгольских тугриков и прочей мелочи, Вовка прихватил с собой индийскую двенадцатиугольную анну, корейскую монету с квадратной дырочкой, шведские два ёре 1764 года с перекрещенными стрелами, ливанские пять пиастров с галерой и — гордость своей



коллекции — павловский серебряный рубль с мальтийским крестом.

Бабушкина коллекция произвела на него потрясающее впечатление. Русские монеты были все, за исключением золотых, которые (как объяснил Меркурий) мама забрала себе на браслетку. Была даже новгородская серебряная гривна, представлявшая из себя палку граммов на двести весом. А павловских рублей с мальтийским крестом и непонятной надписью: «Не нам, не нам, а имяни твоему» — было целых четыре штуки. Меркурий сказал, что была еще и киевская гривна, шестиугольная, раза в два потяжелее, чем новгородская, но ту мама тоже забрала.

Некоторое время Меркурий показывал Вовке монеты, потом зевнул и сказал, что ему это надоело.

— Ты сам отбери, какие хочешь менять, потом меня позовешь,— сказал он и улегся с книжкой на диван.

Вовка копался в монетах целый час. Они нравились ему все без исключения. Отобрать такие, которые можно было бы обменять па имеющиеся у него жалкие медяки, он просто не мог... И вдруг Вовка увидел монету, о, что это была за монета! Громадная, с донышко стакана, толстая серебряная монета, на одной стороне которой был выбит рыцарь в латах и с мечом, а на другой изогнулся приготовившийся к прыжку лев. У Вовки потемнело в глазах, когда он увидел эту монету. Он мог бы отдать за нее всю свою коллекцию, но Меркурий, конечно, не станет меняться. Разве можно расстаться с такой драгоценностью? Немного успокоившись, Вовка стал разбирать надписи. Из всего написанного он разобрал только три слова: «Фредерик», «Бранденбург» и «талер».

— Бранденбургский талер! — прошептал он. Может быть, такая монета осталась одна во всем мире и теперь пропадает в коллекции у Меркурия? А что, если он даже не знает о ее существовании?

Вовка покосился на Меркурия. Тот лежал на диване и не обращал на него никакого внимания. «Просто взять и положить в карман...» От этой мысли Вовка покраснел как вареный рак. Ему еще никогда не приходилось таким способом пополнять коллекцию... Лучше уж отдать что-нибудь очень ценное. А что у него есть ценного? Все его игрушки, книги, монеты и марки не стоят, наверное, и половины этого чудесного талера. Менять его не на что... Вовка снова стал рассматривать талер. Под рыцарем он увидел дату: 1648... Ему стало совсем нехорошо. Кто же отдаст такую вещь? Это же музейное дело...

— Ну, ты выбрал? — спросил Меркурий и закрыл книжку.

Вовка вздрогнул и попытался зажать талер в кулаке. Но в кулак он не поместился. Вовка прижал руку к животу и сказал сдавленным голосом:

— Я отобрал кое-что. Только не знаю, будешь ли ты меняться. У меня все плохие.

— На плохие не буду,— сказал Меркурий.— Какой мне интерес?

Этими словами он сам лишил себя бранденбургского талера. Вовкина рука бессильно упала на бедро, и талер нечаянно оказался в кармане курточки. Вовка и сам был этому не рад. От мыслей, как положить талер обратно в коробку, чесалась голова. Меркурий подошел к столу и спросил:

— А где твои?

Трясущейся рукой Вовка вытащил жалкую горсточку своих монет. Меркурий рассмотрел каждую внимательно, отобрал все серебряные и сказал, что хоть у него такие и есть, но на медные он обменять согласен. Вовка отобрал равное количество медных монет, ссыпал их в карман и побежал домой. Выскочив на улицу, он забежал в какой-то двор, нашел уголок поукромнее и вытащил из кармана талер.

Подняв забрало шлема, рыцарь смотрел на него укоризненно и строго, а лев привстал на задние лапы и, судя по выражению морды, рычал. Вовка еще раз взвесил монету на ладони и подумал: «Придется прятать. Родителям показывать нельзя. Спросят, где взял. Ребятам тоже не покажешь: может узнать Меркурий. Тогда стыда не оберешься. Носить в портфеле? Опасно. Закопать во дворе? Потеряется!»

Вовка разул левую ногу, спрятал талер в ботинок и пошел домой. Идти было очень неудобно. Вовка старался не хромать, чтобы прохожие не подумали, что у него что-то спрятано в ботинке. Но он все-таки хромал, и прохожие смотрели на него подозрительно. А в воротах знакомая дворняжка с удивлением обнюхала его левую ногу.

— Ну, чего нюхаешь? Там ничего нет,— сказал ей Вовка и пошел домой.

Мама только что натерла полы. Она велела ему снять ботинки и надеть тапочки. Вовка недоверчиво посмотрел на маму. Может, она уже знает? Но мама спокойно подала ему тапочки и не стала смотреть, как он переобувается. Вовка успокоился: она не знала...

Но с талером была просто беда. Тапочка слетала, талер тер ногу, и Вовка испугался,

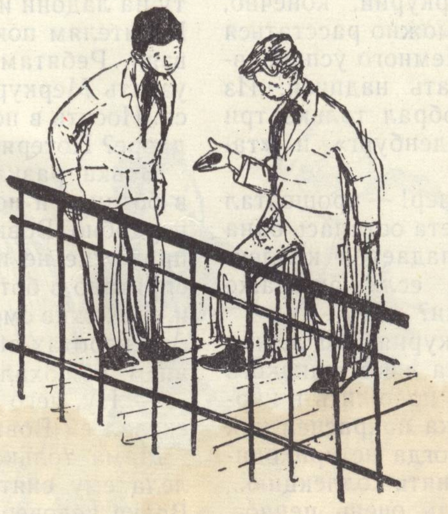
что у него будет мозоль. Он сидел мрачный, боялся разговаривать и все думал: что дальше? Он попробовал перепрятать талер под книжки на своей тумбочке, но маме сразу потребовался орфографический словарь Ушакова, и Вовке просто повезло, что словарь лежал в другой стопке. Вовка схватил монету и пошел прятать ее под ванну. Но мама зашла в ванную и, увидев стоявшего на коленях Вовку, ужасно удивилась.

— Что ты ищешь? — спросила она.

Вовка едва вывернулся.

— Я смотрю, не набросал ли папа туда окурков,— брякнул он, вспомнив вчерашний серьезный разговор между папой и мамой.

Мама снова удивилась и сказала Вовке, что это не его дело, а его дело — идти готовить уроки. Потом Вовка придумал спрятать талер в патефон, который даже не открывали после того, как купили телевизор, но мама насторожилась и ходила за ним следом, так что пришлось сесть за уроки. Он кое-как сделал письменные по русскому и решил задачу. Ответ получился не тот, но Вовка решил, что в задачнике опечатка, и не стал переделывать. Историю он прочитал, но ничего не запомнил. Мысли были заняты бранденбургским талером. Вовка спрятал монету в правую тапочку, но от этого ничего не изменилось, все равно тапочка спадала и монета терла ногу. Пришел с работы отец и спросил, что это Вовка не ходит нормально, а волочит ноги, как инвалид. Вовка сказал, что собирается учиться кататься на коньках и заранее отрабатывает скользящий шаг. Мама заявила, что это глупости, и на всякий случай смерила ему температуру. Температура оказалась нормальной. На ночь Вовка спрятал талер под подушку и два раза просыпался, щупал, не вывалилась ли монета на пол. Утром он встал бледный, и мама снова смерила ему температуру, и снова она оказалась нормальной. Вовка сказал, что прекрасно себя чувствует, и вышел из дому на пять минут раньше обычного. Талер он положил в карман.



Вовка еще не знал, что он сделает с монетой, но что-то сделать было просто необходимо. Ему так надоела эта монета, что он с удовольствием бы ее выбросил, и только натура коллекционера, знающего цену редкому экземпляру, мешала ему это сделать. Остается одно — отдать ее Меркурию обратно, что-нибудь придумать и отдать. Сказать, что захватил случайно... Меркурий, конечно, не поверит, а чем он докажет?

На каждой перемене Вовка хотел начать разговор про талер, но ему было стыдно, и он все откладывал. Наконец на большой перемене он решился. Он завел Меркурия на пустынную лестницу и, глядя в сторону, вынул из кармана бранденбургский талер. Он хотел сказать, что захватил монету случайно, но в горле застрял какой-то ком, и он не мог вымолвить ни слова. Вовка молча подал монету Меркурию.

— Вот это вещь! — сказал Меркурий.— 1648 года. Смотри, какая древняя! «Бранденбург»,— прочитал он.— Это теперешняя Германия. А какой рыцарь! Как живой! По такой монете можно прямо рыцарское вооружение изучать. Смотри, все видно: шлем, латы, наплечники, рукавица, меч. Ценная монета. Меняться будешь?

— Чего меняться,— сказал Вовка басом.— Это твоя монета. Я ее вчера нечаянно положил в карман. Не думай, что я ее присвоить хотел. Я нечаянно положил. Ты прости, пожалуйста.

— А я и не думаю,— тихо сказал Меркурий.— Мало ли что может случиться. С каждым такое может быть... Бери талер. Я и не знал, что он у меня есть. Если мне надо будет, я возьму посмотреть. На, бери!

Он сунул Вовке в карман бранденбургский талер и побежал в коридор.



Кассиопея

О. ТИХОМИРОВ

Рисунки С. Центомирского.

1

Солнце еще освещало верхушки стройных, высоких елей, а хутор уже погружался в вечернюю синеву.

Ребята сидели на завалинке Васькиной избы и спорили, кто из них выпивал больше воды за раз. Смеялись и орали на весь хутор.

— Будет врать-то! — кричал Седой.— Десять стаканов газировки! Ты бы лопнул на месте.

Серега легко соскочил с завалинки, тряхнул черными кудрями. Среди ребят он был старший.

— На что спорим? — выпалил он и очень коротким красивым рывком выставил руку.

Володя, сидевший рядом с Седым, от неожиданности отшатнулся. В кинофильмах в таком случае в руке оказывался пистолет. У Сереги, конечно, пистолета не было, но сама рука — прямая, с небольшим изломом в локте — воинственно нацелилась в Седого.

— На что спорим? — еще раз, но потише произнес Серега.

Все молчали. Только Васька спросил:

— С сиропом?

— В городе увидишь. Ну?

Спорить с Серегой не стали: уж больно он был уверен в себе, к тому же и город не рядом, до него пятнадцать километров.

Серега убрал руку, сунул ее в карман, а затем, взглянув на густеющее небо, небрежно сказал:

— Ладно уж. Кто со мной?

Он повернулся и неторопливо зашагал, зная, что приятели двинутся вслед за ним. И верно: ребята пошли за Серегой. Лишь Володя немного замешкался. За два дня он еще не научился понимать с полуслова своих новых знакомых.

Вначале, когда они узнали, что Володя — москвич, расспрашивали его и про Мавзолей, и про метро, и про зоопарк, и про все, что могли вспомнить о Москве. Слушали внимательно, с интересом. Седой даже рот открывал, уставившись на Володю. Если Седой особенно удивлялся, он говорил: «Иди ты!» — и приглаживал свои белые волосы. Но потом появился Серега. Он немного послушал, похмурился и, решив, что москвича нужно прижать, сказал:

— Я был в Москве у тетки. Там что! Житуха легкая. Полно этих... троллейбусов, трамваев...— И он закончил, с вызовом глядя на Володю: — Ты вот у нас на Рыбинском поживи.

С приходом Сереги все изменилось. Ребята понимающе смотрели на него, друг на друга, а на Володю уже поглядывали как-то хитренько, да и вопросы пошли другие.

Серега спросил:

— А почему у вас в Москве все собаки бесятся?

Володя не мог понять, шутят с ним, что ли. Но насмешливые Серегины глаза смотрели в упор, требовали ответа.

— С чего ты взял? — проговорил Володя.

— А с того, что их перебили всех.— Серега словно ждал такого вопроса.— Четыре дня я у тетки жил, ни одной собаки в Москве не видел.

Все засмеялись, и Володя опять не понял, поверили они Сереге или смеются просто так.

А тут и Седой захотел отличиться.

— Я слыхал вот, у вас девки в брюках ходят.— И он снова открыл рот, но не простодушно, как прежде: губы лукаво растянулись, а нос стал острым, как клюв у вороны.

Ребята почувствовали, что вступили в такую игру, когда к любому ответу они сумеют придраться и осмеять москвича. Понял это и Володя. Он смолчал.

— И газировка у вас плохая,— снова заговорил Серега.— Выпьешь десять стаканов, а все пить хочется...

Про Володю вдруг словно забыли, а стали спорить, кто сколько может выпить.

Теперь вот куда-то все отправились. Одному оставаться не хотелось, и Володя поспешил за мальчишками.

Он догнал Ваську и спросил:

— Вы куда?

— К старику. К Прокопычу.

— Какому?

Разговор услышал Серега и вмешался:

— У нас не Москва. У нас Прокопыч один, который бакенщик.

— Старик правильный,— сказал кто-то.

Ребята поравнялись уже было с последней избой, но тут на дорогу заступило коровье стадо. Пришлось отойти к изгороди, возле которой стояла толстая старуха с сопливым малышом. Большие черно-белые коровы были какими-то одинаковыми, у каждой упруго тряслось наполненное вымя, а на шее позвякивал колокольчик. Коровы шли не торопясь, с достоинством.

Старуха взяла малыша на руки и певуче заговорила, налегая на «о»:.

— Колянушка! Смотри:

Корова идет.
Большая.
Жрет много.
Пьет много...

Колянушка, который видел и слышал все это уже много раз, уставил бело-голубые, как незабудки, глаза в одну точку и басовито произнес:

— Иде вона?

Старуха ничего не ответила и, словно вообще позабыв про Колянушку, принялась с любопытством разглядывать Володю. Тот не выдержал и отвернулся.

Стадо прошло, оставив за собой теплый запах парного молока и навоза. Ребята отправились дальше, но еще долго было слышно, как звенели колокольчики и что-то покрикивал пастух.

2

Изба Прокопыча была километрах в трех от хутора, на берегу водохранилища. Он жил один. Иногда только к нему приходила Дуся, младшая дочь,—стирала, прибирала в комнате, рассказывала про родственников, а Прокопыч всегда давал ей рыбы.

Дусе было лет тридцать, у нее была своя семья, свои заботы, поэтому у отца она не задерживалась, а, быстро наведя порядок в хозяйстве бакенщика, уходила.

Гораздо чаще наведывались к Прокопычу ребята с хутора. Они любили у него бывать. И не потому, что он брал их с собой на рыбалку или возил зажигать бакены. Нет, просто с Прокопычем было легко, с ним они чувствовали себя взрослыми и самостоятельными. Бакенщик держался с ними серьезно, как с равными, и они были с ним на «ты». Серега в избе Прокопыча запросто курил, а в разговоре нет-нет да и вставлял для солидности крепкое словечко. Уж здесь-то он ни за что не стал бы спорить о выпитой газировке.

К Прокопычу поспели вовремя. Он уже распутывал цепь, на которой держалась лодка,— собирался плыть к бакенам.

— Здорово, Прокопыч! — первым сказал Серега.

Дружно поздоровались и остальные. Последним тихо проговорил Володя:

— Здравствуйте.

— А-а,— поднял голову бакенщик,— пришли. Ну, ну.— И он снова завозился с цепью.

Когда же Прокопыч разогнулся, Володя увидел, что бакенщик высок и худощав. В черной его бороде была проседь, а держался он прямо, не сутулился. Такого бы Володя не назвал стариком.

— Порядок,— сказал Прокопыч и, ни на кого не глядя, добавил: — Садись.

Кроме бакенщика, в лодку мог сесть еще один. Но кто?

Васька и Седой посмотрели на Серегу. У него была особая дружба с Прокопычем. А из всех остальных бакенщик никого не выделял, даже не называл по имени.

Серега молчал. Он знал: как он захочет, так и будет. Наконец он кивнул Седому:

— Давай ты.

Лодка быстро пошла от берега. Прокопыч греб легко. Ровные взмахи весел уносили лодку туда, где на горизонте далеко-далеко виднелся остров. И через некоторое время голова Седого белела уже совсем маленькой точкой.

— Отчего он седой? — спросил Володя.

— От старости,— буркнул Серега и пошел к навесу, под которым лежала большая новая лодка.

Васька сказал:

— Да у них в роду все седые: что отец, что дед.

Вдалеке на темной поверхности воды загорелся огонек, и сразу стало веселее: где-то там, на пустынном просторе, есть люди — Прокопыч и Седой. Они зажигают бакены.

— Скоро теплоход будет, — сообщил Васька.

— Ты откуда знаешь?

— Знаю вот.

Один за другим засветились еще несколько огоньков. Прилетевший ветер раскачал бакены, и огоньки задвигались, замигали, и казалось, что они зовут к себе, приглашают поиграть в какую-то веселую неизвестную игру. Сосны тоже зашумели, и уснувший было лес вдруг задышал и забеспокоился.

Васька сосчитал огоньки и сказал:

— Последний остался. Зажгут его и вернутся.

Володя ничего не ответил, а, помолчав, тихо спросил:

— Ты слышишь, как лес шумит?

Васька насторожился.

— Слышу... Ну и что?

— Так. Ничего.

Закусив губу, Васька смотрел на Володю: старался понять, чего же хотел от него москвич. Ни до чего не додумавшись, он сказал:

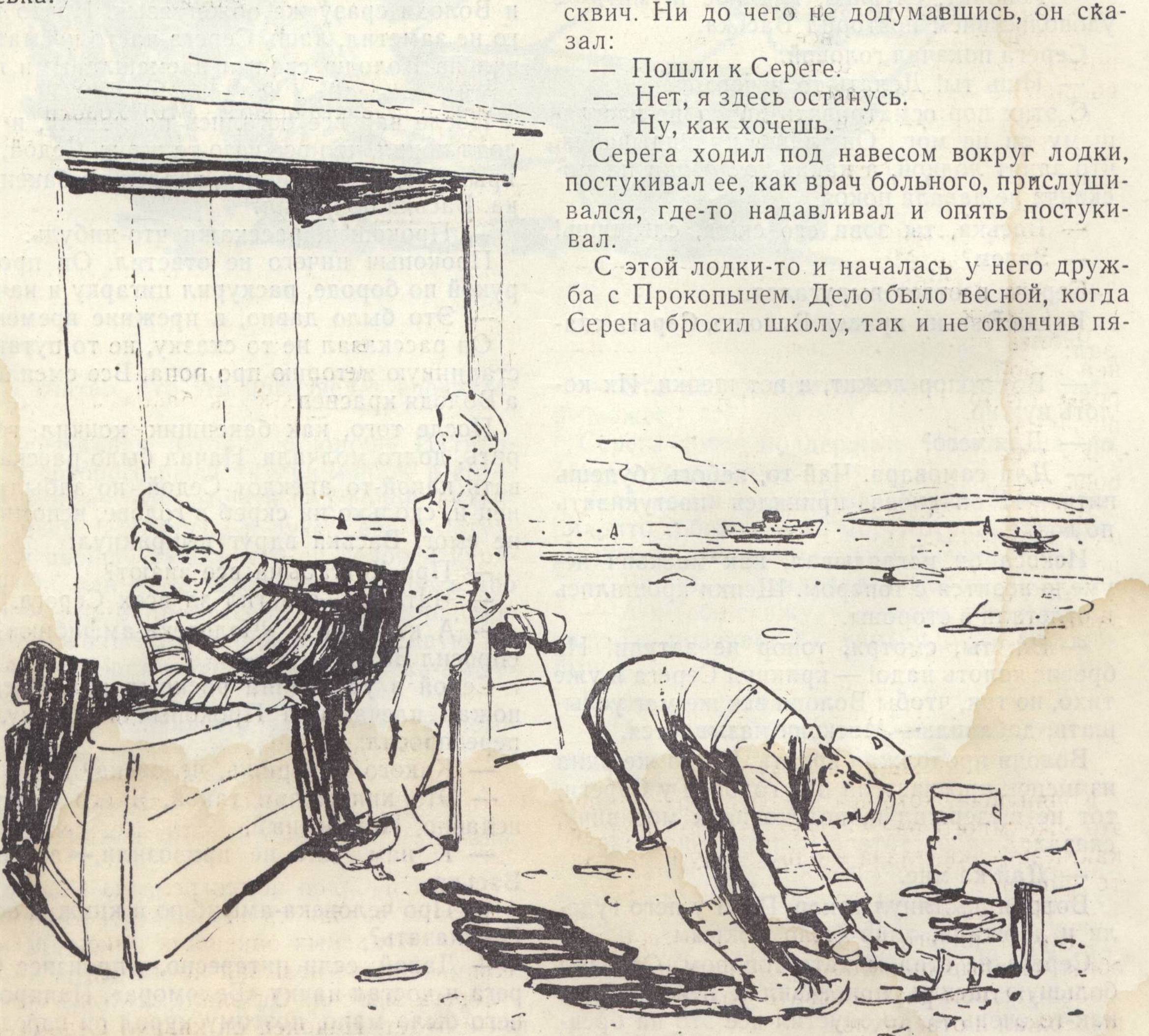
— Пошли к Сереге.

— Нет, я здесь останусь.

— Ну, как хочешь.

Серега ходил под навесом вокруг лодки, постукивал ее, как врач больного, прислушивался, где-то надавливал и опять постукивал.

С этой лодки-то и началась у него дружба с Прокопычем. Дело было весной, когда Серега бросил школу, так и не окончив пя-



того класса, в котором торчал уже второй год. Отец крепко выпорол Серегу, после чего тот исчез на неделю. Скрывался он у Прокопыча — целыми днями смолил вместе с бакенщиком новую лодку. Когда же Серега вернулся домой, на семейном совете порешили устроить его с осени учеником на завод в Ярославле. Знакомый слесарь обещал все уладить. Серега с нетерпением стал ждать осени.

Васька зашел под навес и тоже начал деловито ходить вокруг лодки.

— Скоро вернутся,— сказал он.— Уже все зажгли.

Серега, постукивая по лодке, спросил:

— А москвич где?

— На берегу,— фыркнул Васька.— Лес слушает.

— Что?

— Говорит, слушаю, как лес шумит,— с удовольствием повторил Васька.

Серега покачал головой.

— Ишь ты! Делать-то нечего.

С этих пор осматривать лодку по-настоящему он не мог. Он лишь прикидывался, что занят лодкой, а какая-то досада на москвича не давала покоя.

— Васька, ты зови его сюда, слышишь!

— Зачем?

Серега в ответ выругался.

Когда Васька привел Володю, Серега сказал:

— Вот топор лежит, а вот щепки. Их колоть нужно.

— Для чего?

— Для самовара. Чай-то, небось, будешь пить.— И он снова принялся постукивать по лодке.

Искоса он поглядывал, как москвич неумело возится с топором. Щепки крошились и отлетали в стороны.

— Эй, ты, смотри, топор не затупи! На бревне колоть надо! — крикнул Серега и уже тихо, но так, чтобы Володя все же мог услышать, добавил: — Москвич называется.

Володя продолжал колоть. Когда же одна из щепок просвистела над головой у Сереги, тот не выдержал и, подскочив к москвичу, сказал:

— Дай-ка мне.

Володя протянул топор. Руки у него гудели и дрожали, лицо было мокрым.

Серега не стал махать топором. Он взял большую щепку, приставил к ней топор и как-то очень легко опустил все это на бревно. Щепка развалилась на две части и осталась тут же, на месте.

Володя и сам не заметил, как загляделся на Серегу.

Пришли Прокопыч и Седой.

— Ну вот,— проговорил бакенщик,— будем самовар ставить.

Самовар вначале вел себя спокойно, затем стал потрескивать, выплевывать из трубы искры и гудеть.

На столе, когда все уселись вокруг, самовар продолжал миролюбиво попыхивать и казался добрым и смешным знакомым. Рядом стояла керосиновая лампа. Ее огненный язычок дергался и дрожал.

Чай пили вприкуску. Володя так не умел, но ложки, чтобы размешать сахар, ему не дали, и поэтому он пил, как и все. Вначале это показалось интересным, но чай был очень горячий, а в блюдце никто не наливал, и Володя сразу же обжег язык. Никто этого не заметил, лишь Серега часто посматривал на Володю своими насмешливыми глазами.

После чая все остались на местах, и Володя понял, что все чего-то ждут. Седой, открыв рот, не отрываясь, глядел на бакенщика. Васька попросил:

— Прокопыч, расскажи что-нибудь.

Прокопыч ничего не ответил. Он провел рукой по бороде, раскурил цигарку и начал:

— Это было давно, в прежние времена...

Он рассказал не то сказку, не то путаную старинную историю про попа. Все смеялись, а Володя краснел.

После того, как бакенщик кончил говорить, долго молчали. Начал было рассказывать какой-то анекдот Седой, но забыл конец и, сколько ни скреб в голове, вспомнить не смог. Васька вдруг выкрикнул:

— Про Хоттабыча все знают?

— Читали,— ответил за всех Серега.

— А кто видел «Человека-амфибию»? — спросил Володя.

Седой в удивлении раскрыл рот, Васька пожал плечами, а Прокопыч кашлянул и переспросил:

— Какого, говоришь, человека?

— Это кинофильм такой. Я его смотрел недавно. Интересный.

— К нам еще не привозили,— заметил Васька.

— Про человека-амфибию и книжка есть. Рассказать?

— Давай, если интересно,— произнес Серега и достал пачку «Беломора». Папирос у него было мало, поэтому курил он изредка,



когда считал, что это произведет впечатление.

Необычайная история о юноше Ихтиандре, у которого были акульи жабры и который поэтому мог дышать под водой, захватила всех. Папироска в руке Сереги потухла: он вообще забыл, что он человек курящий. Он, как и все, мог только слушать про таинственного профессора Сальвадора, про злого и жадного испанца, про красивую девушку, которая полюбила человека-амфибию.

Володя закончил эту удивительную историю, рассказав, как Ихтиандр бежал из тюрьмы и скрылся в море.

— А дальше что? — спросил Васька.

— В книжке больше ничего не написано. Все.

Седой тронул Володю за руку.

— Ну, а Ихтиандр?

— Уплыл.

— А потом?

— Я откуда знаю? Книжка кончилась.

Прокопыч кашлянул и проговорил:

— Это все баловство одно. Такого быть не может.

Серега хотел поддержать Прокопыча, но почему-то смолчал.

— А нам в школе Иван Васильевич говорил, что собакам ноги могут отрезать и приращивать снова,— заметил Васька.

— Верно,— обрадовался Седой.

— А я тебе скажу, что черта вчера встретил. Ты поверишь? — ухмыльнулся Прокопыч.

Васька не сдавался:

— А, может, через несколько лет еще не такое смогут. Правда, Володь?

— Конечно, смогут.— И Володя тут же в самом деле подумал: «А ведь смогут!»

Серега не вступал в этот спор. Хотелось стать на сторону Прокопыча и сказануть москвичу что-нибудь такое, но вспомнился Ихтиандр, профессор Сальвадор, и Серега ничего не мог с собой поделать. Тогда он встал из-за стола и сказал:

— Засиделись мы у тебя, Прокопыч. Поздно уже.

— А мне что, сидите. Я вас не гоню.

Серега выразительно взглянул на ребят.

— Нет, уж мы пойдем.

По дороге опять говорили о человеке-амфибии. Серега шел молча. Возле Васькиной избы остановились: расходиться не хотелось. Володя облокотился на изгородь и запрокинул голову.

— Ты что там увидел? — спросил Васька.

— Звезды.

Все помолчали. Володя сказал:

— Хотите, я вам Кассиопею покажу? Меня отец научил.

— Покажи.

К нему подошли Седой и Васька.

— Вон, видите пять больших звезд? Да не там. Вот, куда я рукой показываю.

Седой и Васька смотрели, не дыша, стараясь отыскать Кассиопею.

— Вижу! — закричал вдруг Васька.— Вот она!

— Пусти-ка! — забеспокоился Седой.

Он придвинулся поближе к Володе и, когда тот терпеливо объяснил, как найти Кассиопею, тоже заорал:

— Ух ты! Точно! Ты скажи! — Потом он добавил: — А вот если в ракете лететь, вот Кассиопея-то здоровая будет, а?

— Не знаю,— ответил Володя.— Каждая звезда, она, как Солнце, а то и больше.

— Ну да-а? — недоверчиво протянул Седой.— Солнце-то вон какое! А звезды?

— Так звезды, может, в миллион раз дальше от Земли. Поэтому и маленькие.

Где-то недалеко от ребят пролетела ночная птица.

— А про Кассиопею легенда есть,— заговорил Володя.— Это была в древности царица такая. А у нее дочь была. Ее Андромедой звали. И стала хвастать царица, что Андромеда самая красивая. Услышали об этом боги и рассердились.

— Тебе, москвич, надо в попы идти,— перебил его Серега,— вот где наврешься-то...

Но Володя продолжал:

— Они напустили на страну страшное чудовище, Кита...

— Какое же кит чудовище? Их в океане дополна водится,— не выдержал опять Серега.

— А тот был чудовище. У него из глаз огонь вылетал, а из ушей дым шел,— спокойно ответил Володя.— Этот Кит приплывал каждый день и поедал людей. Тогда царь (я не помню, как его звали) и царица Кассиопея стали просить у богов пощады. А боги сказали, что надо отдать Андромеду Киту на съедение. Заплакали царь и царица, но делать нечего. Они велели приковать цепями свою дочь к скале у моря. Тут мимо пролетал на крылатых сандалиях один воин. Была у него с собой голова колдуньи...

— Иди ты! — прошептал Седой.

— Да. Эта колдунья превращала всех в камень, кто только на нее смотрел. Но воин ее победил. Он смотрел не прямо на колдунью, а на отражение в своем щите, который был блестящий, как зеркало...

— Ну и что?

— Ну и вот, увидел воин Андромеду и пожалел ее. А тут Кит уже подплывает. Тогда воин выставил голову колдуньи. Кит как взглянул, так и окаменел. Превратился в каменный остров.

— А Кассиопея?

— Ну, она что, она очень обрадовалась. А вот звездам дали потом названия Кассиопея, Андромеда, Кит. И как того царя звали, тоже есть звезда... И воина того... Мне отец показывал, только я забыл. А Кассиопею запомнил.

Серега все стоял в стороне и украдкой поглядывал на небо, но Кассиопею он не отыскал. Его взяла злость. «Расхвалился москвич»,— подумал он. Но долго вытерпеть Серега не смог и сказал:

— Слушай, ты это... Ты мне покажи.

Володя снова поднял руку и стал объяснять, и Серега сразу же увидел эти пять крупных звезд. Он не закричал, как Седой и Васька, он только подумал: почему же раньше никто ему не рассказал про Кассиопею? А москвич опять заговорил:

— Посмотри на месяц. Тучи бегут, а он словно за сосну зацепился, за самую верхушку, верно?

«Верно»,— подумал Серега, а вслух произнес:

— Чудной ты!

3

Вот уже два дня, как Прокопыч ездил на косьбу. Он косил на острове. Трава там была высокая и сочная. Сам Прокопыч не держал коровы, но сено готовил на каждую зиму — несколько копен отдавал Дусе, а остальные шли в продажу.

Прокопыч хотел еще вчера все докосить, но не успел и теперь думал управиться к обеду.

С самого утра день выдался жаркий. Позавтракав, Прокопыч завернул в узелок

полбуханки хлеба, миску жареной рыбы, несколько луковиц да жестяную коробочку с чаем и кусками сахара. Затем он запер дверь, закурил и пошел к берегу.

В своей лодке он вдруг увидел человека и зашагал быстрее. Подойдя ближе, Прокопыч рассмотрел, что человек, сидевший неподвижно на носу лодки, был мальчишка. Он удил рыбу и так был занят этим, что не заметил Прокопыча, пока тот не подошел к лодке и не кашлянул. Мальчишка испуганно оглянулся, и бакенщик узнал в нем москвича.

— Здравствуйте,— сказал Володя.

— Здорово...— строго ответил Прокопыч и, вдруг улыбнувшись, добавил: — Анфи-ибия.

Докурив цигарку, он поинтересовался:

— Много наловил?

— Да я только начал.

— Та-ак,— кивнул Прокопыч.— Доложу я тебе, что на этом месте одни коряги имеются.

Он бросил узелок в лодку и начал распутывать цепь. Володя понял, что нужно вылезать из лодки. Он поднял удочку и спросил:

— А вы куда сейчас едете?

— На остров.

— Ловить рыбу?

— Косить.

— А-а,— протянул Володя и, набравшись смелости, попросил: — Меня с собой возьмите.

— Это зачем?

— Так. Ну... ну, косить тоже буду.

— Во-о, и помощничек есть,— усмехнулся Прокопыч.— Стало быть, косить умеешь?

— Нет,— признался Володя и покраснел.

— А плавать-то умеешь?

Володя обрадовался:

— Плавать умею.

— Верно, как анфибия плаваешь? — опять усмехнулся бакенщик.

Молча стал Володя выбираться из лодки.

— Ну что ж, оставайся,— сказал вдруг Прокопыч.— Мне грести сподручней будет. Садись вон позади.

Он оттолкнулся веслом, и легкие волны весело зашлепали по бортам. Володя оглянулся. По воде за лодкой пролег след, на котором кружились небольшие воронки. Берег удалялся быстро, а остров впереди был все таким же далеким и маленьким.

— Ты что молчишь? Рассказал бы что.

— О чем?

— А про что знаешь. У тебя это дело складно выходит.

Володя не знал, о чем рассказывать этому пожилому малознакомому человеку. Молчать было неловко, и Володя напряженно рассматривал дно лодки, узелок с буханкой, черпак, но вспомнить ничего путного не мог. Все казалось или давно известным, или просто ерундой.

— Ну, ладно, потом расскажешь, коли не хочешь,— услышал Володя и с облегчением перевел взгляд.

Над водой летали чайки, и было приятно смотреть на них и ни о чем не думать.

Доплыли незаметно. Прокопыч греб все так же ровно и легко, только его выгоревшая косоворотка местами взмокла.

Остров оказался большой. По берегам он густо зарос ольховником, но за ним виднелись красные стволы вытянувшихся сосен.

Лодку вытащили на берег и пошли по еле приметной тропинке. Под соснами стоял шалаш, а дальше раскинулся большой луг с ровными рядами скошенной травы.

Прокопыч дал Володе грабли. Траву, сухую и пахучую, нужно было собирать и относить под широкий навес. Сам же Прокопыч вынес из шалаша косу, попробовал ногтем ее лезвие и ушел докашивать луг.

Володя вскоре почувствовал усталость. Он кинул грабли и посмотрел в сторону Прокопыча. Движения бакенщика были точные и красивые. Казалось, что не человек делает эти ровные взмахи косой, а сама коса, наклоняясь, вышагивает по лугу, а Прокопыч только сдерживает ее, слишком резвую и нетерпеливую. «Вжик, вжик...» — приглушенно посвистывает коса, и трава ложится покорно, безропотно. «Вжик, вжик...» — посвистывает коса деловито, и Володины руки подняли грабли. «Вжик, вжик...» — посвистывает она с одобрением, и грабли снова заработали.

Часа через два Прокопыч кончил косить. Он позвал Володю к шалашу и сказал, что пора обедать. Ели жареную рыбу и закусывали луком, а над костром на перекладине висел весь черный от копоти котелок с чаем.

Сразу же после обеда Прокопыч уснул. Володя взял косу и пошел к кустам, возле которых оставалась трава. Он махнул косой, но она не просвистела свое обычное «вжик», лишь головки высоких цветов попадали вниз. Он махнул второй раз, и коса воткнулась в землю своим острым жалом. Володя

испугался, отнес косу назад, а сам залез в шалаш и лег рядом с Прокопычем. Он подумал о том, что нужно попросить бакенщика, чтобы тот научил его косить, и быстро заснул.

Его пробуждение было странным. Ничто не напоминало жаркий солнечный день. Было темно. Где-то неподалеку громыхал гром, и порывы ветра с яростью набрасывались на шалаш. Пока Володя раздумывал, будить ли Прокопыча или нет, раскат грома ударил над самой головой. Бакенщик приподнялся, посмотрел на небо, затем достал часы и проговорил:

— Тьфу ты пропасть! Темно-то как.

Они выбрались из шалаша. Дождя не было. Только крупные редкие капли тяжело ударялись о землю. Прокопыч занес косу и грабли в шалаш.

— Ну, а нам нужно бакены зажигать,— сказал он.— Пошли.

На этот раз плыть было трудно. Сильный ветер дул навстречу лодке, нагонял на нее большие волны. Лодку то поднимало, то бросало вниз, но Прокопыч держался уверенно. Он все время направлял ее так, чтобы лодка встречала волны носом, а не подставляла им свои борта.

— Ничего, москвич,— прокричал он,— одолеем!

Володе он велел взять под задним сиденьем брезентовую штормовку, надеть ее и сесть спиной к ветру, который заливал все брызгами и водяной пылью.

Когда подплыли к первым бакенам, Володя уже привык и к волнам и к ветру, и все кругом даже стало ему нравиться, потому что было необычным и опасным.

Темнота сгущалась, и ветер не утихал, но дождя так и не было. Гром слышался уже издалека, и его раскаты напоминали ленивое стариковское ворчание.

У одного из бакенов Прокопыч замешкался, и волна надвинулась на развернувшуюся лодку сбоку. Лодку сильно накренило. Через борт плеснула вода.

— Черпак бери! — крикнул Прокопыч, выравнивая лодку.

И Володя заработал черпаком с такой поспешностью, что через минуту воды в лодке не осталось.

Когда зажигали последний бакен, лодка опять успела развернуться. Волна подняла ее и бросила на бакен. Раздался какой-то треск, и лодка снова черпнула воды.

— Что там? — вырвалось у Володи.



— Ничего,— не сразу ответил Прокопыч,— вычерпывай.

Он не сказал, что часть весла, попавшего между лодкой и бакеном, откололась. «Только малого испужаешь»,— подумал он. Теперь продвигались еще медленнее. Лодку все время уводило вправо, и Прокопыч еле успевал ее выравнивать.

Сломанное весло Володя заметил сам. Но он уже ни о чем не спросил Прокопыча, а, напротив, сделал вид, что по-прежнему так и не знает об этом.

Воды в лодке оставалось совсем немного, когда черпак вдруг выскользнул из Володиных рук. Володя растерянно оглянулся на бакенщика, но тот, выравнивая лодку, смотрел на берег. Тогда Володя начал набирать воду в пригоршни. Получалось неплохо.

Ветер постепенно стихал, и волны становились меньше, зато темнота продолжала сгущаться. Черная стена леса на берегу казалась уже недалекой, но Прокопыч знал, что на самом деле еще немало придется поработать веслами.

Он напряженно всматривался в еле различимую полоску земли, стараясь отыскать песчаную косу, которая уходила от берега метров на сто. В темноте найти эту узкую косу было трудно. И тут впереди, с правой стороны, Прокопыч заметил огонек. Вот он задрожал и стал ярче. «Костер!» — мелькнуло в голове бакенщика. Огонь горел не на берегу. Он был гораздо ближе к лодке. «Так это ж на косе,— догадался Прокопыч.— Неужто ребята разложили?»

Володя вычерпывал воду руками, но она не убывала. Он понял, что лодка протекает.

— Кажись, скоро дома будем,— донесся голос Прокопыча.— Слышь? Тебя как звать-то?

— Володя.— И, помолчав, он добавил: — Лодка у нас течет.

— А черпак на что? — как-то весело прокричал бакенщик.

Володя зачерпнул пригоршню воды и тут же вскрикнул. Глубоко под ноготь вошла заноза. Он попробовал вытащить ее, но в темноте было плохо видно.

— Что, уснул? Воды-то сколько!

Володя спохватился и снова стал черпать воду. Палец ныл, а при каждом неосторожном движении острая боль заставляла Володю вздрагивать.

Между тем костер горел уже не ярким пламенем, и когда подплыли к косе, то увидели, что там никого нет. Лишь огонь нехотя облизывал оставшиеся крупные головешки.

Прокопыч и Володя шагали по косе, и первое время им казалось, что земля под ногами слегка покачивается. Володя обернулся. Из тьмы приветливо подмигивали огоньки бакенов.

Ветер куда-то умчался. А волны, видимо, нагулявшиеся вволю, опять стали обычными, безобидными. И теперь трудно было поверить, что они совсем недавно набрасывались одна за другой на маленькую лодку и непременно хотели ее проглотить. Из-за уходящей тучи вынырнул месяц, и его серебристый свет заиграл на волнах.

Володю охватила непонятная радость, и он сказал:

— Пошли быстрей, Прокопыч.

— А куда нам спешить?

— Просто так.

Они прибавили шагу.

Около избы Прокопыча послышались голоса. Через несколько минут Володя и бакенщик увидели трех ребят, которые, пыхтя и отдуваясь, волочили по земле большую лодку.

— Э-эй! — крикнул бакенщик.

— Проко-о-пыч! — донеслось в ответ.

Первым подбежал Серега, а за ним следом — Васька и Седой.

— На что лодку взяли? — строго спросил Прокопыч.

— А мы видели, что...— начал Васька, но Серега перебил:

— Подобрать вас хотели.

— Подобрать,— проворчал бакенщик,— теперь назад ее тягайте.

Но сам он первый подошел к лодке, и все вместе они быстро затащили ее под навес, на прежнее место.

— На остров-то косить ездили? — спросил Седой у Володи.

— Косить.

— Намаялся?

— Да ничего,— улыбнулся Володя.

Подошел Серега.

— Хочешь завтра с нами раков ловить?

— Я не умею.

— Научишься.

Пока Васька ставил самовар, Прокопыч решил произвести операцию на Володином пальце. Для этого он достал большой рыболовный крючок и подкрутил фитиль в лампе. Володя поморщился. Седой и Серега смотрели сочувственно. Но Прокопыч взял крючок с такой уверенностью, будто собирался наживить на него червя.



Операция была короткой. Уже через несколько секунд все рассматривали вынутую занозу.

— Здоровая! — заметил Седой.

— А у меня в прошлом году еще здоровее была,— сказал Васька.

— Ври больше! — отозвался Седой.

Володя попросил Прокопыча:

— Помажьте мне йодом.

Бакенщик лишь покачал головой:

— Нет у меня лекарствов.

— Сейчас будут,— сказал Серега и вышел.

Вернувшись, он обратился к Володе:

— Давай руку.

И он приложил к пальцу лист подорожника. Седой примотал его ниткой, а Прокопыч проговорил:

— Заживет до свадьбы.

Когда пили чай, Васька вдруг вспомнил:

— Володь, а сегодня опять ракету запускали. Почтальон рассказывал. Я сам слышал.

— Иди ты! — произнес Седой и тут же сорвался с места: — Пошли смотреть, небось, увидим.

Все вышли во двор. Но как ни старались, ракету не обнаружили.

— Ладно, будем чай допивать,— сказал Прокопыч.

Никто не двинулся с места.

Володя, не отрываясь, смотрел в ночное небо. Одни звезды были большие и яркие, как огни на бакенах, другие можно увидеть, если будешь всматриваться до боли в глазах.

— На Кассиопею смотришь? — спросил Серега.

— Угу.

— На эту? — Он показал пальцем.

— Угу.

Прокопыч кашлянул.

— А мой дед говорил, будто звезд нету вовсе,— сказал он,— а есть на небе лампады, которые ангелы зажигают.

— Брехня, — отозвался Серега. — Звезда — это солнце. Только очень далекое.

И он посмотрел на Володю, который, глядя вверх, чему-то слегка улыбался.

Серега сел на землю, обхватил колени руками и тоже уставился в небо. Смотрел и Седой, раскрыв рот, и Васька, и Прокопыч — все смотрели на эти пять далеких звезд с красивым и непонятным названием — Кассиопея.



ПОБЕДА — ЗА ДРУЖНЫМИ

По справедливости

Под Новый год в дружине много хлопот. Елку устраивать — раз. К зимним каникулам готовиться — два. Полугодие кончается — три. Кому двойку исправлять надо, кому тройку, а кому обязательно пятерку получить надо, ходит, просит учительницу, чтоб еще раз спросила.

А в этом году еще одна забота прибавилась, очень важная. К первому января в дружинах подводят первые итоги всесоюзного соревнования отрядов. Надо определить, какой же отряд самый лучший. Какие три отряда лучшие, потому что соревнование идет отдельно для пионеров первой ступени, отдельно — для второй, отдельно — для третьей.

Думаете, это легко — найти лучших? Тут ведь надо по справедливости!

Вот какие события происходили в одной дружине, когда подводили итоги соревнования.

КАТОК ПОД СНЕГОМ

Отряд шестого «Б» прогремел на всю дружину. И в стенгазете про него написали, и по радио рассказывали, и на совете дружины говорили: шестой «Б» открыл пионерский каток! Во дворе дома № 8, где живут многие ребята из этого отряда. Правда, если бы кто-нибудь видел, как каток заливали, то, наверно, вся дружина хохотала бы над шестым «Б»



и заметку об отряде поместили бы не в первой колонке газеты под заголовком «Наши пионерские подарки», а в последней, где «Сатира и юмор». Когда за дело берешься, надо все как следует разузнать. А тут решили: «Подумаешь, каток залить — пустяки!» До асфальта снег счистить поленились и вот давай ведра с водой таскать! Плеснут из ведра, а на снегу — рытвины. Мучились, мучились, пока кто-то шланг не притащил брезентовый. Пробовали воду пустить, а она замерзла в шланге, и его не согнешь, ни повернешь, а тут еще руки у всех позамерзали!

Но все-таки каток залили. Один вечер катались кое-как — с ухаба на ухаб. Потом и слава пришла: «Пионерский каток работает!»

Когда стали присуждать вымпел «За лучшую зону», председатель шестого «Б» сразу сказал:

— Мы каток залили! Знаете, какая работа!

Но совет дружины справедливый. Ребята сказали:

— Надо пойти посмотреть.

Пошли во двор дома № 8, а каток уже давным-давно снегом занесло. Его ни разу с тех пор не расчищали.

И отдали вымпел другому отряду.

ТРИ ДВОЙКИ НИКИТИНА

На совете дружины два председателя из отрядов седьмых классов, Наташа Лемехова и Шура Липницкая, перебранивались:

— У вас три двойки в четверти, а у нас ни одной!

— Как не стыдно — ни одной! У одного Никитина штук пять!

— А Никитин не пионер, и вообще он ушел из школы!

Но тут вмешались ребята из совета дружины. Кто-то перебил:

— Погодите, как это Никитин ушел? Я его недавно видел!

— Ушел, ушел, вчера мать за документами приходила...

— А куда же он ушел?

— Не знаю... Кажется, в ремесленное поступать будет...

Совет дружины решил: этому отряду ни вымпела «Учимся на совесть», ни первого места не давать; дружинному пионерскому посту всеобуча вынести выговор; сделать все возможное и невозможное, чтобы вернуть Мишу Никитина в школу.

Разве в ремесленном училище недоучки нужны? Никто туда Мишу и не примет. Просто он бросил учиться, а товарищи его обрадовались, что хлопот теперь меньше... Вот так «лучший» отряд!

ЧТО ВАЖНЕЕ

Ребята из отряда имени Саши Чекалина перечисляли:

— Три альбома сделали... На конкурсе строевой песни первое место заняли... Сбор «Два мира — два детства» провели...

Все слушали внимательно. Ничего не скажешь — поработал отряд. И учатся ребята хорошо, на совесть. А звание «Спутник семилетки» еще в прошлом году получили. Ну, что ж, первое место, да?

Председателю совета отряда пятого «В» после такого выступления и говорить не хотелось.

— А мы ничего не делали такого... Только над детским садом шефствовали.

— И в походы не ходили?

— Нет, мы ходим. Через воскресенье ходим. Так это же не считается...

А совет-то дружины справедливый! Он решил: детский сад важнее, чем альбомы и конкурс песни. Работу проверили — малыши пионеров любят, воспитательницы ими не нахвалятся. Присудить первое место пятому «В».



МЫ ПРИСЛУШИВАЕМСЯ

— Ну, конечно, Нина Васильевна сама пошла на совет, теперь «бешкам» первое место обеспечено, — ворчали ребята в коридоре.

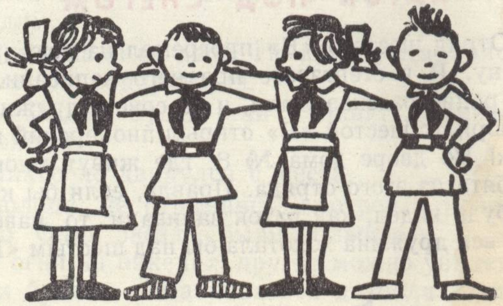
Совет дружины заседал в пионерской комнате, а под дверями стояла большая толпа; все волновались. Когда председатель совета отряда четвертого класса «Б» рассказал о своем отряде, Нина Васильевна сказала с места недовольным голосом:

— Подожди, Григорьев. А про цветы забыл?

Григорьев рассказал про то, что в их классе всегда поливают цветы.

— А как дежурили? Помните, лучше всех в школе дежурили?

— Лучше всех в школе дежурили... — повторил Григорьев.



Но когда стали присуждать первое место, предложили кандидатуру четвертого «А». Дел у них, правда, поменьше, зато ребята очень дружные и самостоятельные. С четвертым «Б», когда Нина Васильевна болела, никто справиться не мог, а в четвертом «А» ребята сами организовали пионерскую разведку, сами по выходным дням собираются вместе играть. Все в школе знают, какой четвертый «А» дружный.

Нина Васильевна обиделась.

— Все-таки надо прислушиваться к учителям, — сказала она и почему-то покраснела. — И потом, почему нет завуча Василисы Викентьевны? Это неправильно — без завуча такие дела решать.

Тут встал председатель совета дружины восьмиклассник Володя Акимов.

— Вы извините, пожалуйста, Нина Ва-

сильевна, — сказал он. — Мы прислушиваемся. А решаем сами. Нас ведь ребята выбрали!

Нет, недаром совет дружины прозвали советом справедливых.

ОБИДА



В шестом «В» все обижены. Старались, старались, друг другу помогали, все двойки исправили, работали, как никогда... А первого места не дают. Ребята из совета дружины, которые проверяли работу, сказали:

— Старались — это хорошо, но соседи ваши из шестого «А» лучше работали.

— Больше я за этим ломом не пойду! — сказал Вася Филин. — Больно надо напрасно стараться!

— Верно! Пусть шестой «А» за всех таскает! — подхватил его дружок Шура Александров.

А Оля Евстигнеева, председатель совета отряда, сидела на своей первой парте и плакала. На совете дружины она даже говорить не могла: так ей обидно было.

Но ведь здесь не по отчету судят, не по тому, кто как выступает, а по делам. Правда, у шестого «А» дела получше, но и шестой «В» обижать не стоит.

Как же быть?

Совет дружины снова посовещался, и решили: устроить на каникулах совместный поход двух отрядов. Какой отряд себя лучше покажет в походе, тому и быть на первом месте!

— Вот это по справедливости! — закричал Васька Филин, когда узнал про решение. — Мы им покажем!

— Только смотри, Васька! — сказала председатель Оля Евстигнеева, вытирая слезы. — Они решили, что лучшим будет считаться тот отряд, который будет дружелюбнее к своему «противнику».

* * *

Но вы, наверно, скажете: хорошо этим ребятам, у них вон какой совет дружины. А наш? Присуждают места как попало, так что и соревноваться не хочется.

Что вам сказать на это, ребята? Только одно: надо выбирать в совет дружины действительно самых справедливых, таких, которым можно доверять!

И еще одно: если первое место вам не досталось, не стоит сразу начинать кричать о нечестности, не стоит и обижаться. Гораздо правильнее собраться группой ребят и всем вместе пойти в отряд победителей, посмотреть, как там живут ребята и что делают. И постараться работать так же, как они, и еще лучше.

А то в следующий раз опять останетесь в обиженных!

Вожатый Сима Соловьев.



ПОБЕДА — ЗА ДРУЖНЫМИ

РЕБЯТА спрашивают о КОММУНИЗМЕ

Дорогая редакция!

Мне очень хочется жить при коммунизме. Но я еще не совершила ничего особенно выдающегося, а за некоторые поступки иногда даже приходится краснеть. Как мне быть? Ведь при коммунизме все люди будут особенными, прекрасными.

Лида Круглова

г. Магнитогорск.

Привычка быть хорошим

Лида задала очень серьезный вопрос. Попробуем в нем разобраться.

В Программе нашей партии говорится не только о том, как построить коммунизм, но и о том, каким должен быть настоящий, достойный коммунистического общества человек. Это вовсе не какой-нибудь фантастический герой. Наоборот, в его облике многое нам как будто знакомо. Он похож и на некоторых литературных и исторических героев и на некоторых наших современников. Подумайте сами, разве Джордано Бруно, Гаврош, Вера Павловна из романа Чернышевского «Что делать?» не обладали качествами, достойными человека будущего? А Сережа Костриков (помните книгу «Мальчик из Уржума»?), Павка Корчагин, Павлик Морозов, Наташа Ковшова? Или четверка советских космонавтов, кукурузовод Надежда Заглада, которую сегодня знает весь Советский Союз? Конечно, эти люди — лучшие из лучших, и они долго будут служить нам всем примером. Но оглянитесь просто вокруг себя, и вы увидите учителя, который всю жизнь отдал вам, ребятам; рабочего, который так здорово работает, что уже выполнил свою семилетку и, кроме того, успевает вести в вашей школе технический кружок, патрулировать по улице с повязкой дружинника; школьниц, в тревожную минуту спешащих на донорский пункт, чтобы отдать свою кровь или кожу для спасения больного.

Да, ребята, мы уже хорошо можем представить себе человека коммунистического будущего. Одни его черты появились в далеком прошлом, в борьбе с гнетом богачей и попов, другие закалились в огне революции, третьи рождаются сейчас, когда мы уже строим коммунизм...



Антон Семенович Макаренко.

Но вот что надо непременно запомнить и Лиде Кругловой и всем ребятам: коммунистические черты характера не складываются в человеке сами собой. Их надо в себе воспитывать. Вы, например, хорошо знаете записанный в моральном кодексе строителя коммунизма ленинский девиз: «Каждый за всех, все за одного». А всегда ли вы его выполняете? То-то и оно, что не всегда. То позабудете помочь заболевшему товарищу, то какой-нибудь лентяй опозорит весь класс двойками да еще сорвет урок. При коммунизме такое событие вряд ли случится, ну, разве как редчайшее исключение. И знаете, почему? Потому что тогда не у некоторых, как сейчас, а у всех ребят будет одно очень важное качество: ПРИВЫЧКА ПРАВИЛЬНО ПОСТУПАТЬ.

Хорошее, правильное поведение станет у всех потребностью, привычкой.

Мы предлагаем вам, ребята, прочитать сейчас одно из высказываний замечательного советского педагога Антона Семеновича Макаренко. Оно поможет вам проверить себя, свои поступки, разобраться в том, как воспитать в себе хорошие, достойные коммуниста черты характера.



Вот что говорил Антон Семенович:

«Мы идем к коммунизму...

Наша задача не только воспитывать в себе правильное, разумное отношение к вопросам поведения, но еще и воспитывать правильные привычки, то есть такие привычки, когда мы поступали бы правильно вовсе не потому, что сели и подумали, а потому, что иначе мы не можем, потому, что мы так привыкли.

Организовать сознание очень легко. Все же человек понимает, человек сознает, как нужно поступать. Когда же приходится действовать, то он поступает иначе, в особенности в тех случаях, когда поступок совершается по секрету, без свидетелей. Это очень точная проверка сознания: поступок по секрету. Как человек ведет себя, когда его никто не видит, не слышит и никто не проверяет? Легко научить человека поступать правильно в присутствии коллектива, а вот научить его поступать правильно, когда никто не слышит, не видит и ничего не узнает, — это очень трудно...



Я несколько раз наблюдал, как коммунары [1] вели себя в трамвае. Вот сидит коммунар. Он меня не видит. Смотрю: в трамвай входит человек, коммунар осторожно сдвинулся с места, чтобы никто не заметил, ушел в сторону, и никто не заметил. Вот, товарищи, поступок здоровый, красивый поступок. Сделать для себя, ради идеи, принципа — это уже трудно, и научиться так поступать — трудно, и трудно научить так поступать. Например, вы идете по берегу реки, тонет девочка, вы прыгнули, вытащили девочку и ушли. Что такое, если вас увидят 3 — 4 человека и будут вам аплодировать? Пустяки. А хочется. Помните случай в Москве, когда был пожар. Какой-то молодой человек проезжал в трамвае, увидел девушку на четвертом этаже, полез, вытащил девушку и скрылся. Никто не знал, как его найти. Вот это идеальный поступок. Поступок для правильной идеи...



Мы натирали полы каждый день. Натерли пол, зал блестит, и кто-то прошел в грязных ботинках по полу. Пустяковый случай. Уверяю вас, никакое воровство, никакое хулиганство не доводило меня так до белого каления, как эти грязные следы. Почему нагрязнил? Потому что никто не видел. Ведь это, может быть, тот самый лучший коммунар, который от других требует правильного поведения, сам прекрасный ударник, идет впереди. И когда он остался один, наедине, когда его никто не видел — он плюнул на работу своих товарищей, на свой собственный уют, на свою эстетику и красоту, потому что никто не видел. Таково противоречие между сознанием, как нужно поступить, и правильным поведением. Между ними есть какая-то маленькая канавка, и нужно эту канавку заполнить опытом...



Кто будет нас воспитывать? Конечно, будет воспитывать партия, советская жизнь, школа, советское движение вперед, советские победы, которые и до сих пор нас воспитывали. Мы будем воспитывать сами себя».

---

[1] Коммунары — воспитанники детской трудовой коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, которой руководил А. С. Макаренко.

БРАТЬЯ



Поль ЭЛЮАР

Дети любого народа —
Братья французских детей.
У Жанны, Раймона и Клода
Сто тысяч хороших друзей!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАРОД!



Пьер МЕНАНТО

Как хороша земля!
А море как прекрасно!
Над морем и землей
Сверкает солнце ясно.
Да здравствует земля!
Привет морским просторам,
Огромным кораблям
И сочным помидорам!
Да здравствуют пернатые
И рыбы полосатые!

Среди земель и вод
Да здравствует народ!

МОЙ ПАПА

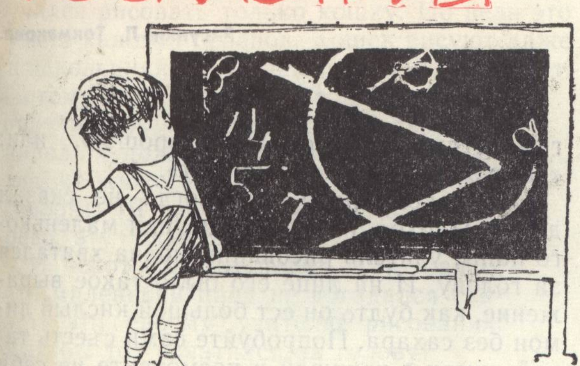
Жак ЮРБЕН

Как черный хлеб, он загорел,
Мой папа добр, мой папа смел.
Он знает все, он знает всех,
Он любит труд, он любит смех.
Не знает скуки мой отец,
Все говорят: он молодец!
Работает и дни и ночи
Простой рабочий.



Жюль СЮПЕРВЬЕЛЬ

ГЕОМЕТРИЯ

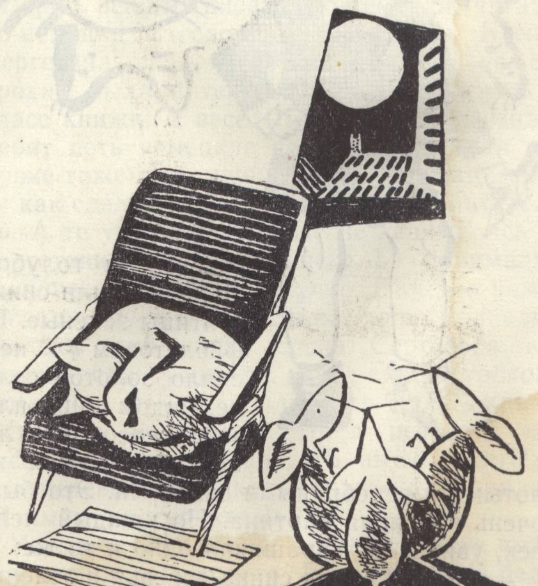


В классе четыре десятка ребят.
Цифры сливаются,
Цифры рябят.
С черного берега черной доски
Грозно глядят меловые круги,
Смотрят поверх удивленных голов
Грозные буквы
Неведомых слов,
Смотрит
(Ах, как бы в него не попасть!)
Угол,
Разинувший хитрую пасть...
Без геометрии трудно прожить,
Стало быть, надо задачу решить.
Эта задача трудна и длинна,
Горным ущельем змеится она.
Цифры, ах, цифры, мои и твои,
Закопошились, как муравьи!
К цифрам приковано крепко сейчас
Восемь десятков мальчишеских
глаз.

ПЕСЕНКА О СПЯЩЕЙ КОШКЕ

Тристан КЛИНГСОР

К черепицам рыжей крыши
Льнет луна. Светло, как днем.
Кошка спит. И пляшут мыши,
Пляшут серые втроем.
Вот луна нырнула в тучи.
Сумрак. Полночь, как-никак!
Спит хозяин, нахлобучив
Серый вязаный колпак.
Вновь луна глядит в окошко.
Спит хозяин, стар и хмур.
Крепко спит на стуле кошка,
Только слышно: «Мур-мур-мур...»
Тише, тише!
В лунном свете
Пляшут мыши
На паркете.
За окном по мостовой
Ходит толстый постовой,
На караул метлу держа,
Спят ночные сторожа.
Дремлют взрослые и дети,
Потому что ночь сейчас.
Только мыши на паркете
В поздний час
Пустились в пляс.
Ночь скользит по тротуарам,
Не боится темноты.
Крепко спят в Париже старом
Все парижские коты.
В кресле дряхлом и помятом
Сладко дремлет кошка-мать,
А парижские котята
Улеглись под кресло спать.
Свет луны лежит в углу.
Мыши пляшут на полу.
Кошка спит на старом кресле.



Смолкли гомон и галдеж.
Ну, а если, ну, а если
Вдруг она проснется все ж!..

Перевели А. Големба и А. Тверской.
Рисунки Е. Медведева.

КАК ПАПА УЧИЛСЯ В ШКОЛЕ

Александр РАСКИН

Рисунки Л. Токмакова.

КАК ПАПА РИСОВАЛ

Когда папа был маленьким, он очень любил рисовать. Когда же ему подарили цветные карандаши, то он рисовал целыми днями. Он рисовал домики. На каждом домике была труба. Из каждой трубы шел дым. Возле каждого домика стояло дерево. На каждом дереве сидела птица. Домики были красные. Крыши на них были желтые. Трубы все были черные. Дым из труб шел



розовый и голубой. Деревья были синие, а птицы зеленые. На фиолетовом небе сияло золотое солнце. Рядом с ним плавала серебряная луна, окруженная золотыми и серебряными звездами. Это была очень красивая картина. Но каждый человек, увидев ее, спрашивал одно и то же:

— Где ты видел синие деревья и зеленых птиц?

И маленький папа отвечал всем одно и то же:

— Вот на этой картинке.

Пока маленький папа не пошел в школу, он думал, что умеет рисовать очень хорошо. Но в школе все над ним смеялись на уроках рисования. Он рисовал так плохо, что учитель рисования ничего не говорил ему. Другим детям он говорил: «Хорошо!», или: «Плохо», или: «Поправь тут»...

Маленькому папе он никогда не сказал даже «Плохо». Глядя на рисунки маленького папы, учитель рисования молча хватался за голову. И на лице его было такое выражение, как будто он ест большой кислый лимон без сахара. Попробуйте сами съесть такой лимон с кожурой и посмотрите на себя в зеркало. Вот как раз такое лицо становилось у этого учителя рисования.

Некоторые девочки жалели маленького папу. Когда учитель отворачивался, они быстро рисовали в папиной тетрадке. Девочки старались рисовать как можно хуже. Но рисовать так плохо, как маленький папа, не удавалось никому. И учитель сразу замечал чужой рисунок. Тогда он говорил маленькому папе:

— Кто это нарисовал?

И маленький папа честно отвечал:

— Не я...

— Это я вижу,— говорил учитель.— Но я хочу знать, кто тебе помогал. Ведь так ты никогда не научишься рисовать. Нужно все делать самому.

— Я сейчас нарисую сам,— говорил маленький папа. И он рисовал.

И учитель опять хватался за голову.

— Вот теперь я вижу, что это ты,— говорил он.

Когда было родительское собрание, учитель рисования произнес такую речь:

— Товарищи родители! В этом классе по моему предмету успевают отлично пять человек.

И он назвал фамилии.

— Большинство детей занимается удовлетворительно. Есть небольшая группа отстающих.— И он назвал еще три фамилии.

Потом учитель рисования сказал:

— И есть еще один мальчик...— Тут он схватился за голову, сделал кислое лицо и назвал фамилию маленького папы. — Этот мальчик не просто отстающий,— сказал учитель рисования.— По-моему, у него какая-то болезнь, которая мешает ему рисовать.— И он опять схватился за голову.

Бабушке и дедушке было очень обидно узнать такое о своем ребенке. Но это была

чистая правда. Маленький папа окончил школу. Потом он окончил техникум. Потом — институт. За все это время он научился рисовать только кошку. Но ведь это умеет каждый ребенок. Кошек рисуют даже дошкольники. И папа им очень завидует. Потому что у них кошки гораздо лучше получаются, чем у него. Правда, папа видел художников, которые рисуют так же плохо, как он. Но при этом они говорят: «Я так вижу это лицо, это дерево, эту лошадь...»

И некоторые им верят. Как жалко, что маленький папа не догадался сказать это своему учителю рисования. Как бы тот схватился за голову!

КАК ПАПА ОТОМСТИЛ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ

Когда папа был маленьким и учился в школе, у него были разные отметки. По русскому языку — «хорошо». По арифметике — «удовлетворительно». По чистописанию — «неудовлетворительно». По рисованию — «плохо» с двумя минусами. И учитель рисования обещал папе третий минус.

Но вот однажды в класс вошла новая учительница. Она была очень симпатичная. Молодая, красивая, веселая, в каком-то очень нарядном платье.

— Меня зовут Елена Сергеевна, а вас как? — сказала она и улыбнулась.

И все закричали:

— Женя! Зина! Лиза! Миша! Коля!

Елена Сергеевна зажала себе уши, и все умолкли. Тогда она сказала:

— Я буду вас учить немецкому языку. Согласны?

— Да! Да! — закричал весь класс.



И вот маленький папа начал учиться немецкому языку. Сначала ему очень понравилось, что стул по-немецки — дер штуль, стол — дер тыш, книга — дас бух, мальчик — дер кнабе, девочка — дас метхен.

Это было похоже на какую-то игру, и всему классу было интересно это узнать. Но когда начались склонения и спряжения, некоторые кнабен и метхен заскучали. Оказалось, что заниматься немецким языком надо серьезно. Оказалось, что это не игра, а такой же предмет, как арифметика и русский язык. Надо было сразу учиться трем вещам: писать по-немецки, читать по-немецки и говорить по-немецки. Елена Сергеевна очень старалась, чтобы на ее уроках было интересно. Она приносила в класс книжки с веселыми историями, учила ребят петь немецкие песенки и шутила на уроке тоже по-немецки. И тем, кто занимался как следует, было действительно интересно. А те ученики, которые не занимались и не готовили уроков, ничего не понимали. И, конечно, им было скучно. Они все реже заглядывали в дас бух и все чаще молчали, как дер тыш, когда Елена Сергеевна их спрашивала. И иногда, перед самым уроком немецкого языка, раздавался дикий крик: «Их хабе шпацирен!» Что в переводе на русский язык означало: «Я имею гулять!». А в переводе на школьный язык означало: «Я имею прогуливать!».



Услышав этот вопль, многие ученики подхватывали: «Шпацирен! Шпацирен!» И бедная Елена Сергеевна, придя на урок, замечала, что все мальчики изучают глагол «шпацирен», а за партами сидят одни девочки. И это ее, понятно, очень огорчало. Маленький папа тоже занимался главным образом шпациреном. Он даже написал стихи, которые начинались так:

Нет приятней для уха детского
Слов знакомых: «Бежим с немецкого!»

Он не хотел обидеть этим Елену Сергеевну. Просто очень весело было убегать с урока, прятаться от директора и учителей, скрываться на школьном чердаке от Елены Сергеевны. Это было гораздо интереснее, чем сидеть в классе, не выучив урока, и на вопрос Елены Сергеевны: «Хабен зи ден федермессер?» («Есть ли у тебя перочинный нож?») — отвечать после долгого раздумья: «Их нихт»... (что по-русски звучало очень глупо: «Я нет...»). Когда маленький папа так ответил, над ним смеялся весь класс. Потом смеялась вся школа. А маленький папа очень не любил, когда над ним смеялись. Он гораздо больше любил сам смеяться над другими. Если бы он был умнее, то начал бы заниматься немецким языком, и над ним перестали бы смеяться. Но маленький папа очень обиделся. Он обиделся на учительницу. Он обиделся на немецкий язык. И он отомстил немецкому языку. Маленький папа никогда им серьезно не занимался. Потом он не занимался как следует французским языком в другой школе. Потом он почти не занимался английским языком в институте. И теперь папа не знает ни одного иностранного языка. Кому же он отомстил? Теперь папа понимает, что он обидел самого себя. Он не может читать многие свои любимые книги на том языке, на котором они написаны. Ему очень хочется поехать в туристское путешествие за границу, но ему стыдно ехать туда, не умея говорить ни на одном языке. Иногда папу знакомят с разными людьми из других стран. Они плохо говорят по-русски. Но все они учат русский язык, и все они спрашивают папу:

— Шпрехен зи дейч? Парле ву франсе? Ду ю спик инглиш?

А папа только разводит руками и качает головой. Что он может ответить им? Только: «Их нихт». И ему очень стыдно.

КАК ПАПА ПИСАЛ ДВА СОЧИНЕНИЯ

Когда папа был маленьким и учился в школе, у него был товарищ Вася Середин. Вася жил рядом с маленьким папой. И они всегда вместе ходили в школу и вместе шли из школы домой. И в школе они сидели на одной парте. Когда был урок арифметики, Вася решал задачи быстрее всех. И он помогал маленькому папе по арифметике. А папа помогал Васе учить стихи и писать



сочинения. И они были очень довольны друг другом. И даже дрались только между собой.

Однажды учительница задала всему классу урок. Надо было написать сочинение на тему «Как я провел лето». Вася Середин сказал папе:

— Я не знаю, что мне писать...

Маленький папа спросил его:

— Ты где был летом?

— В деревне,— сказал Вася.

— Вот и напиши про деревню.

— А чего писать?

— Ну, что ты там делал летом?

— А я ничего не делал... Купался в речке, рыбу удил с ребятами, в лес ходил...

— Ну вот и напиши все это,— сказал маленький папа.

Вася Середин написал свое сочинение очень быстро и показал его маленькому папе. Вот что он написал:

«Как я провел лето

Я летом был в деревне у бабушки. Купался, ловил рыбу, ходил в лес с ребятами. Летом в деревне хорошо.

В. Середин».

— Какое же это сочинение? — сказал маленький папа.— Ты напиши про бабушку, какая она была, что говорила, что делала, какие песни пела...

— Она не пела, она сказки говорила,— сказал Вася.

— Вот и напиши про сказки. Напиши, какие были ребята. Про речку напиши и про лес.

— Я так не умею,— сказал Вася.— Лучше я тебе все расскажу, а ты мне напиши.

И Вася все рассказал папе про бабушку, про ребят, про лес и речку. Папа написал

большое сочинение. Он очень старался. И сочинение получилось хорошее. Вася был очень доволен.

— Теперь я перепишу,— сказал он,— а ты пищи свое сочинение. А то уже поздно.

Когда Вася ушел и маленький папа сел писать свое сочинение, дело у него пошло гораздо хуже. Писать два раза подряд одно и то же не так просто. Маленький папа тоже летом жил в деревне, тоже бегал в лес и на речку. Про все это он уже писал за Васю. И теперь он думал только об одном: как бы написать непохоже на Васино сочинение. А то учительница сразу догадается, что он писал за двоих. Маленький папа уже не думал о том, хорошо или плохо он напишет. И он написал сочинение, которое совсем не было похоже на Васино. Оно даже, по словам учительницы, вообще ни на что не было похоже.

Раздавая ученикам их домашние работы, учительница сказала так:

— Вот, ребята, ваши сочинения. Лучше всех написал Вася Середин. Его сочинение я сейчас прочту вслух.

И она прочла первое папино сочинение, то самое, что он написал за Васю.

— Молодец, Вася! — сказала учительница.— Очень хорошо написал. Грамотно, интересно, живо. Хорошая у тебя бабушка! И товарищи у тебя хорошие!

При этом она почему-то посмотрела на маленького папу. Вася Середин очень покраснел. Он не любил, когда его зря хвалили. Потом учительница сказала:

— А теперь я прочту самое плохое сочинение.

И она прочла то, что написал маленький папа во второй раз. И тут покраснел маленький папа. Он не любил, когда его ругали, и ему было стыдно.

Прочитав папино сочинение, учительница сказала:

— Я надеюсь, что в следующий раз ты напишешь лучше, а Вася не хуже. Ты меня понял?

— Да...— тихо сказал маленький папа.

— А ты, Вася? — спросила учительница. И Вася тоже тихо ответил:

— Понял...



Оба они сидели красные, и весь класс смотрел на них, ничего не понимая. Маленький папа и Вася Середин ничего не сказали друг другу. Но с тех пор маленький папа стал сам решать задачи, а Вася писал сочинения без папиной помощи. Конечно, сначала маленький папа часто ошибался, а Васины сочинения были не очень хорошими. Но потом у обоих дело пошло на лад, и оба они поняли, что надо делать все самому, а то никогда ничему не научишься. И они сидели на одной парте еще много лет.

КАК ПАПА РАЗГОВАРИВАЛ С МАЯКОВСКИМ

Когда папа был маленьким и учился в школе, он один раз говорил с поэтом Маяковским. Вернее, Маяковский говорил с ним. Вот как это было.

Однажды маленький папа написал стихи «Рудокоп» и показал их своей учительнице. Она прочла стихи и сказала так:

— У нас в школе никто не пишет стихов. Поэтому мы поместим твои стихи в нашей стенной газете. А ты молодец, что написал эти стихи. Но только не думай, что ты Пушкин. Очень тебя прошу.

И маленький папа обещал не думать, что он Пушкин.

Стихи напечатали. Вся школа читала стенную газету. Все узнали, что в третьем



классе есть мальчик, который пишет стихи. Учителя очень хвалили маленького папу. А мальчишки дразнили его:

— Поэт без котлет!

Маленький папа до сих пор не знает, что они хотели этим сказать. Все девочки из старших классов просили маленького папу написать им что-нибудь в альбом. А редактор стенной газеты заявил:

— Стихи давай в каждый номер! А то — во! — И он показал папе кулак.

Когда маленький папа вырос, он понял, что о таком редакторе можно только мечтать. Но тогда он очень испугался. Редактор был огромный парень из седьмого класса. И его кулак мог напугать любого. Поэтому в каждом номере газеты было стихотворение маленького папы. А так как у редактора было два кулака, то в некоторых номерах было по два стихотворения.

Маленький папа писал обо всем на свете. Были стихи о весне, зиме, осени и лете. Были стихи о Парижской коммуне. Были стихи сатирические: о драчунах, о шпаргалках, о плохом школьном вечере. Были даже стихи «Пугачевский бунт» — о том, как весь шестой класс ушел с урока химии. Дело в том, что фамилия химика была Пугачев. За два года маленький папа написал очень много стихов. Маленький папа сам не знал, какие стихи он пишет, хорошие или плохие. В школе их все хвалили, но он догадывался, что это не настоящие стихи. И ему очень хотелось знать, будет ли он когда-нибудь писать настоящие. Кто же мог ответить на этот вопрос? Конечно, только настоящий поэт. Самый хороший, самый знаменитый. Одним словом, Маяковский.

Маленький папа собрал свои лучшие стихи и решил показать их Маяковскому. Но пойти к Маяковскому маленький папа боялся, ведь он был еще очень маленький. И он решил позвонить ему по телефону. В телефонной книге он нашел номер Маяковского. И несколько вечеров подряд, выбрав время, когда никого не было дома, маленький папа клал на стол свои стихи, набирался мужества, снимал трубку, набирал номер и... вешал трубку обратно. Очень страшно было говорить с самим Маяковским. Так продолжалось целую неделю по нескольку раз подряд. Маленькому папе было очень стыдно.

Наконец вечером в воскресенье, когда дедушка и бабушка ушли в театр, маленький папа, дрожа от волнения, позвонил Маяковскому и не повесил трубку. Он услышал густой, могучий голос, который он запомнил на всю жизнь, о котором потом столько читал и слышал. Этот удивительный голос был в тот вечер сердитым. Он сурово спросил маленького папу:

— Да... Кто это?

Маленький папа оробел, поперхнулся и ничего не мог сказать. А голос гремел:

— Кто там дурака валяет? Повадился какой-то тип звонить каждый вечер! Звонит и молчит, холера! Ну, скажи что-нибудь! Спой, светик, не стыдись!

Маленький папа так испугался, что от ужаса не мог даже бросить трубку. Он давно уже пропустил ту минуту, когда можно было извиниться, поздороваться, что-то объяснить, что-то сказать... Теперь он мог только молчать и слушать. И он слушал.

— Прощай, молчун! Попадешься ты мне когда-нибудь! Вот позвони только еще раз!

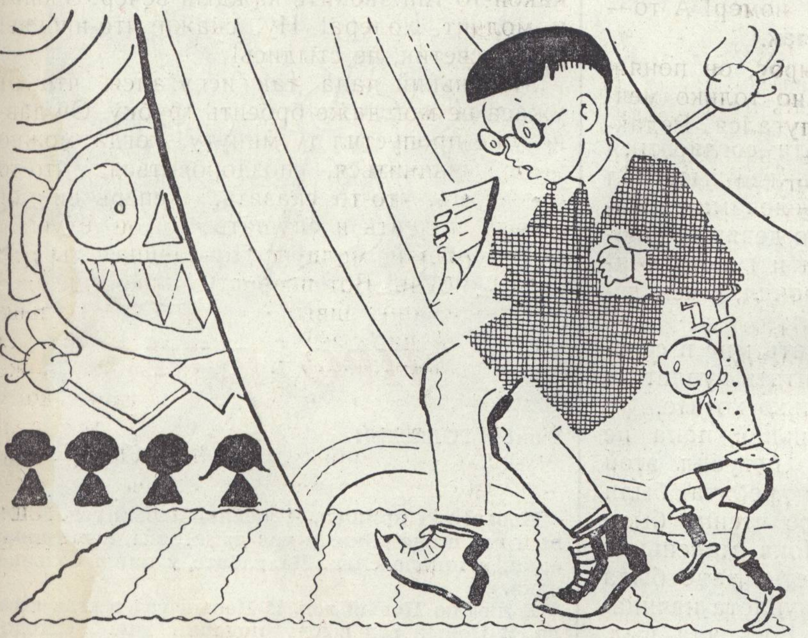
Маяковский швырнул трубку. Больше маленький папа ему не звонил. Он никогда его больше не видел и не слышал. Он даже никогда об этом постыдном случае никому не рассказывал. И много лет об этом разговоре знали только два человека: маленький папа и Маяковский. Потом об этом знал один маленький папа. Но он хорошо запомнил свой разговор с Маяковским. И теперь вы тоже о нем знаете.

КАК ПАПА ВЫСТУПАЛ НА ВЕЧЕРЕ

Когда папа был маленьким и учился в школе, с ним случилась такая история. Папину школу пригласили на вечер в другую школу. Ребята и девочки из той школы недавно выступали на вечере в папиной школе. Они пели, плясали, читали стихи, показывали физкультурные упражнения. Они даже показали сцену в корчме из драмы А. С. Пушкина «Борис Годунов». Правда, Григорий Отрепьев, прыгая в окно, зацепился за подоконник ногой и повалил всю корчму. Но ведь это может с каждым случиться. А играли они очень хорошо. И вот теперь надо было выступать у них на вечере. И очень хотелось чем-то их удивить. Чем же? Ребята рассуждали так:

— Мы поем, и они поют. Мы пляшем, и они пляшут. Они даже лучше. Физкультурники у нас не хуже. А если наша пирамида упадет, так у них корчма тоже упала. Но чего у них нет, а у нас есть? — Тут все задумались и думали очень долго.

— У нас есть Горбушка,— сказал кто-то. Тогда все стали смеяться и кричать:
— Он лает!
— Он мяукает!
— Петухом поет!
— Ходит на руках!
— Ходит на бровях!
— Тише! — сказала учительница.



Все замолчали, и в наступившей тишине Горбушка сказал:
— Это что... Это всякий сможет... Вот если бы я стихи писал.
И тут он посмотрел на маленького папу. И все посмотрели на маленького папу. А учительница сказала:
— Совершенно верно! У нас есть свой поэт.
— А у них нету! — закричали ребята.
Тогда маленький папа сказал, что он никогда не выступал на сцене да еще в чужой школе. Да еще со своими стихами. Да еще...
Но тут все закричали:
— Ничего! Ничего!
А учительница сказала:
— Все будет хорошо. Только помни, что ты не Пушкин.
Она говорила это маленькому папе очень часто, и он никогда этого не забывал.
И вот настал страшный день. Маленький папа, дрожа, поехал в чужую школу вместе с физкультурниками, певцами и плясунами. Он стоял за чужой сценой и смотрел на чужой зал. В этом зале было так много чужих мальчиков и чужих девочек! В первом ряду сидел чужой директор и чужие учителя. Все они смотрели на сцену чужими глазами и смеялись чужим смехом. И маленькому папе становилось все страшнее и страшнее. Вы, конечно, понимаете, что в зале сидели самые обыкновенные мальчики и девочки, учителя и учительницы. Они смотрели на сцену, смеялись и хлопали в ладоши точно так же, как это бывало и в папиной школе. Но маленький папа так боялся выступать со сцены в чужой школе, что ему все вокруг казалось чужим.
Напрасно верный Горбушка, стоя рядом, шептал ему:
— Подумаешь, чужая школа. Такие же люди. Даже хуже...
Напрасно девочки угощали его конфетами. Напрасно учительница говорила:
— Как тебе не стыдно? Ведь ты помнишь стихи?
— Помню...— дрожащими губами отвечал маленький папа.
И вот наконец ужасный миг настал.
— Сейчас выступит наш школьный поэт! — объявили со сцены.— Он прочтет стихи, которые сам написал.
В зале захлопали, Горбушка толкнул маленького папу в спину. И маленький папа, с трудом передвигая окаменевшие ноги, поплелся на сцену. Ему никогда еще не было так страшно. В глазах у него все вертелось, в горле пересохло, а в ушах стоял ровный шум, похожий на морской прибой.
Маленький папа никого не видел в зале. Перед ним вертелось какое-то большое разноцветное пятно. Оно хлопало. Потом стало тихо. Все ждали стихов. А маленький папа стоял и молчал. Горбушка говорил потом, что маленький папа был сначала совсем белый. Потом он стал вдруг синий. Потом позеленел и весь пошел красными пятнами.

— Это было здорово! — рассказывал Горбушка.— Как фейерверк! Я ручаюсь, что в ихней школе никто так не может.

Но вот в зале кто-то засмеялся. И маленький папа хриплым голосом начал читать свои стихи. Он читал школьный гимн, написанный им для своей школы. Сначала его слушали хорошо. Но когда он дошел до припева, в зале поднялся шум. Дело в том, что припев был такой:

Будь Робин Гуда ты смелее
И всю планету осмотри,
Ты школы не найдешь милее,
Чем школа номер двадцать три!

Ну, судите сами, могли ли согласиться ученики школы номер девять, где выступал маленький папа, с такими словами?!. Конечно, они обиделись за свою девятую школу и начали стучать ногами и гудеть. Маленький папа со страху не понял, в чем дело. Он поднял руку и сказал:

— Я очень прошу не мешать мне в середине строки. Дайте мне дочитать куплет до конца, а потом шумите сколько хотите.

В зале стало тихо. Маленький папа не сразу понял, что сам себя погубил этой просьбой. В девятой школе ребята были находчивые, и все остальное чтение было похоже на веселую игру. Пока маленький папа читал очередной куплет, в зале была тишина. Но после каждого куплета начиналось что-то невообразимое. Весь зал выл, мяукал, свистел и топал. Потом все стихало. Маленький папа, заикаясь, читал следующий куплет. И все начиналось сначала. А куплетов было много. И маленький папа упрямо, как автомат, читал все до самого конца. Когда он кончил, все помирали со смеху — и в зале, и за сценой, и свои, и чужие. А Горбушка просто катался по полу. Смеялась даже учительница. Этого позора маленький папа не может забыть до сих пор. Прошло много лет. Маленький папа стал взрослым. Но до сих пор к папе иногда кидается на улице пожилой незнакомый человек с криком:

— Будь Робин Гуда ты смелее!

Потом он мяукает и исчезает. И папа понимает, что этот пожилой человек, когда был маленьким, учился в школе номер девять. Он не забыл папиных стихов. Но ведь и папа не забывал, что он не Пушкин...

В нашем журнале напечатаны не все рассказы, входящие в книгу «Как папа учился в школе». Скоро эта книга полностью выйдет в издательстве «Советская Россия».



ПРО ЕЛКИ

Виктор ГОЛЯВКИН

Рисунок автора

Новый год пришел. Я люблю Новый год. В Новый год везде елки: у нас дома елка, в витринах елки, в школе елка. На работе у папы большая елка.

Я люблю Новый год. В Новый год всегда весело. В Новый год всюду подарки дают. Сегодня папа сказал:

— Пойдем сходим за елкой.

Я быстро оделся, и мы пошли. У нас много игрушек в ящике. Много разных шаров, золотых цепей. Скорей бы их всех на елку!

По улице многие несли елки. Один мальчик вез елку на санках. У него была очень хорошая елка. Густая.

— Вот такую хочу! — крикнул я.

— Хорошая елка,— сказал папа.— Но мы найдем лучше.

Мы долго выбирали елку. Наконец выбрали. Гораздо лучше, чем та, на санках.

Мы понесли ее с папой вдвоем.

Вдруг видим — идут Мишка с мамой. Мы с Мишкой учимся в одном классе. И они тоже несут елку.

Мы подождали их и пошли вместе.

— Моя елка больше твоей,— сказал Мишка.

— Зато моя гуще.

— Моя красивей,— сказал Мишка.

— Нет, моя,— сказал я.

А какой-то прохожий сказал:

— О! Чудесные елки!

— Вы слышали? — спросил папа.

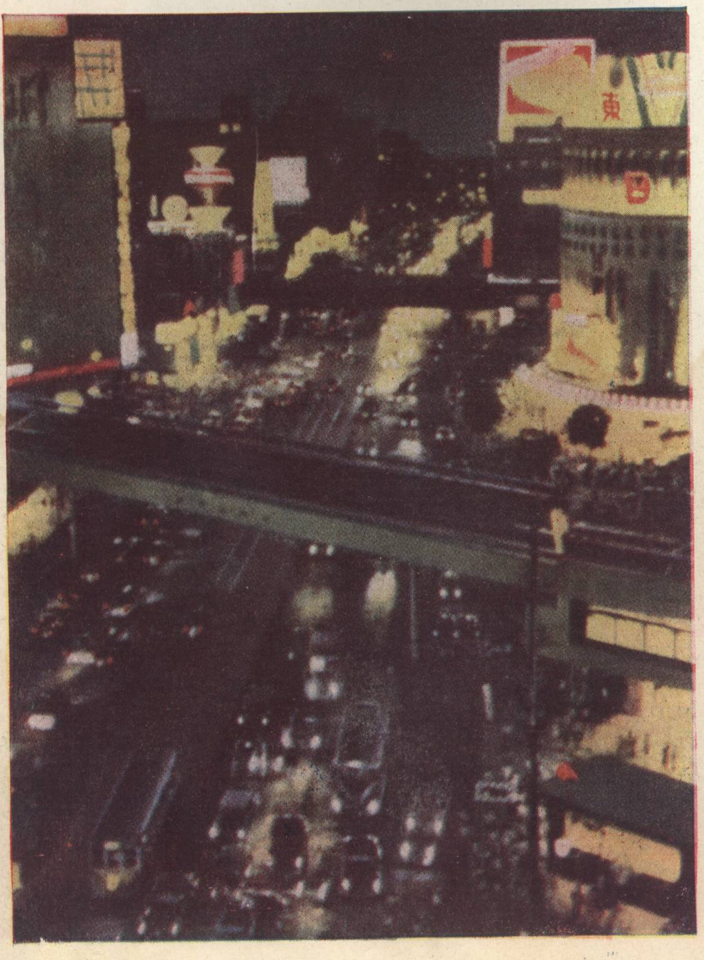
Мы, конечно, слышали. И все поняли. Каждый думает, его елка лучше. Но это только так кажется. Все елки хорошие. Потому что каждый считает свою елку лучшей. Поэтому нет плохих елок.

И я пригласил на елку Мишку. А Мишка меня пригласил к себе.



К ВЕЧЕРУ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ. И. Шевандранова.





ПЕРЕД ВАМИ

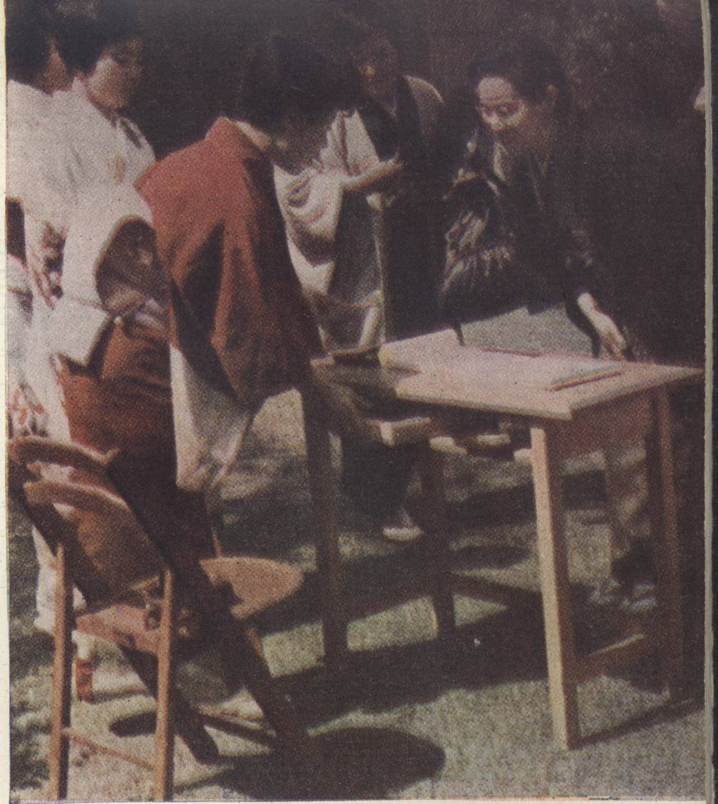
Юрий ЖУКОВ — Фото автора.

Сегодня мы с вами, ребята, побываем в Японии. Это очень далеко от Москвы. Вы помните, на вашей школьной карте она помещена на самом краю, справа, где восток. Японцы называют свою землю Страной восходящего солнца. И государственный флаг у них такой: красный круг на белом полотнище — это тоже восходящее солнце.

Много интересного и удивительного можно увидеть в этой необычной стране. На трех тысячах больших и малых островов живет почти сто миллионов человек. Это очень трудолюбивые и старательные люди. На их долю выпала трудная судьба: хозяева Японии — капиталисты и помещики — не раз затевали войны, приносившие народу горе. Только во второй мировой войне на фронтах было убито более двух миллионов японцев. Под градом бомб погибли многие города и деревни.

С тех пор прошло семнадцать лет. Япония с трудом залечила свои раны. Перед вами — фотографии, снятые мной недавно. Вглядитесь в них — какая пестрая и сложная картина предстает перед тем, кто при-





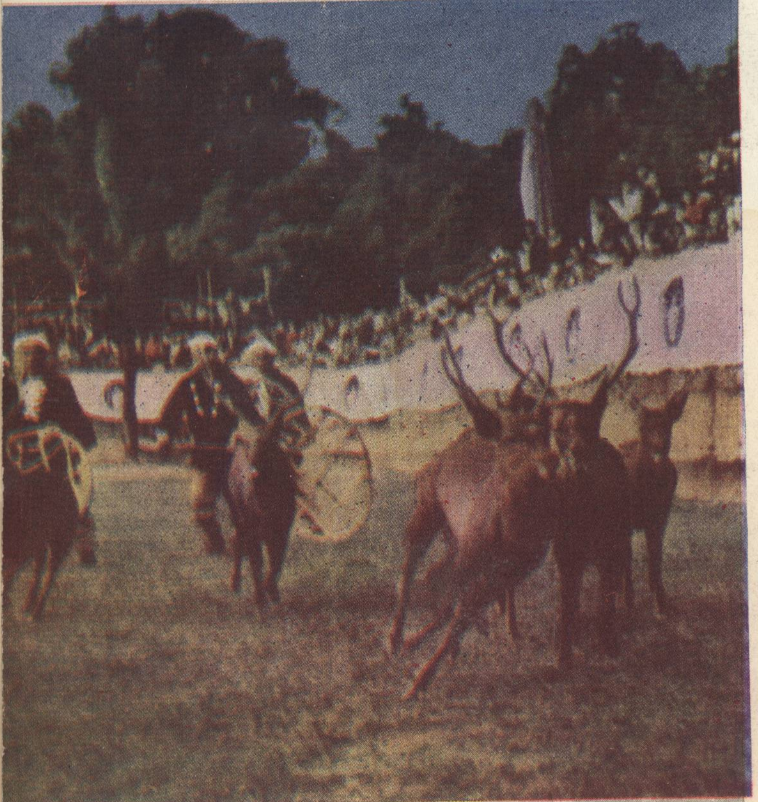
—ЯПОНИЯ





езжает в Японию впервые! XX век соседствует здесь со стародавними временами и порядками. Посмотрите налево: это столица Японии Токио, его современные кварталы; сверху — парламент, внизу — Гинза, центральная улица города. А справа — картинки, будто сошедшие со страниц сказок: бабушка и внучка в старинной женской одежде — кимоно; девушки у входа в домик, где они обучаются всем правилам чайной церемонии, — в Японии это очень сложное искусство — угощать гостей чаем, и ему учатся целый год. Внизу — улица чайных домиков в древней японской столице — Киото... А как сюда попал маленький Незнайка, герой сказочной повести Носова? О, это интересная история, и я о ней расскажу на следующей странице.





Это Нара — тоже бывшая столица Японии. Она была главным городом страны в VIII веке.

Теперь Нара — город-музей. Здесь — сотни храмов и святилищ и самая большая в мире статуя Будды. В Наре — редкой красоты парк, и в нем живут на свободе вот эти олени. Они стали совсем ручными; иногда, как видите в Наре устраиваются даже оленьи скачки.

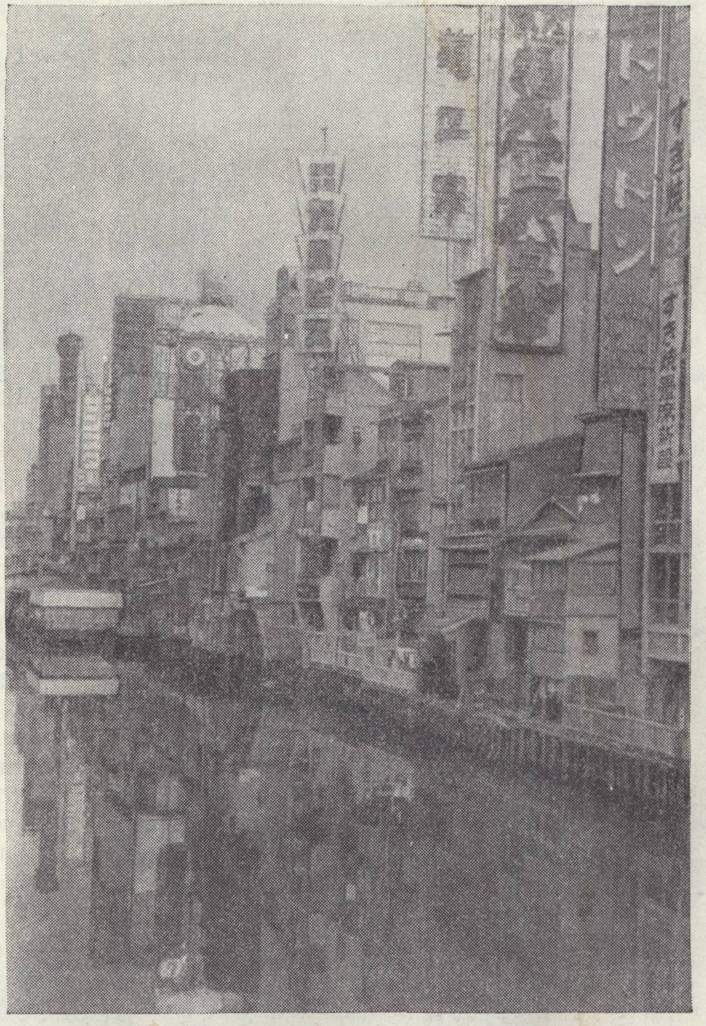
А показывал мне Нару любопытный человек — пирожник Кокадо. Это он ввел в Японии моду на русские пирожки и кексы. Его кондитерская так и называется — «Русский вкус». В качестве фабричной марки он и избрал хорошо знакомое вам изображение забавного Незнайки из советской детской повести.

Кокадо сначала учился русской кухне у коков советских пароходов, приходивших в Осаку, а потом даже съездил в Москву. Сейчас фирма его пользуется большим успехом. Познакомились с пирожником Кокадо мы в городе Осака, на съезде общества «Япония — СССР». Осака — второй по величине город Японии и — представьте себе! — еще одна бывшая столица. Столицей он стал еще в IV веке.

Город Осака расположен в устье реки Йодо, впадающей во Внутреннее море. Он существует уже тысячу шестьсот лет, несмотря на то, что войны не раз опустошали его, словно грозные губительные тайфуны.

Сейчас это второй по величине город Японии, и живет в нем три миллиона человек.

Японцы говорят: «Осака — наш Ленинград». И действительно, в Осаке, как и в Ленинграде, всюду, куда ни глянешь, — каналы и мосты. Но главное, Осака — крупный промышленный и культурный центр. Там десять тысяч заводов и фабрик, изготовляющих сорок процентов всех товаров, которые Япония продает за границей, сотни разных школ и десятки высших учебных заведений. И, наконец, Осака, как и Ленинград, — огромный порт; через него проходит двадцать семь миллионов тонн груза в год. У его глубоководных причалов останавливаются гигантские океанские корабли водоизмещением до сорока тысяч тонн.



Но всякие сравнения, конечно, — дело чисто внешнее, и ленинградец, побывав в Осаке, не сказал бы, что он чувствовал себя как дома, хотя жители города и оказали бы ему радушную встречу.

Порядки в Японии совсем не похожи на наши. Начать хотя бы с того, что женщинам за труд, равный с мужчинами, платят только половину заработной платы. В институт поступает далеко не всякий способный юноша: за право учения надо платить деньги, а где их взять? На всю Осаку — этот огромный город! — приходится только двести тридцать детских садов. Встречается немало безработных — ходят по улицам молодые, здоровые люди, а работы нет. А рядом сверкают зеркальные витрины дорогих магазинов, доступных лишь тем, у кого в кармане большие деньги. Такова уж жизнь капиталистической страны...

Мы были в Осаке на съезде общества «Япония — СССР». Громко и взволнованно звучали с трибуны съезда голоса наших друзей. Они призывали японцев к борьбе против войны, за мир, за дружбу между всеми народами.

И такой призыв встречает самую горячую поддержку не только в Осаке, где во время войны большинство населения либо погибло от американских бомб, либо разбежалось куда глаза глядят...

На первой странице очерка я показал вам фотографию японского парламента. Там все как будто тихо и пустынно. Но нередко на маленькой площади у решетчатых ворот бурлят народные толпы, и молодые японцы, крепко взявшись за руки, движутся змейкой с громкими криками: «Долой японо-американский договор!», «Закройте американские военные базы!», «Пусть американцы убираются домой!» Вмешивается полиция, раздаются свистки, толпа отступает от ворот, летят камни...

Да, ребята, весь японский народ борется за мир и свободу, за полную независимость своей страны.



* * *

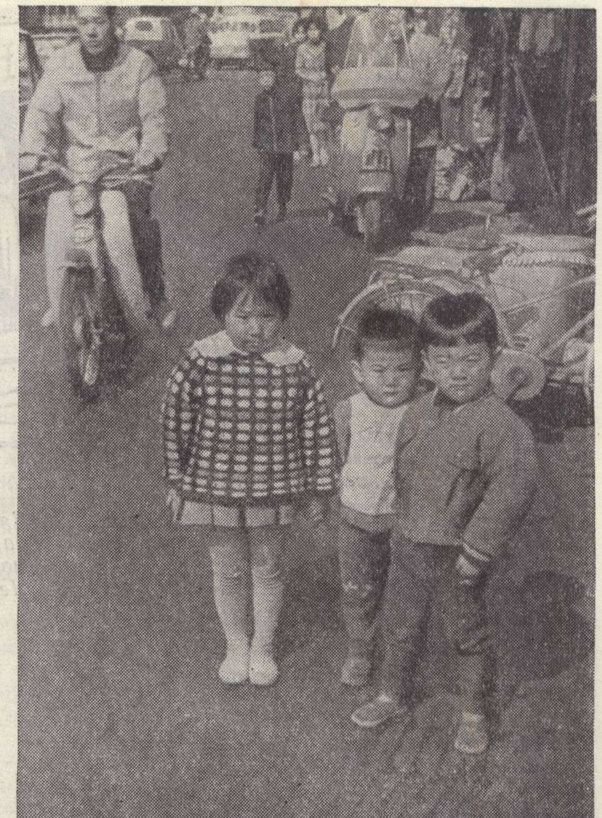
Страстно звучит воля народа к миру в городе Хиросиме, который в годы войны стал жертвой страшной, бесчеловечной расправы. 6 августа 1945 года, когда японская военщина уже была разгромлена и до заключения мира оставались считанные часы, американский самолет сбросил на Хиросиму атомную бомбу, словно в издевку названную «Малыш». Американские генералы решили испытать это новое оружие на живых людях, и чудовищный «Малыш» умертвил сотни тысяч жителей города.

На этой странице вы видите стоящие в Хиросиме памятники жертвам атомной бомбы. Вверху — памятник девочке Сасаки, которая была совсем крохотной в день взрыва. Тогда смерть ее пощадила, облучение смертоносными лучами сказалось много позднее, когда Сасаки подросла, и она скончалась в страшных мучениях. Внизу скульптура — мать, пытающаяся спасти от бомбы своих детей...

На верхнем снимке следующей страницы — школьники Хиросимы, участники движения Друзей журавликов. Журавль, по японскому поверью, — символ счастья и долголетия. Друзья журавликов борются за то, чтобы не повторилась трагедия Сасаки и чтобы вот эти славные малыши, которых вы видите правее (я их снял там же,







в Хиросиме!), никогда не узнали ужасов войны.

А эту демонстрацию японских матерей, отстаивающих свои права и счастье детей, я сфотографировал в городе Фукуока. Там находится крупнейшая американская военная база, и матери вместе со всеми жителями города требуют ее ликвидации.

Пожелаем, ребята, японскому народу успеха в его трудной борьбе!



ВЕСЁЛЫЙ БАРАБАНЩИК



Эмма МОШКОВСКАЯ

Мы музыку,
Мы музыку,
Мы сочиняем музыку!

Какую это музыку?
А вот какую музыку:
Кастрюльную,
Ножовую,
Веселую
И новую,

По кружкам барабанную,
Наверно, очень странную,
Хотя и барабанную!



— Дяденька, учительница сказала, что я потерял усидчивость и терпение.
— Не находили...

Рисунок Д. Белова.

Мы сочиняем музыку

А нам такую надо бы,
А нам такая нравится!
Под эту нашу музыку
Поется и шагается!

Хотя и не привычную,
Хотя и не скрипичную —
Свистите нашу музыку,
Ту музыку
Отличную...

Наверно, птица каждая
Была бы
Ей бы
Рада бы...



Кастрюльную,
Ножовую,
Веселую,
Бедовую!

Вот нам какая нравится,
Вот нам какую надо бы!



Хотите,
Подсвистите вы,
Свистите,
Как хотите вы,
А только нашу музыку
За нами подхватите вы!



О чем же ваша музыка?
Та музыка
Занятная?

О всем на свете музыка,
И всем она понятная!

Рисунки Ю. Кискачи.

ВЕСЕЛЫЙ БАРАБАНЩИК



Куда бы нам пойти?

Г. ГОРИН

Рисунки Е. Медведева.

10 часов утра. **Звонок первый.**

— Алло! Сашка, это ты? Это я, Димка. Ты что делаешь?!

— Ничего! Только позавтракал.

— Очень хорошо! Собирайся, пойдешь с нами на каток...

11 часов утра. **Звонок второй.**

— Алло! Сашка?! Димка говорит! Ты готов?

— Давно готов. Даже коньки наточил...

— Это хорошо! Главное, лыжи смажь.

— Какие лыжи?!

— Ах, ты не знаешь? Мы же на лыжах собрались покататься... Понимаешь, я позвонил Коле, Коля позвонил Оле, Оля позвонила Толе, а Толя предложил поехать на лыжную прогулку... Здорово?!

— Здорово! А как же коньки?

— Да брось ты коньки! Надевай лыжный костюм и готовься...

1 час дня. **Звонок третий.**

— Алло! Сашка? Димка у телефона...

— Ты где пропадал?! Я тут сижу в лыжном костюме... Жду.

— Молодец! Мы тебя уже ждем... Плавки взял?!

— Что??! Кто это в плавках на лыжах катается?

— Да на каких лыжах! Мы уже все давно передумали... Понимаешь, я позвонил Коле, Коля — Оле, Оля — Толе, а Толя — Антону... А Антон уговорил всех пойти в бассейн.

Так что не возись, бери плавки и выходи.

3 часа дня. **Звонок четвертый.**

— Алло! Сашка? Димка говорит... Ты где пропадаешь?!

— Это я пропадаю?! Да я целый час ждал вас всех у бассейна, продрог и вернулся домой!

— У какого бассейна? Мы уже давно передумали туда идти... Понимаешь, я позвонил Оле, Оля — Коле, Коля — Толе, Толя — Антону, а Антон — Семену...

— Какому еще Семену?

— Неважно! Ты его не знаешь, и я не знаю; но он отговорил нас всех идти в бассейн, поскольку сегодня в клубе потрясающий фильм... Все пошли за билетами... Готовься... Через несколько минут позвоню тебе опять.

6 часов вечера. **Звонок пятый.**

— Алло! Сашка, это ты? Это я!!! Димка! Как дела?

— !!!!!!!



— Ты что ругаешься зря?.. Какой еще кинофильм? Да мы про это уже давно забыли... Я позвонил Коле...

— Хватит! Надоело... Скажи, куда мы теперь собираемся? В кино? В музей? В Африку?

— В какую Африку?! Ты что? Решили вместе посидеть в читальне... Почитать... Собирайся...

— Нет уж хватит! И так из-за тебя весь день пропал! Чем идти в читальню, лучше я просто дома посижу...

— Что? Дома?.. А знаешь, это здорово! Это мысль... Надо будет ребятам посоветовать... Сейчас позвоню Коле, чтобы он позвонил Оле, чтобы та позвонила Толе, чтобы тот позвонил... Алло! Алло!.. Вот чудак, повесил трубку... Я стараюсь для всех, а он еще обижается!



ВОТ ЭТО ДА!

В. ГОЛЯВКИН

Рисунки А. Цветкова.



Мальчик нес молоко в бутылке. Вдруг бутылка выскользнула из рук и не разбилась.

— О! Бутылка небьющаяся! — сказал мальчик.— Вот это да!

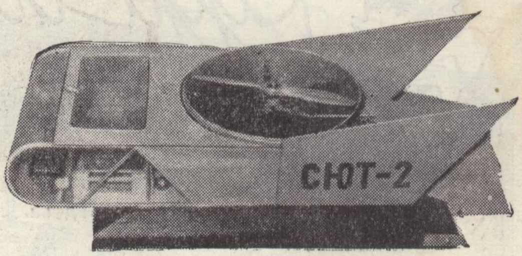
И мальчик бросил ее еще раз на асфальт.

На этот раз бутылка разбилась.

— Вот это да! — сказал мальчик.



ВОРОНЕЖ



Всем читателям «Пионера»!

На страницах нашего журнала открывается Постоянная Пионерская Техническая Выставка.

Здесь вы увидите самые новые и самые интересные работы юных техников, узнаете секреты замечательных конструкций и изобретений.

ППТВ введет вас в огромную лабораторию, где трудятся миллионы ребят. Да, да, мы не оговорились: в кружках, на станциях юных техников, в Домах пионеров сейчас занимается несколько миллионов юных изобретателей и конструкторов. И мы хотим, чтобы как можно больше ребят, которые сейчас смотрят нашу выставку, становились ее участниками, вливались в эту замечательную миллионную армию.

Сегодня мы приглашаем вас в первый зал ППТВ — зал автомобилей.

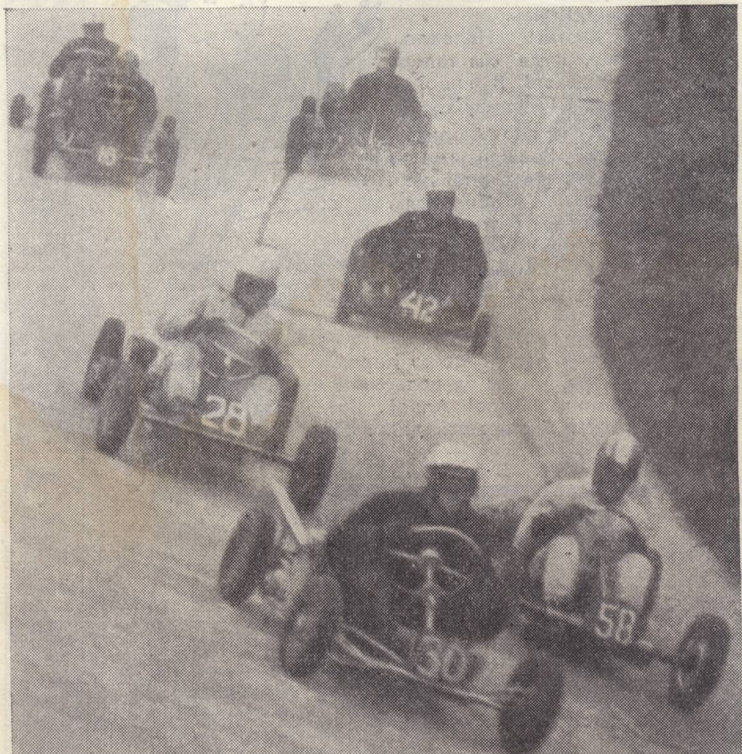
Наш адрес: Москва, А-47, «Пионер», ППТВ. Ждем ваших сообщений о новых работах.

Редакция

На снимке модель, которая еще недавно считалась фантастической. Это автомобиль на «воздушной подушке», управляемый по радио. Построили модель ребята из двух кружков — радио и автомобильного.

Вот как действует эта модель: струи воздуха, образующиеся при работе двигателя, поднимают машину над землей. А тяга для движения вперед создается по принципу реактивного двигателя за счет струй воздуха, выходящих из сопл. По радио передаются команды, которые управляют положением рулей-сопл и придают машине нужное направление.

ЗАЛ АВТОМОБИЛЕЙ

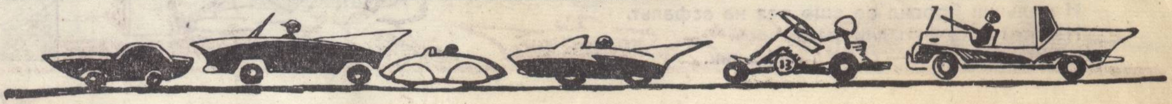




КУРСК

Недавно в Москве проходили соревнования по картингу. Наравне с командами мастеров в гонках участвовали ребята из Курска. Они заняли 8-е место среди мастеров и завоевали приз самой молодой команды. А Слава Кузнецов — приз самого молодого участника, добившегося лучших результатов. На снимке вы можете разглядеть его машину (№ 16).

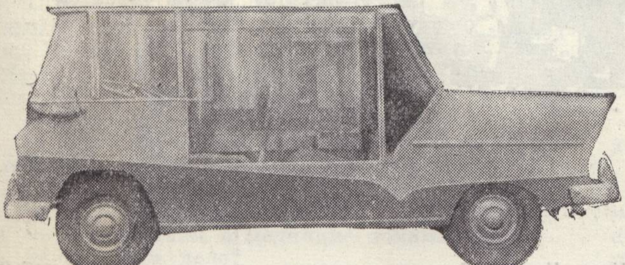
Самое замечательное, что ребята одержали свои спортивные победы на машинах, которые сами построили. На верхнем снимке — гоночная машина типа «Карт», построенная юными автомобилистами Курского дворца пионеров. На счету у ребят уже девять таких машин, строятся еще пять.



Целый автопарк построили своими руками курские ребята. Кроме гоночных машин типа «Карт», три микролитражных автомобиля. Сейчас строятся еще два — гоночный и прогулочный.

При Курском дворце пионеров существует экспериментальная автолаборатория, а все машины, которые сделали ребята, зарегистрированы в ГАИ (Государственная автоинспекция).





Красивая машина, которую вы видите на снимке,— это «Товарищ», третий микролитражный автомобиль, построенный курскими ребятами. Машина четырехместная, имеет свой радиоприемник. Кузов из сварных труб. К нему может быть пристроен верх из пластмассы. На «Товарище» установлен двигатель мощностью в 10 лошадиных сил, скорость — 45 километров в час, вес — 380 килограммов.



ТУШИНО

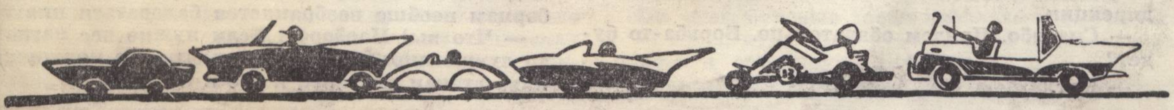
Ребята с городской станции юных техников никогда раньше не строили автомобили. «Тушинец» — это их первый опыт.

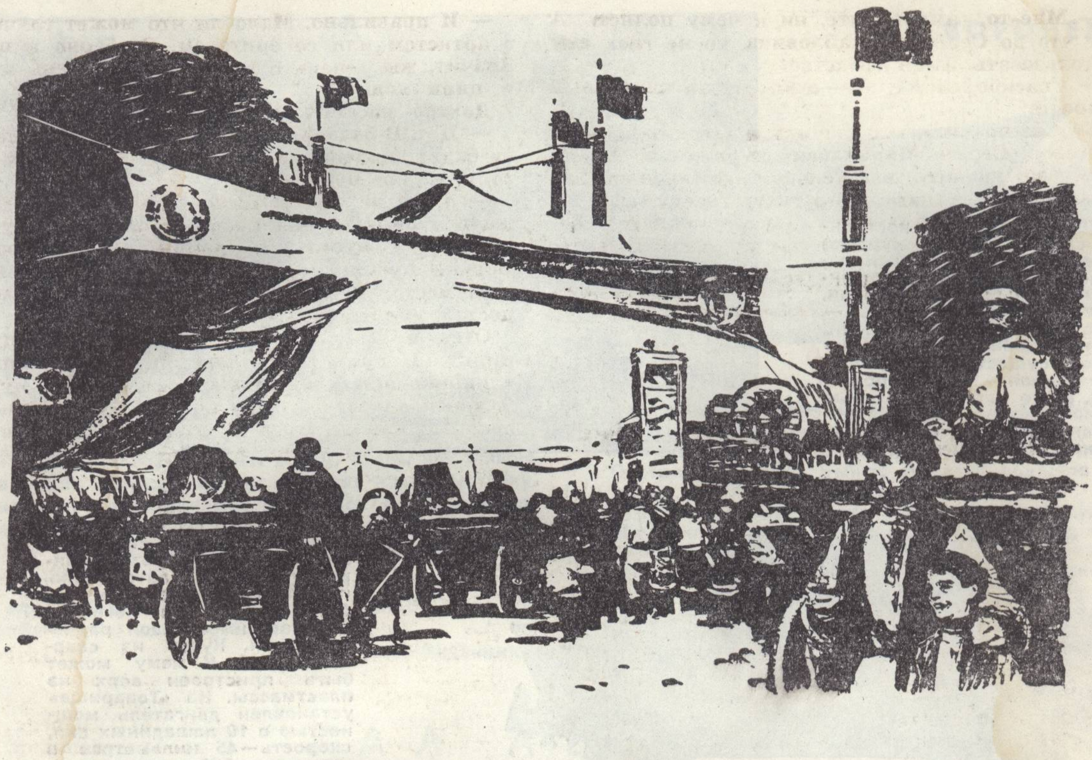
Это одноместный автомобиль, на котором легко научиться водить машину. У «Тушинца» много достоинств, но самое замечательное, что вес его — всего 56 килограммов. Машину легко могут поднять два пионера.

Оказывается, корпус машины целиком сделан из очень легкого материала — пенопласта. Ребятам было необходимо сильно облегчить машину, так как они располагали двигателем небольшой мощности (мотор от велосипеда). Два года работали кружковцы над своей машиной, но зато не просто повторили всем известные образцы, а создали свою, самостоятельную конструкцию.

На снимке вы видите за рулем «Тушинца» одного из кружковцев, Сережу Арбузова. Он демонстрирует машину в павильоне «Юный техник» на ВДНХ.

Д. Иванников





ЦИРК приехал

Александр АРОНОВ

Рисунки Д. Пяткина.

(Окончание)

Итак, Нина и Борька, выполняя поручение группы, побывали у Сандро. Но где же пропадали в это время Влас, Римма и Павлик? Случайно подслушав разговор отца Никодима и церковного старосты Сергея Михайловича, они поняли, что затевается какое-то темное дело, и отправились вслед за церковниками. Ничего толком выяснить не удалось, ребятам стало ясно только, что дело это связано с мощами, хранящимися в церкви.

На следующее утро в школе произошло еще одно чрезвычайное происшествие. Ребята уронили стоявший в кабинете естествознания скелет. Дело грозило серьезными неприятностями: одно ребро скелета оказалось сломанным. Его необходимо было склеить, и поскорее! Валька вспомнил, что его отец, фотограф, брал замечательный клей у владельца магазина похоронных принадлежностей. Так Валька попал в магазин и встретился здесь — вот совпадение! — с церковным старостой. Едва Валька ушел, появились новые посетители — великан Вонави и помощник владельца цирка: им для рекламного аттракциона нужен был гроб.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НАЧИНАЕТСЯ

— Ванечка, заказчики пришли,— позвала жена гробовщика.

— Айда со мной, Сергей Михайлович. На великана поглядишь.

В мастерской действительно стояли дядя Проня и Глеб Андреевич Кругляков. Плотники заканчивали крышку гроба.

— Ну, как работа, нравится? — спросил хозяин.

— Добрая работа,— похвалил Глеб Андреевич, вынул из кармана пропуск и программу и протянул гробовщику.— Вот вам обещанное. В ложу дирекции.

— Спасибо. Придем обязательно. Борьба-то будет?

— Нет.

— Экая досада! Больше всего в цирке я борьбу уважаю.

Гробовщик пригласил заказчиков в комнату, пока будут доделывать крышку.

— Садитесь, в ногах правды нет. Не желаете ли пивка?

— Спасибо,— отказался дядя Проня,— не могу. Выступаю сегодня.

— Неужели от одного стаканчика что случится?

— И случиться может, и вообще нельзя. В цирке такой закон.

— Ему очень сложный номер работать сегодня предстоит,— сказал Глеб Андреевич.— А я не откажусь.

— Вы оба из борцов будете? По фигурам сразу видать. А я-то, грешный человек, подумал, что борцам вообще возбраняется баловаться пивком.

— Что вы! Наоборот! Если нужно вес нагнать, то лучше пива средства не найти. На полкружки пива стакан сметаны, и все в порядке.

— Мне-то, сами видите, ни к чему полнеть. А вот что до Сергея Михайловича, то не грех ему использовать ваше средство.

— Спасибо, обойдусь! — сухо сказал церковный староста.

Ему не нравились заказчики и весь этот пустой разговор. Сергей Михайлович нервничал. Он решил уже уходить, но, мельком взглянув на лежавшую перед ним программу, передумал.

— Вот здесь написано: «Доктор черной и белой магии». Что же это за доктор такой? — вдруг заинтересовался он.

— Из докторов доктор,— ответил Глеб Андреевич.— Специальную академию магических наук закончил за границей.

— Что за науки такие?

— А такие науки, что постиг все тайны чудес. Любые фокусы может устраивать. Шпагу проглотить, огонь извергать изо рта, воду превратить в вино, человека пополам пилой распилить и снова составить... Много он может.

— Ну, а в простой медицине разбирается? Лечить умеет? Как человек устроен, понимает?

— Безусловно. В нашем паноптикуме есть целый медицинский отдел. Разные болезни показаны на восковых фигурах: ожоги, раны и прочее. Да так натурально сделаны, что и не отличишь от настоящих.

— А вы, простите, сами кто будете?

— Замещаю его по всем статьям. И по директорской, и по магической, и по научной.

— И по фигурам?

— И по фигурам, конечно.

— Значит, тоже в медицине понимаете?

— А в чем дело?

— Нет, ни в чем. Я спрашиваю просто из любопытства.

Иван Пантелеймонович насторожился.

— И надолго вы в наш город пожаловали? — продолжал староста.

Глеб Андреевич пожал плечами.

— Дней на двадцать, на месяц. Как сборы будут.

— А когда снова к нам приедете?

— Через несколько лет, не раньше.

— Очень приятно было познакомиться,— сказал Сергей Михайлович.— А что, если я вас какнибудь в цирке посещу? Интересно поглядеть программу все же... Да и на фигуры глянуть.

Иван Пантелеймонович вытаращил глаза.

— Милости просим,— ответил Глеб Андреевич.— Пожалуйста. Только не сегодня. Все продано. Премьера.

— Не сегодня, не сегодня! — успокоил Сергей Михайлович.— А сейчас откланяюсь. Пора мне. Жена ждет, волнуется.

Сергей Михайлович поспешно поднялся из-за стола и, поклонившись присутствующим, удалился.

Однако выйдя на улицу, он направился не домой, а к отцу Никодиму.

* * *

— Скорее! Опоздаем,— торопил отца Павлик Асиновский.

Они прибавили шагу. Павлик спросил:

— А почему ты до этого никогда в цирке не дежурил?

— Новое постановление губздравотдела только что вышло. В театрах, в цирках, на стадионах отныне обязан дежурить врач. На всякий случай.

— И правильно. Мало ли что может случиться с артистом или со зрителем. Особенно в цирке. Значит, мы теперь с тобой каждый день можем в цирк ходить?

Доктор рассмеялся:

— Нет. В больнице установлен график. Все врачи будут дежурить по очереди. Ребят ваших много в цирке будет?

— Даже не знаю. После уроков мы все побежали в цирк. А билеты проданы. Кое-кому удалось с рук купить, а Борьке не досталось. У Борьки пропуск с Ниной на двоих был, но он свое место уступил Власу. И вожатый билет не достал. Многие не достали.

Отец и сын свернули на улицу, ведущую к цирку. И сразу же у них начали спрашивать «лишний билетик». Издалека слышалась музыка. Духовой оркестр играл один за другим вальсы и военные марши. Вход в цирк был украшен разноцветными лампочками. На цирке развевался цветной флаг.

У касс стояла огромная толпа.

Павлика нагнал Влас.

— Ну как? — спросил Павлик.

— Нет билетов. Борька ужас как расстроился. А Коля Плодухин только что один достал. С рук.

— А где Борька?

— У входа.

— Ну, пока! Меня отец ждет. В антракте увидимся. А как Сандро? Будет выступать?

— Неизвестно. Мы его не видели.

Раздался второй звонок. В цирк со всех дорожек и аллей устремилась толпа гуляющих. Власу пришлось отойти в сторону. Лишнего билета ни у кого не было.

От ворот медленно приближались Нина и Борька.

— Вот что, Борька,— уговаривала Нина,— вы с Власом идите, а я в другой раз схожу.

— Что ты! Что ты!

— Или давай так: я первое отделение посмотрю, ты второе, а третье пополам.

Друзья подошли к Власу.

— У Чумы с Ноздрей есть билеты. Много. Только они ими втридорога спекулируют. Если даже сложимся, не наскребем и на один!

— Идемте! — решил Влас, и друзья направились назад, к входу в сад.

Чума заломил такую цену, что Борька крякнул:

— Может, уступите?

— В убыток будет. А сколько у вас денег?

Друзья подсчитали бумажки и мелочь.

— Пятачка не хватает! — сказал Ноздря.

— Пятак потом отдадим. Честное пионерское!

— Нет, — сказал Чума.

— Ну и жилы вы! — выругался Влас.— Пошли, ребята!

Борька залез в карман и хотел уже предложить за билет свои сокровища — стеклышко-лупу и пищик, но появился Лешка Косилов.

— У тебя пятака нет? — с надеждой спросил Борька.

— Ни копейки... Но мы вчетвером на три места всегда прорвемся. Пойдем через боковые двери. Там народу больше. Я верный способ знаю. Называется «на протырку». Главное, нахально идите. А билеты у последнего. У меня, значит!

Но через боковые двери прорваться не удалось.

— Куда, куда прете? — крикнула толстая билетерша и оттолкнула Борьку.

Борька подождал немного. Ребята не появля-

лись. Борька понурился и отошел. Оркестр грянул новый марш. Из цирка выскочил Влас.

— Пойдем к главным дверям. Попробуем другой способ — «психологический». Если ты мне как артист артисту подыграешь, пройдет наверняка!

Оба появились у главных дверей с разных сторон.

— Здорово, Борька! Ты куда?

— А тебе что? В цирк.

Влас и Борька говорили нарочно громко, чтобы разговор слышали билетерша и Глеб Андреевич Кругляков, стоявшие «на контроле».

— А билет у тебя есть?

— Есть.

— Врешь!

— Не вру!

На громкий разговор ребят все обратили внимание. Борька попятился поближе к Глебу Андреевичу.

— Покажи билет!

— Отнимешь...

— Не отниму.

Борька протянул Власу синюю бумажку. Издали ее вполне можно было принять за билет в цирк. Влас вырвал бумажку из Борькиных рук и пустился наутек. Борька завопил:

— А-а-а! Дяденьки! Тетеньки! Помогите! Я билет купил, а у меня его мальчишка отня-а-л! Вон он по дорожке бежит...

Глеб Андреевич сжалился и приказал пропустить Борьку.

Ошеломленный успехом, не веря глазам своим, мальчик вошел в переполненный гудящий цирк.

Леша Косилов сидел, как граф, во втором ряду на одном месте с Ниной. Борька с Власом устроились на ступеньках в проходе. Они старательно искали глазами своих.

— Ты в ложу глянь,— сказал Борька.

В первом ряду ложи сидела большая компания. Семья Смыкуновых с какими-то друзьями. Там же поместился гробовщик с супругой.

С самого последнего ряда галерки ребятам махал рукой Валька Вирфикс. Они заметили его и тоже помахали руками. Отец Вальки улыбнулся и приветливо кивнул.

— Почти все ребята устроились, — сказал Борька.— И Коля Плодухин и Римма Болонкина...

У цирка топтались Чума и Ноздря. Их заметил Глеб Андреевич.

— Как только будет третий звонок, — сказал он билетерше, — закрывайте дверь. Опоздавшие пусть идут через боковые входы.

Взглянув на подростков, Глеб Андреевич медленно направился в темную аллею и скрылся в кустах. Держась на почтительном расстоянии, Чума с Ноздрей двинулись за ним и потом догнали его.

— Достали? — спросил Глеб Андреевич.

— Весь город обегали. Нигде батареек нет.

— Ладно. Что-нибудь придумаем. Все продали?

— До единого.

— Давайте деньги!

В темноте чиркнула спичка. Еще одна. Еще...

Глеб Андреевич долго считал бумажки и мелочь. Вынул из заднего кармана брюк два листочка.

— Вот ваши расписки. Разорвите.

— А на завтра как?

— Еще билетов по сорок на рыло дам. Придете в двенадцать часов.

— А как бы нам самим сегодня программу посмотреть?

— Можно. Вот пропуск.

Вынырнув из кустов, Чума и Ноздря побежали к цирку. Вскоре появился Глеб Андреевич, пересек двор и вошел в паноптикум.

Посреди комнаты стояла восковая фигура Наполеона. На нем, как и положено, была треугольная шляпа и серый походный сюртук, изрядно побитый молью. И все же осанка великого полководца привлекала внимание. Скрестив на груди руки, он стеклянными глазами высокомерно оглядывал группу восковых кукол, над которыми было написано на дощечке: «Великий инквизитор терзает жертву».

В кресле на пьедестале восседал иссохший Торквемада в длинной красной линялой сутане. На его пыльном восковом лице резко выделялись



хищные глаза. Левой рукой он держал посох. Правой рукой указывал на юношу в кудрявом рыжем парике, подвешенного вверх ногами под потолком. Руки и ноги жертвы инквизиции были в колодках, соединенных с огромным колесом, которое во время пытки вертели два палача в масках. И тогда из-под ногтей жертвы сочилась кровь в подставленное пожарное ведро.

Но сейчас колесо не вертелось, и все фигуры застыли в неподвижности. Около них хлопотали служители.

— В чем дело?

— Заело что-то. Поглядите, Глеб Андреевич.

Подойдя к механизму, спрятанному под холстиной, Глеб Андреевич покрутил какое-то колесико, и пытка возобновилась.

Из двигающихся механических кукол была еще одна: блондинка-русалка, выброшенная волной на папье-машевый берег. Ее грудь дышала. Время от времени она выплескивала изо рта струйку воды.

Напротив русалки на ложе покоился человек, вернее, голова человека, прикрепленная к металлическому каркасу. Над ним висела дощечка: «Последние минуты Марата».

Служители обтирали его страдальческое лицо мокрой тряпкой. Отряхнув от пыли ночной колпак, они надели его на голову и накрыли каркас простыней. Это должно было создавать впечатление, будто под простыней настоящее тело.

Раздался третий звонок. Глеб Андреевич кивнул служителям и быстро прошел за кулисы. Перед бархатным занавесом уже выстраивались артисты.

— Живо! Живо! — торопил их человек, которого все называли то шпрехом, то шпрех-шталмейстером. — Стройтесь, стройтесь. На парад-алле опаздываете!



— Как дела? — спросил Глеба Андреевича директор цирка.

— Труба! Нигде батареек нет!

— Ну, с колокольчиком гроб пустим,— вмешался шпрех-шталмейстер.— Какая разница!

— С лампочкой эффекта больше.

— Вы из своего кофра батарейка возьми, — посоветовал Сандро.

— Придется... — вздохнул директор.

Оркестр грянул увертюру.

— Вот жила! — шепнул Сандро дяде Проне.— Тут жизнью рискуют, а он батарейка пожалел...

— Ладно, не ворчи!

— Стано-вись! — скомандовал шпрех.

Два униформиста распахнули занавес.

Зажегся полный свет. Осветилась укрепленная у входа на манеж надпись на широкой шелковой ленте: «Открытие сезона!» За ней быстро встали в две шеренги униформисты. Медленно появился торжественный шпрех-шталмейстер. Его встретили аплодисментами.

— Уважаемая публика! — сказал он. — Наш коллектив лучших иностранных и русских артистов начинает свою программу!

Все снова зааплодировали.

— Приветственное слово, проведение парада-алле и торжественной церемонии открытия предоставляется директору цирка, доктору черной и белой магии, великому факиру, фокуснику и престидижитатору, старейшему и популярнейшему артисту, известному на всех материках мира под именем Али-Индус, призеру международной ассоциации чародеев, магов и волшебников в Варшаве, Горацию Ивановичу Ануфриеву!

Директор во фраке и чалме говорил недолго. Он снова поздравил горожан с открытием, выразил надежду, что цирк понравится зрителям, и признался, что за последние несколько лет не встречал города красивее и гостеприимнее, чем Пореченск.

Тут же через барьер перелезла билетерша и преподнесла директору букет цветов. Все растрогались и зааплодировали. Директор подержал у глаз белоснежный платок и послал в зал несколько воздушных поцелуев.

Шпрех-шталмейстер подал директору большие ножницы. В оркестре затрещала барабанная дробь. Директор взмахнул ножницами и разрезал шелковую ленту.

— Парад-алле! — выкрикнул Али-Индус.

Оркестр грянул марш, распахнулся бархатный занавес, и на манеж вышли по четверо в ряд празднично разодетые артисты цирка.

Сандро и дяди Прони среди них не было.

— Траверсе! — скомандовал шпрех-шталмейстер.

Четверки распались на пары. Артисты шли навстречу друг другу. Описав по манежу круг, они снова оказались у занавеса.

Шпрех прочел торжественные стихи. Они кончались так:

Не стану врать. Скажу по чести. Прямо.
Наш цирк исколесил весь белый свет,
И на весь мир прославилась программа.
Начнем ее. Примите наш...

— Привет! — нестройно гаркнули участники парада-алле и скрылись за кулисами.

Представление началось. Почти после каждого номера через барьер перелезала билетерша и преподносила артистам по букету цветов, очень похожих на тот, который получил директор. Зрителям и в голову не приходило, что цветы по приказу Глеба Андреевича совершали круг.

Номер сменялся номером. Всем очень понравилось выступление толстухи.

На манеж вынесли большой сундук. Появился вооруженный конвой с шашками наголо. В центре шла толстуха в арестантском халате. Руки и ноги ее были в кандалах. Она изображала одесскую воровку Соньку — Золотую Ручку. Навстречу Соньке направился Али-Индус.

— Желающих помочь заключить Соньку — Золотую Ручку в ящик, собственноручно запереть его и проверить крепость замков попрошу на манеж! — объявил он.

Желающих нашлось много. Смущенно улыбаясь, они перелезали через барьер. Выбрав из них четверых, в том числе и Колю Плодухина, Али-Индус приступил к номеру.

На толстуху надели полосатый мешок, завязали его и, залив узел веревки сургучом, поставили печать. Погрузив толстуху в ящик, закрыли его и заперли на несколько висячих замков.

— Раз! Два! Три! — произнес трагическим шепотом Али-Индус и громко пальнул из длинного пистолета.— Проверьте ящик!

На дне пустого ящика лежал скомканный полосатый мешок и тюремный халат. Сургучная печать была цела. Там же валялись кандалы. Зрители были поражены. Коля Плодухин, достав из ящика кандалы и халат, развел в недоумении руками.

— Я здесь! Алле! — крикнула появившаяся среди зрителей толстуха.

Вместо халата на ней было красное бархатное платье, все в драгоценных каменьях.

И все-таки Борьке больше всего понравились клоуны. Белый клоун с напудренным лицом, одной черной бровью и ярко-красными ушами был одет в балдахин, расшитый блестками. Рыжий, в котором Борька без труда, несмотря на приклеенный большой курносый нос и лохматый парик, узнал дядю Доната, был в клетчатых широких штанах, огромных ботинках и нескладном, с чужого плеча, пиджаке.

— Хочешь, я тебя угощу шоколадом? — спросил у Рыжего Белый.

— Я не люблю шоколада! Я люблю манную кашу!

— Манной каши у меня нет, а вот печеньем я тебя угостить могу!

— А откуда оно у тебя?

— Я сейчас его испеку! Дайте сюда мою кухмистерскую!

На манеж вынесли столик, на котором лежала мука, сахар, яйца и другие продукты. Не было только кастрюли.

— В чем же ты будешь печь печенье? — удивился Рыжий.

— В шляпе.

Рыжий поспешно спрятал свою шляпу за спину. Белый направился в зрительный зал, где ему охотно одолжили шляпу. Клоун вылил в нее два яйца, насыпал муки, добавил сахару и зажег свечу. Подержав шляпу над свечой, не переставая помешивать в ней палочкой, Белый сказал: «Готово!» — и высыпал из шляпы на поднос целую горку печенья.

Шляпу вернули хозяину. Печеньем угостили зрителей. Борька с Власом печенья не получили и очень позавидовали Леше и Нине, которым досталось по штучке.

Белого срочно вызвали к телефону, и он ушел, запретив Рыжему трогать кухмистерскую. Но Рыжий заявил:

— Уважаемая публика! Я тоже умею жарить печенье! Я испеку целый пуд и угощу каждого! Дайте мне шляпу!

Все побоялись дать шляпу Рыжему, а Борька не побоялся.

— Вот вам кепка, возьмите, дяденька! — крикнул он.

Рыжий взял Борькину кепку, уронил ее на пол, быстро нагнулся за ней и поднял. В руках клоуна была уже не Борькина кепка, а другая, очень похожая.

Глаза Борьки и клоуна встретились. Клоун понял, что он неловко подменил кепку и что Борька заметил подмену. В первое мгновение Борька хотел крикнуть: «Так нечестно, дяденька, вы подменили кепку!»,— но, увидев рядом глаза клоуна, ставшие на миг очень серьезными и раздосадованными, передумал и чуть сощурился: «Не волнуйтесь, дяденька, не выдам!»

Клоун понял Борьку. Глаза его снова стали веселыми и озорными.

— Спасибо тебе за кепку, мальчик! — громко сказал дядя Донат и, подмигнув Борьке, перешагнул через барьер на манеж.

Никто ничего не заметил.

— Тра-ли-ля-ля! Тра-ли-ля-ля! — беззаботно напевал Рыжий, выливая в кепку яйца.

Он швырнул в кепку и скорлупу:

— Вкуснее будет!

Цирк хохотал.

Рыжий сыпал в кепку муку, сахар, соль, перец, горчицу...

Борька смеялся вместе с остальными, но вдруг понял, что не имеет права смеяться. «Я же подведу артиста,— думал Борька,— если бы это была моя кепка, я бы не смеялся, наверное...»

— Что вы делаете? — завопил Борька, скорчив обиженную физиономию.

Клоун посмотрел на него с благодарностью: «Так, так, молодец! Помогай мне, помогай!» — и громко крикнул:

— Как что делаю? Печенье пеку!

Подбежав к барьеру, Рыжий захватил несколько пригоршней опилок и швырнул их в кепку. Потом налил в нее из ведра воды и стал размешивать граблями.

— Отдайте мою кепку! — вскочил с места Борька.

«Молодец, молодец, так, так!» — прочел он во взгляде артиста.

Клоун крикнул:

— Не волнуйся, милый мальчик, сейчас печенье будет готово! Отнесешь его бабушке и прапрабабушке!

Рыжий поднял кепку над свечой и, подержав немного над пламенем, перевернул. На поднос вылилось грязное месиво.

Люди стонали от смеха.

«А что, если выбежать к клоуну и отнять кепку! — осенило Борьку.— Еще смешнее получиться может...»

Рыжий с интересом наблюдал за Борькой. Тот осмелел и, перескочив через барьер, выбежал на манеж.

Цирк снова застонал от смеха. Из-за бархатно-

го занавеса выскочили артисты. Такого еще никогда не было.

— Отдайте кепку! — как поросенок, завизжал Борька.

— Бей меня, бей! — еле слышно шепнул клоун.

Мальчик задубасил по телу клоуна кулаками, стараясь, однако, ударять его так, чтобы было не очень больно.

Рыжий пустился наутек. Борька устремился за ним. Догнав дядю Доната, он вцепился обеими руками в его штанину.

— Отдайте кепку-у-у!

Рыжий отскочил в сторону. От гнева у него зажегся и замигал нос и поднялись дыбом волосы.

На манеже появился Белый.

— Сейчас же отдайте мальчику кепку! — приказал он.

— Сейчас отдам! Выстираю только! — ответил Рыжий.

Он сунул кепку в ведро с водой, прополоскал и вынул... совершенно сухую Борькину кепку.

Борька обалдел. Кепка была его!

Рыжий подмигнул мальчику и сказал:

— Возвращаю в целости и по принадлежности!

Раздался гром аплодисментов.

Счастливый Борька нахлобучил кепку и сел на место. Он был центром внимания.

Шпреху долго не удавалось объявить следующий номер. Снова и снова вызывали клоунов.

Наконец, когда воцарился порядок, униформисты установили на манеже ресторанный столик, мольберт для рисования, круглую мишень, в центре которой была прикреплена горящая свеча, и положили на барьер несколько ружей и пистолетов.

Шпрех объявил:

Внимание, друзья!
Сейчас выходит на манеж
Редчайший в мире феномен
Артист Сандро Татеш!

Ребята, разбросанные по зрительному залу, с радостью переглянулись друг с другом.

Раздалась барабанная дробь. Из-за занавеса появился Сандро — во фраке, длинной черной накидке и цилиндре.

Сандро приветливо кивнул шпреху и направился к середине манежа.

Быстрым движением он сбросил с правой ноги туфлю, поднял ногу вверх, снял ею цилиндр, подкинул его высоко, к самому куполу, и снова ловко поймал ногой.

Цирк ахнул. Влас крепко вцепился в Борькину руку и прошептал еле слышно:

— Калеку... Калеку били...

«Так вот почему он рук из карманов не вынимал...— с ужасом вспомнил Влас.— Вот почему на уроках не писал ничего. Ногами все делает вместо рук, потому и носки не носит... Вот почему он усмехнулся, когда Маргарита Александровна на уроке сказала, что руки в карманах держать неприлично. Вот почему... Вот почему...»



— Подожди! Видишь, руки у него в белых перчатках,— испуганно сказал Борька.

— Протезы это. Я вижу. Калеку били.

Кровь прилила к лицу Борьки.

«Теперь ясно, почему дядя Проня так встревожился, когда узнал, что Сандро помогал грузить фургоны, почему его нищий показывал. А как он зубами одеяло натянул, когда Минька его сбил... Значит, он ногами и рисует так замечательно, и пишет, и мастерит все, и шьет... И перчатки... А мы еще расспрашивали, дураки...»

На манеже появилась Нонна в костюме официантки. Сандро небрежно перебросил ей цилиндр, молниеносным движением надел туфлю, перешел к столу и опустился на стул... Нонна положила перед Сандро ресторанную карточку. Сандро снял обе туфли, достал правой ногой из внутреннего кармана фрака очки, подбросил их вверх и, поймав на переносицу, стал листать меню.

— Смотри-ка, у него на левой ноге часы! — сказал жене гробовщик.

Сандро поднес ногу к уху. Часы, по-видимому, остановились. Он снял их, переставил стрелки, завел и отложил на стол.

Нонна безуспешно старалась вытащить пробку из бутылки. Сандро быстро ввинтил штопор, вырвал пробку и, подбросив их вверх, поймал на лету ногой.

— Это уму непостижимо! — прошептала Риммина мама и спросила, глядя на дочь: — Почему ты плачешь? Что с тобой?

— Ничего...

Ромка Смыкунов боялся даже посмотреть на ребят.

— Неужели спичку сумеет из коробка вытащить и зажечь? — спросил фотограф у сына.

Вирфикс не ответил. Вынув носовой платок, он усиленно сморкался.

А Сандро, размяв пальцами ноги папиросу, постучал ею о портсигар, вставил в рот, достал из коробки спичку, подбросил коробку вверх и на лету зажег об нее спичку.

Зал разразился громом аплодисментов. Сандро подошел к мольберту. Взяв в правую ногу уголек, он быстро набросал портрет Нонны, а потом Чарли Чаплина.

— Не может быть, чтобы у него рук не было,— говорил жене гробовщик Иван Пантелеймонович.— Липа все это! Работает, работает сейчас ногами, а потом, в конце, разведет руки в стороны и поклонится...

Но гробовщик ошибся. Сандро, попав в мишень из пистолета и погасив свечу выстрелом из ружья, поклонился и ушел с манежа.

Шпрех объявил:

— В связи с внезапным бешенством удава дирекция цирка во втором отделении заменяет объявленный аттракцион новым, более сильным. Антракт. Желающие могут посетить конюшню и паноптикум.

* * *

Сандро снимал грим перед небольшим, треснувшим посредине зеркалом. Ему был виден разминающийся перед выступлением дядя Проня. Уже загримированный и одетый в открытое черное трико — борцовку, он жонглировал тяжелыми гирями.

Оба разговаривали тихо: совсем рядом, из-за брезентовой стены, отделявшей небольшую гардеробную от паноптикума, раздавался нестройный говор посетителей.

— Как же все-таки угораздило тебя в подвал этот провалиться? — спросил дядя Проня.— А может, ты не все рассказал мне, а, Шурка? Утаил что?

— Зачем не все рассказал? — закричал Сандро.— Зачем утаил?

— Кричи на дядьку, кричи. Он заслужил.

Сандро переменился в лице и подошел к дяде Проне.

— Прости, да? Больше не буду, да?

Дядя Проня отставил гири в сторону и провел своей ручищей по вихрастой голове мальчика:

— Дядька, конечно, простит.

— Зачем ты согласился «мертвец» работать? Зачем? — чуть не плача, сказал Сандро.

— А ты зачем работать пошел? Я не велел, а ты пошел?

— Чтобы цирк горел хочешь, да? Чтобы сбор не был?

— И я потому согласился, Шурка...

Из паноптикума доносился смех и громкие голоса.

— Мог бы Глеб Андреевич и поимка организовать...— протянул Сандро.— Поднял бы сборы и без «мертвец». Хоть и не люблю я поимка, арапство этот, но все лучше, чем «мертвец».

— Поимку сразу не организуешь...— возразил дядя Проня.

— Можно было бы не междугородный, а городской поимка устроить...

— Удав больной сейчас. Кто даст его трогать?

— Ничего удав во время поимка не сделается. Городской поимка несложный...

Оба задумались.

Неоднократно, когда в цирке падали сборы, затевал Глеб Андреевич поимку удава. Поимка разыгрывалась в двух вариантах: городском и междугородном.

В местной газете появлялось объявление: «Из цирка пропал удав. Просьба ко всем, кто обнаружит следы беглеца, сообщить об этом в дирекцию цирка за приличное вознаграждение».

Несколько дней спустя появлялась новая заметка: «Удава встретили в лесу лесничий с сыном. К сожалению, поймать удава им не удалось. Просьба к горожанам, которые обнаружат удава, немедленно сообщить об этом в дирекцию цирка за щедрое вознаграждение».

В следующей заметке сообщалось, что удава видели рыбаки у моста. Когда город охватывала всеобщая паника, появлялось последнее сообщение: «Завтра, в воскресенье, в десять часов утра в районе соснового бора состоится поимка удава. Дирекция цирка просит желающих помочь в охоте».

С раннего утра в условленном месте собирался народ. Доверчивых охотников ожидало разочарование. Заранее принесенный и ловко спрятанный удав был уже пойман... самими работниками цирка. Удав бился тут же в крепких рыбацких сетях. Беглеца несли в цирк через весь город. Сборы были обеспечены.

Междугородный вариант поимки был посложнее. Сандро помнил случай с крокодилом. Дело было в Нижнем Новгороде. Ящик с крокодилом поздней ночью погрузили на пароход. В Казани его до поры до времени припрятали надежные люди. А в нижегородской газете подняли шум. Пропал, мол, крокодил. Люди видели, как он плюхнулся в воду у пристани... Из разных деревень, местечек, которые находятся по пути от Нижнего до Казани, стали поступать сообщения, что встречали крокодила то пастухи, то рыбаки. Наконец, пришло последнее сообщение из Казани: «Крокодил пойман! Попался рыбаку в сети. Назад в Нижний отправляют поездом». На вокзале организовали пышную встречу. Снова в цирке аншлаги!

На пороге появился Глеб Андреевич:

— Вот батарейка из кофра, вот лампочка. Еле достал. Директорская перегорела, так дядя Донат свою из носа вывернул. Сам припаивать будешь или мне прикажешь?

— Конечно, сам. Кому доверю, да?

— Ну, валяй! Паяльник сейчас принесу.

Глеб Андреевич скрылся. Некоторое время дядя Проня и Сандро молчали. Из паноптикума доносился гул толпы.

— Ты что, Шурка, расстроился, что ли?

— Противно, дядя Проня. Все противно! Я жду, когда ты взорвешься, да? Недаром тебя слонищем зовут. Слон, он добрый: терпит, терпит, а потом не выдержит да как разбушуется, что камень на камень не оставит, да? Вот я жду, когда ты взорвешься наконец. Они на тебе катаются, да? Деньги зажимают, да? Штрафуют. Фамилию и то какой носишь? Итальянский? Мой имя хоть грузинским остался. Только фамилию укоротили. А у тебя и имя нет.

— Ну ладно, будет тебе! В цирке закон такой, чтобы артист выступал под иностранным именем. Ишь, разошелся...

— Да, разошелся! Зачем «мертвец» согласился работать? Почему в ЦУГЦ «мертвец» не работают? Кто так рисковать разрешит? Кто у меня в жизни, кроме тебя есть? Отец? Мать? Какой они отец, мать, если меня нищий продал? Помереть хочешь, да? Меня один на всей земле оставить, да?

Дядя Проня не ответил. Он отошел к гирям и отвернулся. Сердце его сжалось. «Ничего, Вонави, держись!» Он не хотел, чтобы Сандро видел его слезы.

В гардеробную вошел Глеб Андреевич. Дядя Проня как-то странно, боком вышел из комнаты. Глеб Андреевич положил на стол паяльник, канифоль и кнопку от звонка.

— На, паяй! Да поскорее! Скоро первый звонок!

Сандро отвернул отверткой винтики, отогнул контакты и стал монтировать провода.

— Ты чего как мышь на крупу надулся? — спросил Глеб Андреевич.

— А ты не понимаешь? Легко Вонави «мертвец» делать?

— Другого выхода нет, Сандро...

— Зачем так говоришь? Есть! Зачем не мог поимка организовать?

— Да я бы с удовольствием. Директор не пойдет на это.

— Зачем так говоришь? Что ты захочешь, так и будет. Какой Али-Индус хозяин? Ты хозяин. Все знают.

Глеб Андреевич рассмеялся:

— Это фантазии ваши! Он хозяин. А какой хозяин пойдет на поимку с первых дней? Поимку в резерве надо держать. На самый худой конец.

— Что с тобой говорить! — резко мотнул головой Сандро.

— Ну, я пошел готовить могилу,— сказал Глеб Андреевич, ободряюще кивнул Сандро и торопливо удалился.

Мальчик продолжал возиться с проводами. Смонтировав кнопку, он стал припаивать контакты к лампочке.

— Это Торквемада, первый великий инквизитор,— раздался из-за брезента чей-то молодой голос.— Жил он при Елизавете Кастильской. Я читал про него много.

— Неужели взаправду раньше такие пытки были?

— Точно все показано.

Паноптикум гудел. Раздался звонок.

— Быстрее, быстрее проходите. Задние тоже поглядеть хотят! — громко крикнул кто-то.

В комнату вошел дядя Проня. Глаза его чуть покраснели.

— Скандалить я не люблю,— сказал он, не глядя на Сандро.— Потому и уйдем мы с тобой тихо. Я ни на кого не в обиде. Жизнь есть жизнь. Всем жить надо. Кто как умеет, тот так и устраивается. Это спокон веков было, и ни мне, ни тебе не поменять порядка. Да и не в моем характере это. Одно скажу: последний город мы у частника работаем. В ЦУГЦ переходим. Точно. Я давно уже решил. Вот удава выкупим с тобой — и все... Мне еще два взноса осталось. А за «мертвеца» директор прилично заплатить обещал. Так-то, брат Шурка...

— И зачем тебе этот удав? Будешь, как прежде, бороться. А за удав деньги обратно возьми. Ты столько за него внес, что не один, а два удав купить можно был...

— Так тебе Индус с Глебом Андреевичем деньги назад и вернут...

— Ну, а не вернут, пусть сами удавятся со свой удав...

— Нет, нет. Я так решил. Пойдем-ка поглядим, как с могилой дела.

— Нет, мне надо батарейка приладить.

Дядя Проня ушел.

— А Марат умер вовсе и не в постели, а в ванне. Его зарезала роялистка Шарлотта Кордэ,— раздавался за стенкой все тот же голос.

— Так надо им сказать, чтобы его в ванну переложили...

— Ребята, сюда! — крикнул кто-то очень знакомый.

«Это Нина»,— узнал Сандро.

Он подошел к стенке и, прильнув глазами к дырке в брезенте, совсем близко увидел Нину, Борьку и Павлика. К ним через толпу протискивались вожатый, Влас, Римма и другие ребята.

— Ну, что будем делать? — спросил Влас.

— С чем? — спросил Борька.

— Не с чем, а с кем. С Сандро.

Сандро инстинктивно отпрянул от глазка и затаил дыхание.

Тишину нарушил Борька.

— Надо точно узнать, когда он в школу придет и перед самым его приходом написать на доске: «Да, Сандро, мы все повидлы дешевые»! И мы должны под надписью стоять...

— И на колени перед ним упасть! — предложила Римма.

Влас рассердился:

— Надо хорошую палку найти, и пусть он нас всех хоть по разу ударит. А меня больше всех! И его вот! — указал Влас на Ромку Смыкунова.

— А что! — вздохнул Ромка.— Если надо, пусть лупит...

Сандро поморщился. Он вспомнил о «темной», о песне про «карапета» и почувствовал, что дрожит от гнева. Голова закружилась так, что Сандро покачнулся и сел на ящик.

«Никогда не прощу!»

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОКОНЧЕНО...

Борьке стало страшно, когда, вернувшись из паноптикума, он увидел в центре арены черную могилу. У ее края валялись лопаты, ломы, молотки, гвозди и стоял гроб.

Шпрех объявил:

— Сейчас всемирно известный итальянский силач, атлет и гладиатор Вонави исполнит смертельный трюк «живой мертвец». Номер сопряжен с большим риском для жизни исполнителя, поэтому дирекция цирка просит всех слабонервных удалиться! Вонави ляжет в гроб, который будет заколочен, опущен в глубокую могилу и зарыт. Богатырь пролежит под землей без воздуха свыше часа!

По рядам прошло волнение.

— После того как знаменитый гладиатор будет закопан,— продолжал шпрех,— на манеже обычным порядком пойдет второе отделение программы. После ее окончания гроб будет открыт. В третьем отделении артист продемонстрирует свою богатырскую силу: забьет кулаком гвозди в доску, выдернет их зубами, разогнет подковы, выжмет штанги и покажет еще множество силовых

трюков. В финале выступления по желанию уважаемой публики он либо сломает надвое телеграфный столб, либо согнет трамвайный рельс, держа на себе при этом двадцать человек!

Цирк ахнул.

— Мне страшно, Ванечка, я лучше уйду,— прошептала супруга похоронных дел мастера.

— Не бойся. Все это «липа», фокусы. Двойное дно. Гири внутри пустые. А в гробу будет дышать через трубку.

— Вы уверены, что через трубку? — спросил отец Ромки Смыкунова.

— Точно! Без «липы» даже этот бык не выдержит. Я с ним знаком. Он у меня гроб заказывал! Хоть и здоров, верно, а не выдержит.

— Выдержит!

— Спорим? — И Ромкин отец назначил цену.

— Согласен! — ответил гробовщик.

— А я разобью! — предложил Ромка.

Дядя Проня и Сандро стояли возле выхода на манеж.

— Не надо долго лежать, да? Что с тобой в прошлый раз было... Помнишь, да? Полчаса хватит,— умоляюще сказал Сандро.

— Полчаса не годится, Шурка. Сам понимаешь. Успеха не будет, прогорим. Все от премьеры зависит...

— А я в гроб свет провел, — улыбнулся Сандро.— У дяди Донат еще батарейка брал. Старая батарейка, но ничего, «гном» называется. Со светом тебе веселее будет...

— Ай да молодец! Спасибо тебе.

— Итак,— торжественно объявил шпрех,— вызываю на манеж чудо-богатыря, атлета и гладиатора, известного на весь мир итальянского артиста Вонави!

Оркестранты дунули в трубы.

— Ну, ни пуха ни пера,— прошептал мальчик и прижался щекой к черному полутрико.

— К черту,— вздохнул дядя Проня и крепко обнял Сандро.

На глазах Сандро блеснули слезы.

— Что ты волнуешься, дурачок? В первый раз, что ли?

— Ну, не больше часа, ладно?

Великан легонько оттолкнул мальчика, перекрестился и только хотел распахнуть занавес, как к нему подошел Глеб Андреевич и что-то шепнул на ухо.

— Ладно уж...— буркнул дядя Проня и вышел на манеж.

Раздалась громкая барабанная дробь. Грудь богатыря опоясывала красная муаровая лента, на которой сверкали многочисленные медали и бляхи. Цирк встретил артиста громом аплодисментов. По рядам прошел гул одобрения.

— Ну и здоров!..

Дядя Проня был бледен, но приветливо улыбался толпе. Барабанная дробь оборвалась.

— Вам ничего не хочется сказать зрителям на прощание? — бойко спросил шпрех.

— Нет.

Шпрех поднял вверх руку.

— Обратите внимание на лампочку, лежащую



на барьере! Она соединена с гробом. Если итальянцу станет плохо, он три раза подряд нажмет кнопку, лампочка загорится, и гроб будет по его требованию вырыт. Примерно через каждые десять — пятнадцать минут артист будет подавать сигнал «жив», мигая лампочкой один раз. Значит, запомните: один раз «жив», три — «выкапывайте»! Желающих удостовериться в том, что могила настоящая и не содержит никаких секретов, а также желающих собственноручно закопать гроб попрошу сюда!

Толпа любопытных выбежала на манеж.

Дядя Проня снял с себя ленту с медалями, поцеловал ее, бережно положил на барьер, обнялся на прощание со шпрехом, послал привет зрителям и лег в гроб.

В мертвой тишине стучали молотки, в мертвой тишине гроб на полотенцах опустили в могилу.

В гробу пахло свежей сосной, скипидаром и вонючим до тошноты клеем. Великан лежал с открытыми глазами. Он почувствовал, когда гроб коснулся земли.

«Опять неровную яму выкопали,— с недовольством подумал дядя Проня.— Ноги выше головы лежат... Сколько раз просил, чтобы поаккуратнее рыли... Теперь все тело затечет».

Оркестр нестройно заиграл вальс.

«На сопках Маньчжурии»,— узнал дядя Проня.— До чего фальшивят!..»

Могилу начали закапывать.

— Трах... Трах... Трах...— стукались о гроб комья земли.

«Человек пять стараются...» — представил себе великан.

Трах... Трах... Трах...

«А Шурка молодец! Свет провел. Как я раньше до этого не додумался! И верно, веселее так лежать. И часы можно было приспособить к крышке. Если еще когда-нибудь «мертвеца» работать буду, обязательно приспособлю часы. Чтобы время не угадывать, а точно знать. До чего лукавый старичок нарисован на батарейке! Верно что гном...»

Лежать было неудобно. Голова сползала вниз. Великан приподнялся и продвинулся вперед.

«Не просох еще как следует. Вся обивка сырая, как низ, и такая же холодная».— Дядя Проня поежился, хотел было ощупать стенки гроба и даже приподнял руку, но тут же в страхе отдернул ее назад.— «Что я делаю? Разве можно столько двигаться, так силы расходовать?» — Он расслабил мышцы и замер.

Трах... Трах... Трах...

Удары стали глуше, музыка тише. Еще тише.

«Скоро совсем ничего не будет слышно... Совсем ничего...— подумал великан и пододвинул ближе звоночную кнопку: — Надо, чтобы все время под рукой была».

Могилу посыпали тонким слоем свежих опилок и разровняли граблями.

Лилипуты вывели на манеж дрессированных собачек.

— Это просто умора!—весело сказал гробовщик супруге, увидев, как один из фокстерьеров, подняв заднюю лапку, помочился на могилу.

«А Глеб Андреевич все-таки скотина,— думал дядя Проня,— шепнул на прощание, чтоб я больше часа постарался пролежать. Легко сказать!.. Сам бы попробовал, каково тут. И пяти минут не выдержал бы. Откуда ему знать секрет дыхания? Да и не только в секрете дело. Хуже всего, что один лежишь. Минуты годами тянутся... Ну, ладно... Пролежу подольше, раз нужно».

Наверху два несмешных клоуна лениво колотили друг друга палками и обливали водой.

Дяде Проне показалось, что милый гном дружески подмигнул ему. Дядя Проня вытер слезу.

Дышалось по-прежнему легко. Но дышать надо было умеючи, экономно расходуя воздух. Сколько времени ушло на то, чтобы выработать такое дыхание! Сколько репетиций!

Дядя Проня вздрогнул. Ему показалось, что на его голом плече что-то шевелится. Это неведомое «что-то» медленно поползло по груди. Великан в ужасе дернулся и сильно ударился головой о крышку. Горло захватила спазма.

Громко зажужжала муха. «Ну и напугала, проклятая!.. Э-э, матушка моя, да мы вместе с тобой погребены... Очень приятно. Не так скучно будет».

На манеже продолжали кривляться клоуны.

Веселый гном двоился в глазах, наполненных слезами. Дядя Проня глядел на него и улыбался. Он вспоминал о Пансито. О старом обрусевшем японце Пансито, который посвятил его, молодого артиста Проньку, в таинство исполнения «живого мертвеца». Давно это было... Они подружились в маленьком южном городке России много лет назад, когда великан выступал в труппе «Десять арабов-прыгунов Мариано» никому не известным сальтоморталистом. Познакомились они вскоре после приезда японца в город. Старик ходил в глубоком трауре: он только что овдовел и остался с маленьким сынишкой. Мальчик почти не говорил по-русски. Пронька привязался к малышу, играл с ним, обучал несложным трюкам: стойкам, колесикам, кульбитам, учил русскому языку и сам учился японскому.

— Значит, мама по-японски будет хаха? — спрашивал он.

— Хаха,— соглашался малыш.

— А папа?

— А папа — тити.

— Ну скажи еще что-нибудь...— просил Пронька.

— Хаха синда...

— Что значит хаха синда?

— Хаха синда значит: мама умерла...

Очевидно, поэтому японец относился к Проньке более приветливо, чем ко всем остальным. С окружающими он был замкнут. Но на него никто не обижался: в цирке умеют понимать чужое горе.

На афишах японца было написано, что он первый и единственный исполнитель «живого мертвеца». Это было неправдой: подобные номера существовали и до него, но по количеству времени, проведенному под землей, у Пансито действительно не было равных. Он мог пролежать в могиле свыше двух часов.

И вот однажды случилось несчастье. Заканчивалось второе отделение программы. Пансито лежал в гробу, а над ним шло представление. Все точь-в-точь как и сегодня. В темноте над могилой Пансито жонглер подбрасывал три горящих факела.

Раздался яростный удар грома. Блеснула молния. Сильный ветер сорвал и унес брезентовую крышу. С неба хлынул поток воды. Еще порыв ветра... Затрещали и повалились столбы, погасли лампы. Раздался крик ужаса. Люди бросились из цирка, пересекли рыночную площадь и укры-

лись в церкви. Бушевал ветер, град стучал по крыше, вода затопляла землю.

Ураган стал затихать. В толпе жался от холода Пронька. Он вдруг коротко вскрикнул. Пансито! Забытый всеми Пансито уже свыше двух часов лежал в глубокой могиле.

Пронька бросился в цирк. За ним, утопая в грязи и лужах, побежали остальные артисты. Издали они услышали судорожный звонок колокольчика, соединенного веревкой с гробом.

В центре пустого манежа в мутной жиже лежал на животе сынишка Пансито. Горько плача, он ожесточенно разрывал землю ногтями.

Колокольчик яростно трезвонил.

— Тити! Тити! — кричал мальчик.

Колокольчик звенел все громче и настойчивей.

Увидев Проньку, мальчик бросился к другу:

— Тити синда! Тити синда! Хаха синда... Тити синда!

Колокольчик умолк. Лопнула веревка. Яму быстро откопали. Пронька рванул крышку гроба. Со скрипом выскочили гвозди. Разгневанный и ни о чем не ведавший японец поднялся и залепил Проньке такую пощечину, что тот повалился на спину.

Так началась дружба.

«Где-то теперь старик?» — вспомнил, улыбаясь, великан.

Сандро стоял у занавеса и кусал губы. Почему нет сигнала? Прошло уже пятнадцать минут. Почему так долго нет сигнала?

Чарли Чаплин бегал по манежу и безуспешно пытался поймать собственную шляпу. В ложе хохотали до слез.

«Ну как можно сейчас смеяться?» — думал Сандро.

На барьере зажглась лампочка...

...Ухмыляющийся гном весело щурил глаз, вот-вот захохочет. Дышалось по-прежнему легко. «Пожалуй, пролежу часа полтора,— размышлял великан,— сил не убавилось. Не то, что в прошлый раз. Тогда в это время голова уже начала болеть. Если пролежу, прибавит Индус, прибавит. Уплачу еще взнос. Останется последний — и все. Удав мой... Уйдем. В ЦУГЦе «мертвеца» не заставят работать... Не так плохо в ЦУГЦе. Врут Гораций и Глеб Андреевич. Зачем государству артистов обманывать?»

Над манежем повесили сетку. Шпрех объявил воздушный номер «четырех чертей».

«Интересно, был полет или нет? — думал дядя Проня.— Как там Донат? Небось, летает, а сам про меня думает. Не волнуйся, Донечка, выдержу... Вместе уйдем. Всех с собой заберем. Шурка будет рад. Эх, Шурка, Шурка, славный парень!.. Ведь я сразу понял, что поколотили тебя в школе... Все выдумал про лестницу. Не хотел меня расстраивать, вот и соврал! Не волнуйся, Шурка... Сейчас для тебя специально подам длинный сигнал. Знай, что думаю о тебе, болезный ты мой...» — И дядя Проня нажал кнопку.

— Тебе не кажется, что лампочка слабей стала гореть? — спросил Сандро у Василия Тихоновича.

— Что ты! Что ты!

— Эх, дядя Вася, зря я насчет батарейки подал мысль! — снова нагнулся к лилипуту Сандро.— С колокольчиком надежнее...

Время шло... Высоко под куполом передвигался, вися вниз головой и переставляя ноги из петли в петлю, «человек-муха». Артист раскачался на последней петле и очутился на мостике. Борька, Влас и многие зрители не видели этого. Взоры их приковывала лишь лампочка на барьере.

В гробу стало темнее.

«Неужели батарейка садится? — с досадой подумал дядя Проня, глядя на меркнувшего гнома.— Говорил же Сандро, что старая батарейка была у Доната...»

Тело снова сползло. Голова уперлась в переднюю стенку гроба. Великан передвинулся наверх. Он дышал медленно и глубоко. Воздух стал тяжелым. В гробу было жарко. Дядя Проня провел рукою по мокрому лбу и вытер руку о горячую, влажную борцовку. «Опять зря сколько сил потратил! Нельзя так».

В висках заколотилась жилка. В затылке дядя Проня ощутил резкую боль. Казалось, в череп вонзили длинную острую иглу. Боль усиливалась с каждым мгновением, но прекратилась так же внезапно, как и появилась. «Ну, совсем как в последний раз было»,— со страхом вспомнил богатырь.

Снова зажужжала муха. Зажужжала громко, отчаянно, с силой колотясь о крышку гроба... Лампочка горела слабей и слабей. Гном таял в темноте.

— Посмотрите на часы. Сколько он там пролежал? — спросил у гробовщика Ромкин отец, сняв с ног узкие лакированные штиблеты и блаженно шевеля пальцами ног.

Вынув из жилетного кармана массивные золотые часы, Иван Пантелеймонович глянул на циферблат.



— Прекрасно! Пятьдесят шесть минут!.. После такой нагрузки он не выдержит дальше.

— Выдержит! — уверенно заявил Ромка.

— Нет, не выдержит. Плакали ваши денежки! — засмеялся гробовщик.

— Как бы ваши не заплакали!

— Может, удвоим ставки?

— С удовольствием...

Гробовщик громко захлопнул крышку часов. Ударили по рукам. Ромка разбил.

«Почему нет сигнала? Почему опять так долго нет сигнала?» — нервничал Сандро. Рядом с ним стояли, сгрудившись, все остальные участники программы. На лампочку смотрели все: зрители, оркестранты, билетеры и даже Чарли Чаплин, который сидел на барьере, пиликал на концертино и пел песенку:

Немало страшных номеров
Пришлось вам посмотреть,
Остался самый страшный:
Сейчас я буду петь...

Никто не смеялся. По цирку шел ропот. Отец Павлика Асиновского не выдержал, поднялся с места и крикнул на весь цирк:

— Я дежурный врач и требую прекратить представление! Гроб необходимо откопать.

— Правильно! — громко поддержал Коля Плодухин.

Ромкин отец подпрыгнул на стуле и, забыв, что он в одних носках, сделал два шажка к барьеру ложи:

— Неправильно! Не имеете права! Мы за удовольствие деньги платили!

Цирк загудел.

— Правильно! Мы деньги платили! Пусть еще лежит! — шумели одни.

— Откапывайте! Хватит! Довольно! — кричали другие.

На манеже зажглась лампочка. Сразу стало тихо. Ромкин отец сел на место и поставил ноги на штиблеты.

Гнома уже не было видно. Дядя Проня не отрывал взгляда от меркнущей тонкой ниточки. Нудно жужжала муха, бьющаяся о крышку гроба.

«А что если и наверху батарейка села?» — с ужасом представил себе великан, и от этой мысли бешено заколотилось сердце. Ему захотелось тут же нажать на кнопку. Нажимать, пока не откопают, но он отдернул руку: рано...

Его тело уже давно сползло вниз. Но передвинуться не было сил. Дыхание стало тяжелым. Хотелось только вдыхать обжигающую липкую массу, которую нельзя было назвать воздухом. Каждый вдох сопровождался резким уколом в сердце. Тело стало совершенно мокрым. Он чувствовал, как трескаются губы. Их хотелось облизнуть языком, но слюны уже не было. Муха вдруг умолкла, упала на щеку богатыря и так осталась лежать на ней.

— Отмаялась...— шепнул дядя Проня и смахнул муху.— Сколько она продержалась? Я уже больше часа лежу... Еще бы полчаса... Ну хоть двадцать минут, хоть десять... продержаться... Удав мой.. Шурка... ЦУГЦ...

Ярко вспыхнув напоследок, лампочка на миг осветила гнома. В глазах пошли зеленые круги. Потом желтые, синие, красные. Словно воздушные шары. Такие, как в детстве, на ярмарке, когда выступал еще совсем маленьким мальчишкой на ветхом коврике под шарманку. Кругом толпа, и шары в небе; много шаров — зеленые, желтые, синие, красные... И в каждом шаре отражается по Проньке. Такому же маленькому, как сын Пансито. А сейчас он большой уже вырос, сын Пансито. Хороший артист... В ЦУГЦе работает.

«Надо вылезать,— решил великан,— а не то сам, как эта муха, здесь останусь».

И в ту же секунду тысячи острых игл вонзились в голову. Зажужжало несметное количество мух.

«Скорее, скорее! Надо успеть.. Задохнусь... Сейчас задохнусь...»

Кнопка выскользнула из потных, скользких рук...

«Где она? Куда отскочила? Скорее... Скорее...»

Руки судорожно шарили по дну гроба.

Мухи жужжали невыносимо громко. Хохотал гном. Барабанные перепонки, казалось, лопнут...

Вот кнопка.

«А что, если уже бесполезно?» — почти обезумев, подумал дядя Проня и что есть силы нажал на кнопку.

Раз... два... Третьего сигнала не последовало... Кнопка выпала из рук.

Могилу откопали. Сняли крышку гроба. Дядя Проня открыл глаза и на мгновение увидел встревоженное лицо шпреха.

— Тебе плохо было? Почему ты не дал третьего сигнала? — тихо спросил он.

Великан хотел ответить, но задохнулся свежим воздухом. Свет обжигал глаза. Дядя Проня зажмурил веки, закашлялся, откинулся назад и затих.

— Ну вот, теперь все,— весело сказал гробовщик.— Дорого вам обойдется сегодняшний цирк. Пари проиграно!

— Погодите радоваться. Кажется, он приходит в себя...

Над артистом склонился доктор Асиновский.

— Дайте-ка сюда руку. Проверим пульс...

— Я просто закашлялся. Что-то в горло попало,— сказал дядя Проня, переводя дух.— Чувствую себя прекрасно.

— Почему ты дал только два сигнала? Тебе было плохо? — снова тихо спросил шпрех.

— Ерунда какая-то получилась,— твердо ответил богатырь, приподнимаясь и деликатно высвобождая свою ручищу из маленьких крепких рук доктора.— Каких два сигнала? Вышла ошибка. Вы меня рано вырыли. Я давал только один сигнал. Наверное, плохо сработала кнопка.

Все зааплодировали.

— А сколько вы еще могли бы пролежать без воздуха? — нарочно громко спросил шпрех.

— Еще столько же.

Цирк снова дружно захлопал.

— Правильно! Пусть ложится обратно! Наладит кнопку и ложится! — визгливо закричал похоронных дел мастер.

Цирк загудел.

Шпрех объявил антракт.

В гардеробной, у ящика, на котором отдыхал, укрывшись мохнатым халатом, дядя Проня, стояли доктор Асиновский, директор и Глеб Андреевич. Сандро, дядю Доната и остальных друзей доктор выпроводил из комнаты.

— Меня обмануть невозможно,— говорил он директору.— Я по пульсу вижу, что организм перенес серьезное потрясение. Товарищ Вонави сказал неправду. Ему было плохо. Видите, он до сих пор не может прийти в себя. О каком же даль-



нейшем выступлении вы можете говорить? Как врач, я категорически протестую!

— Вы ошибаетесь, коллега, после «живого мертвеца» это обычное состояние,— сказал директор.

Рядом с высоким и сильным Глебом Андреевичем он, сухонький и тщедушный, казался еще ниже ростом.

«На кого он похож?» — напряженно думал дядя Проня.

— И еще одно,— вмешался Глеб Андреевич.— У нас в цирке есть нерушимое правило: начав номер, артист обязан его непременно довести до конца.

Дядя Проня молчал. В гардеробную заглянул шпрех.

— Как себя чувствуешь?

— Все в порядке! Все в порядке! — поспешно ответил Али-Индус.

«Вот на кого он похож... На гнома!»

— Даю третий звонок,— неуверенно сказал шпрех и посмотрел на великана.

Дядя Проня молчал: как решат, так и будет. Шпрех скрылся.

— Заявляю категорически! Я снимаю с себя всякую ответственность. Я не могу быть соучастником преступления! — сказал доктор, резко повернулся и вышел из комнаты.

Раздался третий звонок.

Великан медленно поднялся с ящика, сбросил халат на табуретку, подошел к гримировальному столику и пристально глянул в треснувшее мутное зеркало. Оттуда на него смотрел незнакомый человек с синими кругами под глазами.

Дядя Проня ткнул заячьей лапкой в пудру, хотел было провести ею по лицу, но раздумал и бросил назад в пудренницу. Коробочка перевернулась. Пудра рассыпалась по столику.

— Скорее, Вонави, слышишь, как хлопают,— заискивающе сказал Али-Индус.— Мы, наверное, один взнос за удава с тебя снимем, раз отработаешь сегодня. Как думаешь, Глеб Андреевич?

— Если хорошо отработает, пожалуй, можно только последний взнос оставить,— согласился Глеб Андреевич.

Дядя Проня глянул на директора и Глеба Андреевича так, что им стало не по себе.

— Повидлы вы оба... дешевые...— сказал он и вышел из гардеробной.

У занавеса стояли Сандро, Нонна, дядя Донат, лилипуты.

— Ну, я пошел, ребята. Не волнуйтесь. Самое страшное позади. Теперь остались одни семечки...

И действительно, любо-дорого было посмотреть, как легко он работал с гирями и штангами. Последнюю, самую маленькую, бронзовую, он закрутил вокруг руки так быстро, что она превратилась в сплошной золотой круг. Ее даже трудно было остановить, и дядя Проня чуть не упал, но удержал штангу и эффектно ударил ею об опилки.

— Ну, кто был прав? С кого причитается? — спросил Ромкин отец.

Иван Пантелеймонович засопел и отвернулся в сторону. Манечка нервно теребила жемчужные бусы.

— По желанию большинства зрителей Вонави согнет на себе трамвайный рельс! — громко и торжественно объявил шпрех.— Для исполнения этого трюка попрошу на манеж двадцать человек.

Дядя Проня медленно обтирался махровым полотенцем. В цирке было жарко, но от его скользкого, словно смазанного жиром, могучего тела валил пар. Тяжело дыша, атлет разглядывал зри-

телей, перелезающих со всех сторон через барьер. «Как шакалы!» — подумал великан.

— Вонави, вы готовы? — спросил шпрех.

— Готов! — устало ответил дядя Проня и бросил полотенце униформисту.

— Маэстро! Снимите музыку! — скомандовал дирижеру шпрех.

Дядя Проня вышел на самую середину арены, на место, где была могила. Усыпанная свежими опилками, она выделялась на грязном манеже, как заплата.

«Жаль, что не спросил, когда телегу нагружал, от какого дерева такие опилки получаются. Как снег, белые...— вспомнил дядя Проня.— Надо будет обязательно узнать, какого сорта дерево. Обязательно...»

На плечи дяди Прони наложили кучу мягкой ветоши, сверху которой, как коромысло, водрузили тяжелый рельс. Борцовка сразу стала мокрой.

«Ржавая рельсина-то,— подумал богатырь,— руки долго отмывать придется...»

— Прошу по пять человек с каждой стороны крепко взяться за рельс,— скомандовал шпрех.

Великан поднатужился, легко поднял груз и немного потряс. Все весело рассмеялись.

— Карусель! Настоящая карусель!

— Раскрутил бы он их как следует!

— Еще по два человека с каждой стороны...

Рельс не сгибался.

«Эти черти тоже ржавчиной перемажутся...» — озорно подумал дядя Проня.

— Еще по одному... Отлично! Семнадцатый и восемнадцатый прошу...

Рельс начал медленно гнуться. Висящие на нем почувствовали это и радостно застонали.

Шея, грудь и лицо великана стали багровыми. Кончики пальцев побелели. На шее вздулись жилы. Пот больно ел глаза.

Рельс перестал гнуться.

— Подбавь еще,— прохрипел дядя Проня.

— Девятнадцатого и двадцатого прошу,— пригласил шпрех.

Цирк замер.

До последних рядов галерки доносилось прерывистое дыхание богатыря.

Двое повисли с разных концов рельса. Рельс согнулся.

— Алле...— хрипом вырвалось из груди дяди Прони.

— Б-р-р-аво! — застонал цирк.

— Маэстро, туш! — крикнул шпрех.

«Отчего я не слышу аплодисментов? И туша не слышу. Вот чудно-то! Вижу, как люди хлопают, а ничего не слышу...»— удивился великан.

Неожиданно тишину разрезало знакомое жужжание. Оно становилось все громче и пронзительней. Дяде Проне показалось, что откуда-то издалека летит муха. Та самая муха, которая была в гробу. «Ожила, что ли?.. И почем я знаю, что эта та самая? Я ведь так и не видел ее...»

Муха росла и жужжала все пронзительней. Она подлетела совсем близко, стала огромной. Подмигнув, совсем как веселый гном, она уселась на правый висок и больно кольнула...

Великан покачнулся, потерял равновесие и неловко завалился на бок. «Какой породы было дерево? Надо узнать...» — подумал он, глядя на стремительно падающий в лицо манеж...

Люди сыпались с рельса, как горох. Они быстро поднимались, смеялись и очищали костюмы от опилок, а артист продолжал лежать в нелепой позе, придавленный ржавым рельсом, уткнувшись лицом в белые, как снег, опилки...

Опилки быстро краснели от крови.

На весь цирк раздался гортанный крик Сандро. Потом Борькин вопль. Оркестр умолк. Цирк замер от ужаса.

К артисту со всех сторон бросились люди.

— Карету «Скорой помощи»! Скорее! Карету!— закричал и заметался в страхе по манежу Али-Индус.

— Поздно...— тихо ответил доктор Асиновский, поднимаясь с колен.— Он мертв...

— Ну, так кто из нас выиграл пари? — торжествующе спросил Иван Пантелеймонович, играя брелоками от часов.

— За такое зрелище никаких денег не пожалеешь! — отозвался Ромкин отец, натягивая на ноги узконосые штиблеты...

* * *

Ребята облепили школьное крыльцо.

— Самого Сандро мы с Борькой так и не видели,— рассказывала Нонна.— Мы обо всем узнали от дяди Доната.

— А когда хоронить будут?

— Сегодня. Только вчера вечером все с похоронами уладилось. Фамилии настоящей дяди Прони никто не помнит. Потерялась... Вонави и Вонави. На всех венках так и написано... Хорошо, что мы с венком успели. Дядя Донат его сразу в гардеробную к Сандро отнес.

— А Сандро, значит, от гроба так и не отходит? — спросила Римма Болонкина.

— Он вообще в цирк жить переехал. А Минька воет так, что слушать жутко. Будто человек стонет: «О-о-о-х». Сегодня часов в шесть вошел дядя Донат в цирк. Слышит, на манеже кто-то разговаривает. Заглянул потихоньку и видит: перед гробом на коленях стоит Сандро и, как с живым, говорит с дядей Проней. По-грузински. А рядом Минька. Дрожит весь. А по морде настоящие слезы катятся...

— Гроб, значит, на манеже стоит? Тот самый?— спросила Римма.

— Тот самый...

— Вы что, звонка не слышали? — раздался сзади голос нянечки Ариши.—Маргарита Александровна давно в классе.

Ребята побежали на урок. Едва учительница вызвала к доске Борьку, как с улицы донеслись звуки траурного марша.

— Можно глянуть? — попросил Влас.

Учительница разрешила. Ребята бросились к окнам.

— Смотрите! Гроб на полотенцах несут. Совсем как в цирке было,— тихо сказал кто-то.

— Народищу, народищу сколько!..

— А что это у лилипутов в руках за подушка? Что на ней блестит?

— Как что? Лента с медалями...

— А почему лошадь идет за гробом? Так в цирке полагается?

— Не знаю. Наверное, Нонна ее специально взяла проводить дядю Проню в последний путь. Если бы не он, задушил бы удав Буяна...

— А вон и Сандро...

— Ребята! А где же наш венок? Неужели Сандро так обижен, что не захотел принять венок от школы?

— Может, мы просмотрели...

Процессия прошла на кладбище.

После похорон Сандро с дядей Донатом вернулись в цирк. От неожиданности Сандро замер на пороге гардеробной.

На стене, рядом с афишей, висел большой венок из живых осенних цветов. На черной ленте было написано: «ДЯДЯ ПРОНЯ ВОНАВИ, ПРОЩАЙ. ТЫ БЫЛ БОЛЬШОЙ ЧЕЛОВЕК И АРТИСТ. Ученики 5-й школы города Пореченска».

— Прости, Шурка. Это я виноват,— сказал дядя Донат.— Забыл в суматохе. А ты что же? Не видел его?

— Я в гардеробный не заходил. Не видел,— глухо сказал Сандро.— Пойдем. Назад на кладбище. Нехорошо получился. Венок класть...

— Куда ты сейчас пойдешь? — сказал дядя Донат.— Ты в зеркало на себя глянь! На кого похож стал? Сколько суток не спишь...

— Нечего мне в зеркало смотреть. Надо идти, да?

— Ладно, пойдем. Только ты приляг, хоть на пять минут.

— Только на пять минут... И пойдем....

Но едва Сандро прикоснулся головой к подушке, как глубокий сон свалил его. Дядя Донат осторожно снял с мальчика туфли, бережно укрыл мохнатым халатом и на цыпочках вышел из гардеробной.

Сандро спал спокойно, без сновидений.

Сумерки затушевали предметы в комнате. Из-за туч выглянула луна. На стене гардеробной отчеканилась тень оконной рамы. Сандро проснулся. Рядом, в паноптикуме, раздавались голоса.

— Вот Наполеон, о котором я вам говорил.— Сандро узнал голос Глеба Андреевича.

«Сколько же времени я спал? — подумал мальчик.— И кому это Глеб Андреевич решил ночью паноптикум показывать?»

Сандро заглянул в щелку. Рядом с Глебом Андреевичем стоял человек в высоких хромовых сапогах и разглядывал куклу Наполеона.

— Ну, что скажете? — спросил Глеб Андреевич.

— Отличная вещица, но, боюсь, будет чересчур натурально.

— Ничего не натурально. Скомбинирую. А человек ваш не подведет?

— Человек мой уже все сделал. Сегодня вечером.

— Один?

— Нет, ваши мальчонки подсобили... А здесь не опасно будет работать? Ведь у вас в цирке, как я погляжу, двор проходной...

— А что вы можете предложить?

— Церковь нашу. Здание старинное, и две потайные комнатки имеются, да такие, что не отыщет ни одна собака...

— А в них светло? Ведь работа тонкая...

— И темная и светлая есть. В первой — окно внутрь храма, во второй, что повыше,— на площадь. Окна, правда, незастекленные, но если понадобится, и застеклить можно. Денег на это не жалко. Только сделать надо все хорошо. И быстро.

— Все в порядке будет. Только за Наполеона придется приплатить отдельно.

«При чем тут Наполеон? Ничего не понимаю»,— думал Сандро.

— Вы сказали, у вас в церкви есть хорошие тайники?

— Отличные. А что?

— Откровенность за откровенность. Тайну за тайну.

— Пожалуйста, говорите.

— Нельзя ли на время спрятать в вашей церкви один ящик?

— А с чем ящик-то?

— Не с краденым товаром, не бойтесь...

— А по мне хоть с краденым! Но этого без священника не решить. Я поговорю с ним.

«Удава припрятать в церкви хочет,— догадался Сандро.— Поимка решил затеять. Вот арап! Интересно, какой поимка будет? Городской или междугородный?»

— Не от меня зависит, повторяю... Но, думаю, разрешит батюшка.

Сандро, боясь пошевельнуться, слушал этот ночной разговор.

— А вы что, не работали сегодня? В субботу-то?

— Нет. Из-за похорон этих, будь они неладны! И черт его дернул умереть не вовремя!

Сандро еле удержался, чтобы не закричать.

Спустя двадцать минут Сергей Михайлович вышел из цирка и направился к отцу Никодиму. Войдя в сад, староста поднялся на крыльцо и тихонько постучал. Появился отец Никодим.

— Это вы? Проходите.

— Да нет, чего же будем весь дом поднимать? Дела хорошие. Очень хорошие, слава господу! Предмет в комнате уже. Голову я смотрел. Подходящая.

— Ну, слава богу!

— Он просит у нас ящик какой-то схоронить.

— Пусть припрячет. А когда работать начнет?

— Сегодня ночью. Фома его впустит.

— Ну, слава господу!

Священник и староста распрощались.

Первые солнечные лучи ворвались в маленькое окошечко гардеробной и ярко осветили стену, на которой висел забытый школьный венок.

Если бы Сандро проснулся сейчас и глянул, но не на стену, где висел венок, а в зеркало, то узнал бы то, чего так и не узнал до последних дней жизни....

В зеркале отражался школьный венок. В солнечном свете ярко сверкали белые буквы надписи, выведенные на черном крепе каллиграфическим почерком Леши Косилова. Фамилия Вонави отражалась в зеркале и читалась наоборот — **ИВАНОВ.**

Что же случилось потом? Как сложилась дальнейшая судьба Борьки, Сандро и других героев этой повести? Что за таинственные истории затеваются в церкви? Ответ на все эти вопросы вы сможете получить очень скоро. Повесть Александра Борисовича Аронова скоро полностью выходит в Детгизе.

Прочитав ее, вы узнаете, как пионеры разоблачили церковников, задумавших открыть «чудотворные мощи» и одурачить этим «чудом» простодушных людей; узнаете, как погиб из-за собственной жадности помощник владельца цирка и как совсем новая полоса жизни началась для Сандро, Нонны, дяди Доната и других артистов, перешедших теперь на работу в Государственный цирк.

Секретно и несекретно



КТО ЖЕ ПРАВ?



У меня была лучшая подруга, а теперь она «топит» меня. Меня выбрали, как хорошую ученицу, председателем совета отряда. Многие пионеры были за то, чтобы я была председателем, а она против. У нее спрашивают, почему она против, а она отвечает:

— Почему ее выбирают всегда?

А я считаю, что она не права. Председателем совета отряда выбирают самых лучших учеников, активных, вежливых.

Кто же прав?

С пионерским приветом Валя.

Тульская область.

Не права ты, Валя. А подруга твоя выступила верно. Разве у вас в отряде нет больше «активных и вежливых» и больше выбирать некого? У коммунистов и комсомольцев теперь такой порядок: нельзя, чтобы все время секретарем организации работал один и тот же человек. Во-первых, он устает, во-вторых, надо и другим дать возможность проявить себя, попробовать свои силы.

И пионеры стараются поступать так же. Что же это получится, если в совете отряда, в совете дружины из года в год будут одни и те же ребята?

Ты хорошо работала год? Молодец! А теперь пусть поработает другой, а ты при нем будешь вроде комиссара, будешь потихоньку помогать ему в работе. У тебя ведь опыт есть! Если хватит у тебя на это сил, признай, что ты была не права, и помирись с подругой. Так будет лучше.

ТРУДНОЕ ДЕЛО...



Сейчас у нас в школе есть кружки: волейбольный, баскетбольный, футбольный, а больше нет никаких. Наш учитель по физике уехал. И теперь некому вести фотокружок. Говорили, что будет кинокружок, а его нет. Сейчас у нас много хороших учителей: по истории, по физике, по физкультуре и по пению.

Мы просим создать кружок радио, а учитель говорит, что ему некогда. А со скольких лет поступают в морское училище?

Пришлите скорее ответ.

С пионерским приветом Роман Гиясов.

Рудник Кан,
Ошская область.

Здравствуй, Роман!

Дело трудное. Самим ребятам, без взрослых, кружки ни за что не создать. Надо вам разыскивать себе руководителей. Попробуйте-ка сходить на рудник в комитет комсомола. Среди комсомольцев наверняка есть люди, которые могут вести интересные кружки. Покажите в комитете этот номер журнала и скажите, что Центральный Комитет комсомола обязал всех комсомольцев заботиться о пионерах. А если ничего у вас не выйдет, отрядите экспедицию в райком комсомола, и там вам помогут обязательно.

В мореходное училище можно поступать только после окончания одиннадцати классов. Еще долго учиться, дружок!

С пионерским приветом
вожатый Сима Соловьев.

ПИОНЕРСКИЕ ИЗВЕСТИЯ

№ 25 ДЕКАБРЬ 1962

В 23-м номере нашей газеты Лена Гащук рассказывала о том, как строится ее город Находка, и просила, чтобы другие ребята написали о своих городах, поселках, селах. Мы хотели, чтобы сегодня, в канун Нового года, вы прочитали ответы ребят Лене о том, как изменяется наша страна и хорошеет от года к году.



ПРЯМО В ТАЙГЕ

Я живу в маленьком таежном поселке на берегу горной речки. Здесь много геологов, и все вокруг строится. Недавно мы переехали в новый дом на самом краю поселка — дальше тайга,— а в этом году здесь начали работу бульдозеры и канавокопатели. Строят новую двухэтажную школу: наша уже мала, хотя построили ее в тот год, когда я пошла в первый класс.

Скоро наш маленький поселок станет городом.

Лена Кладова, ученица 6-го класса.

Поселок Чульман, ЯАССР.



ГОРОД-САД

Наш город существовал еще при Петре I. Но выглядит он вполне современно. За последние годы у нас построили самую крупную в СССР Липецкую Магнитку, вступила в строй доменная печь, выросли новые дома. У нас нет такой улицы, на которой не было бы деревьев. А школа за деревьями совсем не заметна, только еле-еле проглядывает из-за тополей.

Нина Незамолкина

г. Липецк.

*

Раньше на нашем доме висел номер 2. Но город наш растет, и наш дом стал уже номером 17, а не 2.

Оля Чемякина

г. Дегтярск, Свердловская область.

*

Наш город расположен в котловане, и его со всех сторон окружают горы. Из окон нашего дома раньше было видно озеро, а теперь строят большой дом, и озеро видно все меньше и меньше.

Елена Смеричинская, Наташа Власова

г. Чита.

ЧЕТВЕРТОЕ КИНО

Я и мои друзья тоже любим свой родной город. Он старый, но за последние два-три года у нас понастроили много жилых домов и четвертый, широкоэкранный, кинотеатр. А напротив нашей школы выстроили большой детсад. Какие чудесные деревья и цветы посажены вокруг! Очень хорошо будет ребятишкам в этом светлом доме.

Надя Турунцева

г. Кизел.

ОГНИ СИЯЮТ

Я давно живу в Темир-Тау и вижу, как строятся дома и домны. У нас очень чисто и красиво. Вечером, когда выйдешь на проспект Ленина и посмотришь на домну, она вся сияет огнями. Это так красиво! Дорогие ребята, приезжайте к нам, посмотрите сами и подтвердите, что да, это город замечательный.

Ида Вагнер

г. Темир-Тау.



ВОЛЖСКИЕ ЧЕРЕМУШКИ

Лена, я расскажу о самой большой стройке в нашем городе. Она началась в этом году, а сейчас здесь уже живут новоселы. Представь, какое это было место: обыкновенное поле. А теперь — новая трехэтажная школа, ходят по блестящему шоссе автобусы, открылись магазины. Во всех дворах—бассейны, детские площадки. Но это не все, а всего не опишешь. Но это будут настоящие Волжские Черемушки!

Мила Потапова

г. Куйбышев.



Недавно мы получили письмо из газеты «Магаданская правда».

«Расскажите, пожалуйста, всем ребятам о Вове Корякине и его товарищах,— просили нас.— В свободное от учебы время они помогают колхозникам обрабатывать пушнину, а в хорошую погоду ходят к морю охотиться на нерп».

Вова Корякин живет в колхозе «Пионер», Магаданской области, и учится в 6-м классе.



ДОБРЫЕ ХОЗЯЕВА

Хозяева Огородной улицы — так мы назвали Вову Ижоткина и Сашу Чернышова. Они взяли шефство над молодыми саженцами Огородной улицы своего поселка. Каждое деревцо подвязали к колышку, охраняют их от поломок.

пос. Рогачево.

Делами отрядов дружина сильна

Зона нашего отряда находится в центре поселка. Здесь есть библиотека и несколько жилых домов.

В библиотеке мы подклеиваем книги, доставляем их на дом, а в конце месяца проводим санитарный день.

В одном из жилых домов нашей зоны живут пенсионеры Позановы. Наша разведка выяснила, что им нужно распилить дрова. В этот же день мы перепилили все дрова и сложили их.

Еще мы сами починили фонтан.

Валя Демина

г. Артемовск,
школа № 7.

В нашей дружине работает клуб выходного дня. Здесь мы играем, танцуем, смотрим кинофильмы. А организуют работу клуба все отряды по очереди. Это очень интересно.

Валя Пинчук

г. Уссурийск,
школа № 27.

Мы выращиваем шелковичных червей. Очень любим за ними ухаживать. Приносим им листья шелковицы, убираем помещение, где они находятся.

В этом году мы собрали 120 килограммов коконов. Это большая помощь колхозу.

Галя Мансурова

УзССР, Ферганская обл.,
Маргеланский р-н,
дружина 17.

Летом мы помогали колхозу в выращивании кукурузы, своими руками построили школьную мастерскую и отремонтировали школу. Работали все отряды по очереди. Так мы заработали деньги и купили инструменты для духового оркестра.

Алла Качура

Винницкая обл.,
п. Погребище.

Наша дружина открыла воскресный детский сад.

Оля Малышова

Смоленская обл.,
г. Велиж,
школа № 2.

АВАРИЯ ПРЕДОТВРАЩЕНА

Ученики шестого класса 32-й школы Приокского района Коля Тубаков и Слава Иванов, возвращаясь домой в Ройку, увидели, что на станционном пути, по которому двигался маневровый паровоз с вагонами, обломан кусок рельса в стрелочном переводе. Ребята успели сообщить об этом старшим, и состав с вагонами, груженными ценным грузом, был остановлен.



Весь коллектив станции Мыза благодарит ребят.

М. Дейч

Дорогие ребята!

В этом году многие из вас присылали свои заметки, фотографии, стихи и рисунки в «Пионерские известия».

По просьбе «Пионерских известий» редколлегия журнала «Пионер» премировала трех лучших юнкоров:

1. Нину Бриль (г. Томск).
2. Колю Булгакова (г. Москва).
3. Олега Герасимова (г. Горловка).

Эти ребята получают бесплатную подписку на «Пионер» на 1963 год.

Редколлегия «Пионерских известий»

ЗИМНИЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ФУТБОЛЬНОМ ЛЕТЕ

Нынешним летом я увлекался игрой в футбол. Наша команда «Спартак» постоянно сражалась с командой «Динамо». Обе команды — из Нолинского детского санатория. Результаты, конечно, бывали всякие: то они нам «накатают» голов, то мы им. Но главное, мы научились играть, окрепли, закалились в футбольных схватках. Наиболее интересные моменты из жизни ребят-футболистов я фотографировал.



«БОЛЕЛЬЩИКИ». Юрка Гагарин (вот ведь повезло человеку с именем и фамилией!), Гришка Киселев и Витька Окулов залезли для лучшей видимости на баскетбольные ворота, а Генка Шагизиганов только карабкается.



«ВОТ ВРЕТ!..» Центральный нападающий повествует о своих пушечных ударах в ворота противника. На лицах слушателей иронические усмешки: ведь и они были участниками матча.

Юнкор П. Дьяконов

г. Нолинск,
Кировской обл.



ПО ЗАСЛУГАМ И ЧЕСТЬ

Учился в нашей школе Виталий Червяков. Часто доставалось от него ребятам, а ему за это от учителей.

Однажды в шестом классе на уроке зоологии изучали дождевых червей. А мальчишки припрятали себе червей в парты и на перемене стали ими дразнить девочек.

Девочки визжат, а мальчишки довольны.

Две девочки не выдержали и пожаловались учительнице:

— Мария Павловна, червяков — за шиворот!

Ничего не знающая о лабораторной работе Мария Павловна решила, что это Червяков Виталий всех девочек за шиворот трясет. Разыскала она Червякова на перемене и стала его ругать.

У Червякова глаза округлились от удивления.

— Ах, ты еще и отказываешься! — Еще более рассерженная Мария Павловна возмутилась окончательно. — Эти девочки не будут придумывать. Они никогда не обманывают!

От обиды у Виталия, может быть, впервые в жизни, при всех полились слезы.

Что и говорить, досталось Виталию Червякову, пока окончательно не разобрались, в чем тут дело.

Учительница А. И. Вискова

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Галя Кухтенкова, Коля Булгаков, Саша Виленский, Наташа Жидкова, Миша Пятковка.

Ю. НОВИКОВА

Рисунки Э. Булатова.



ТАИНСТВЕННЫЙ ПАССАЖИР



Действие этой маленькой пьески развертывается в двух планах — на сцене и на экране, попеременно. На сцене или на любой площадке, заменяющей сцену, роли исполняют ребята. На экране — тени, вырезанные из бумаги. Тени «участвуют» только в воображаемых, фантастических сценах.

Место действия пьесы — московский аэропорт. Время действия — зимние каникулы.

Действующие лица:

ТОЛЯ — примерно 13 лет
ШУРИК — 10 лет
ЯНА — 9 лет
ОТЕЦ Шурика и Яны
СВЕТА — маленькая девочка (ее может играть первоклассница)
БАБУШКА Светы
КОРРЕСПОНДЕНТ
ДИКТОР — его нет на сцене, слышен только его голос

ТЕНИ:

ТОЛЯ
КАПИТАН пионерского воздушного корабля «ПВ-104»
ТОЛСТАЯ ДЕВОЧКА
ТОНКАЯ ДЕВОЧКА
ЛАЙКА — собака

КАРТИНА ПЕРВАЯ

(На сцене)

Сцена изображает уголок московского аэропорта. Декораций для этого не нужно. Просто на стульях сидят с чемоданами и свертками в руках пять пассажиров, одетых по-зимнему. Шурик, Яна и их отец летят на зимние каникулы в Ленинград. Света и ее бабушка возвращаются в родной Ростов. Рядом со Светой—незанятый стул. В ожидании пассажиры внимательно прислушиваются к словам радиодиктора.

ГОЛОС ДИКТОРА **(в рупор).** Внимание!.. Внимание!

БАБУШКА **(суетливая старушка).** Светочка, вставай! **(Вскакивает.)** Регистрация на Ростов!

ОТЕЦ **(успокоительно).** Рано волнуетесь, гражданка! Еще даже на Ленинград билеты не регистрировали. А мы раньше вашего летим.

ДИКТОР **(продолжает).** Внимание!.. Пассажир Стрельцов, следующий по маршруту 214, срочно явитесь к начальнику аэропорта! Пассажир Стрельцов, вас ждут у начальника аэропорта!

ШУРИК. Яна, слышишь?.. Опять пассажира Стрельцова ищут. Который раз его вызывают, а он хоть бы что!

ЯНА. Прямо какой-то таинственный пассажир!

Входит Толя, мальчик с сильно вздернутым носом. Наушники его меховой шапки-ушанки развязаны, один задорно торчит вверх. В руках у Толи чемоданчик и продолговатый сверток.

ТОЛЯ **(напевает)**. В неизведанные страны,
В глубь небесную морей
Уплывают капитаны
Винтокрылых кораблей...
(К Бабушке, указывая на незанятый стул.) Можно сесть?..

БАБУШКА **(не слушая Толю, она роется в своей сумке)**. И куда он девался?.. Не пойму!..

ТОЛЯ **(повторяет)**. Можно сесть, бабуся?.. Это свободное место?

СВЕТА **(очень вежливо)**. Садитесь, пожалуйста, это совсем свободное место.

БАБУШКА **(с отчаянием)**. Светочка, я потеряла посадочный талон!

СВЕТА **(спокойно)**. Он в платочке, бабушка.

БАБУШКА **(сердито)**. Откуда ему быть в платочке? **(Развертывает носовой платок.)** Верно, в платочке! Вот он, голубчик!.. **(Вздыхает.)** И зачем только эти посадочные талоны людям дают?!

ТОЛЯ. Для порядка, бабуся. **(Рассматривает Бабушкин талон.)** Видите, тут все указано... Время отправления — двадцать часов тридцать минут... Место назначения — Ростов... Хороший город Ростов?

БАБУШКА **(убежденно)**. Лучше не бывает. **(С любопытством.)** А ты куда летишь?

ТОЛЯ. Я? **(Небрежно.)** На Сахалин.

БАБУШКА. На Сахалин?! Зачем же в такую даль?

ТОЛЯ. Отец у меня на Сахалине работает. А я у старшей сестры живу, здесь, в Раменском... К отцу лечу, на каникулы.

БАБУШКА **(она поражена)**. Один?!

ТОЛЯ. Ага!... **(В ответ на удивленные возгласы.)** А чего ж тут такого?.. Завтра буду на Сахалине, прямо под Новый год... Сяду сегодня на «ТУ-104» в двадцать три ноль-ноль...

ШУРИК. В двадцать три?! А сейчас только семь... **(Поправляется.)** Девятнадцать ноль-ноль. Что ж ты на аэропорт так рано приехал?

ТОЛЯ **(смущенно)**. Да все сестра... «Опоздаешь да опоздаешь!» Женщины, они всегда такие... Ну, ничего. **(Улыбается.)** Заскучаю — кино буду смотреть.

ШУРИК. Кино? Да ведь здесь нет кино, в аэропорту!

ТОЛЯ **(загадочно)**. Для кого нет, а для кого есть.

ДИКТОР. Внимание... Пассажиры, следующие на Ленинград! Регистрируйте ваши билеты!

ОТЕЦ. Ну вот, началась наша регистрация. **(Бабушке.)** Теперь и вас пригласят скоро. **(Встает, берет чемодан.)** Шурик, Яна, пошли!

ШУРИК **(заинтригованный словами Толи, он не хочет уходить)**. Папа! Ты иди сдай чемодан. А мы тут посидим со всеми авоськами. **(Покосившись на Толю.)** С ручной кладью.

ОТЕЦ. Пожалуй, правда, так лучше будет. Сидите! **(Уходит с чемоданом.)**

ШУРИК **(к Толе)**. А где оно, это кино твое?

ТОЛЯ. Вот здесь. И вот здесь. **(Показывает на лоб и на глаза.)**

ШУРИК. Чудно что-то... Не понимаю.

ДИКТОР. Внимание! **(Бабушка, занятая очередными поисками, не слушает диктора.)** Пассажиры, следующие на Ростов! Регистрируйте ваши билеты в окошке номер один!

ТОЛЯ. Бабуся! Ростов объявили!

БАБУШКА. Ростов? **(Вскакивает, собирает многочисленные свертки.)** Светочка, пошли. **(Роняет сверток.)** Ох, сразу всего и не унесешь!

СВЕТА. Бабушка, знаешь что: ты иди... а я тут посижу с пакетиками.

БАБУШКА. Одна? Так я тебя и оставила одну!

ТОЛЯ. Как это одна, бабуся? А мы что?..

БАБУШКА. Да ведь вам скоро на посадку идти...

ТОЛЯ. Ну, мне-то, положим, не скоро...

БАБУШКА **(собирает свертки, снова роняет. Минута колебания)**. Слушай, ты, путешественник! Как тебя звать?

ТОЛЯ. Анатолий.

БАБУШКА. Слушай, Толя! Обещаешь до моего прихода беречь ее как зеницу ока? **(Раздельно.)** Как зе-ни-цу! Обещаешь?

ТОЛЯ **(смущенный торжественностью тона)**. Ладно, ладно. Идите, бабуся.

Бабушка уходит, оглядываясь на Свету.

СВЕТА **(принюхиваясь к Толиному свертку)**. Ой, как пахнет хорошо! Это что у тебя — елочка?..

ТОЛЯ. Ага! На Сахалин везу.

ШУРИК. А разве там нет елок?

ТОЛЯ. Может, и есть. Да ведь это наша, раменская. Отцу приятно будет.

СВЕТА. А ты покажешь нам кино?

ШУРИК. Эх ты! Уши развесила. Человек, может, просто так, сболтнул...

ЯНА. И ничего он не сболтнул, ничего не сболтнул! Верно, Толя?

ШУРИК. Да что у него, киноаппарат, что ли, с собой?

ТОЛЯ. Киноаппарат не киноаппарат... **(К Яне.)** Понимаешь, когда мне скучно, я начинаю всякие истории про себя придумывать. А сам зажмурю глаза и вижу все ясно-ясно. Прямо как в кино.

ШУРИК. Ну, это совсем неинтересно!

ЯНА. Погоди, Шурик! **(К Толе.)** А что ты, например, придумываешь?

ТОЛЯ. Ну, например, как будто сижу я вот так же, на аэровокзале. И так же скоро Новый год, и елкой пахнет, и диктор по радио объявляет... И как будто диктор вдруг говорит **(подражает голосу диктора)**: «Пассажир Толя! Вас ждут на аэродроме!»

СВЕТА. А что дальше?

ТОЛЯ. Дальше? Погоди! Сейчас зажмурюсь и скажу, что дальше.

СВЕТА. И я зажмурюсь!

ЯНА. И я!

Ребята зажмуриваются. На сцене темнеет. Начинает светиться экран. Звучит тихая музыка, и голос диктора теперь кажется таинственным.

ДИКТОР. Пассажир Толя! Вас ждут на аэродроме!

КАРТИНА ВТОРАЯ

(На экране)

На экране движется тень мальчика. По курносому носу и лихо поднятому наушнику меховой шапки мы узнаем Толю. В руках у него чемоданчик и сверток с елочкой.

ТОЛЯ-тень **(напевает)**. Уплывают капитаны винтокрылых кораблей...

ДИКТОР. Внимание! Пионерский воздушный корабль «ПВ-104» улетает в фантастическое путешествие! До отправления корабля осталось десять минут!

ТОЛЯ. «ПВ-104»?! Где же он, этот корабль? **(На экране вырисовывается силуэт корабля любой причудливой формы.)** Вот он, «ПВ-104»! **(Рядом с кораблем возникает тень Капитана в фан-**

тастическом шлеме.) А это, должно быть, капитан корабля.

КАПИТАН. Ты не ошибся: я капитан этого корабля. **(Слышится странное стрекотание.)** Слышишь? Мы готовы к полету.

ТОЛЯ. Куда же вы летите? На Луну? **(Над кораблем, вверху, появляется желтый лунный серп.)**

КАПИТАН. Дальше.

ТОЛЯ. На Венеру? На Марс? **(Друг за другом вверху показываются две далекие звездочки.)**

КАПИТАН. Дальше. Еще дальше.

ТОЛЯ. Куда ж дальше?.. Дальше, по-моему, нельзя.

КАПИТАН. Можно... Мы летим не в пространство. Мы летим в будущее.

ТОЛЯ. Вот это да!.. **(Шум, веселые голоса.)** Что это?

КАПИТАН. Это приземлился один из пионерских воздушных кораблей... Видишь, пассажиры расходятся по домам. **(Проходят две девочки: тонкая и толстая.)**

ТОНКАЯ ДЕВОЧКА. А как красиво: наш вымпел на Луне! Просто прелесть.

ТОЛСТАЯ ДЕВОЧКА **(мечтательно)**. Хорошо бы еще одну порцию облачного мороженого!

Уходят.

ТОЛЯ **(к Капитану)**. Они вернулись из будущего?

КАПИТАН. Нет, что ты! Это так, пригородные... С Луны.

ТОЛЯ. С Луны? Мне бы хотелось побывать на Луне... Но еще лучше — слетать с вами в будущее! Только... только я тогда, пожалуй, не успею к папе, на Новый год!

КАПИТАН. Успеешь. Мы, фантастические капитаны, умеем управлять временем!

ТОЛЯ. Вот здорово!.. Значит, я могу лететь с вами! Можно войти к вам на корабль?

КАПИТАН. Что ж, попробуй...

ТОЛЯ. А как туда входят?.. Ага, вот дверца! **(Суетится возле дверцы.)** Сейчас, сейчас откроем... Ой, багаж мешает! **(Ставит чемоданчик, втыкает елочку в снег, и она сразу же превращается в красивое, развесистое дерево.)** Ну вот, теперь руки свободны! **(Дергает дверцу.)** Слушайте, капитан! Дверца-то у вас не открывается!

КАПИТАН. Открывается... только не для всех.

ТОЛЯ **(упавшим голосом)**. А для меня откроется?

КАПИТАН. Не знаю. **(Очень мягко.)** Как ты учился в этом году, Толя?

ТОЛЯ **(неуверенно)**. Н-ничего. **(С гордостью.)** По литературе пятерка! А вот по алгебре... **(Тихо.)** По алгебре тройку схватил...

КАПИТАН **(сочувственно)**. Как же ты это, а?..

ТОЛЯ. Болел. Отстал немного... **(С тревогой.)** Не откроется дверца?

КАПИТАН. Не знаю. Право, не знаю... Понимаешь, аппаратура у нас чувствительная. Примем на борт отстающего — рискуем отстать от времени... Ну, а что хорошего сделал ты в этом году, Толя?

ТОЛЯ. Хорошего? Ну, сестре дома помогал. Не часто, правда. Лайку дрессировал. Собаку мою...

КАПИТАН **(оживляясь)**. Собаку? Неплохо! Покажи, чему ты ее обучил!

ТОЛЯ. Да как же я могу показать? Ведь она дома, далеко!

КАПИТАН. Пустяки! Мы, фантастические капитаны, умеем управлять пространством! **(Ударяет в ладоши.)** Лайка, ко мне!

Собачий лай. На экране Лайка, собака с задорно поднятым ухом, несколько напоминающим наушник Толиной шапки.

ТОЛЯ. Лайка! Лаюшка!.. Здравствуй! **(Лайка дает лапу.)** Поклонись! Как я тебя учил?! **(Лайка кланяется.)** А теперь попляши! Где моя гребенка? **(Играет на гребенке, Лайка танцует вокруг елки.)** А теперь спой! **(Играет мотив своей песенки. Лайка подвывает.)**

КАПИТАН. Недурно!

ТОЛЯ. Это что! Она у меня образованная! Лайка, сколько будет два плюс два? **(Лайка лает четыре раза.)** А дважды два? **(Та же игра.)** Видали, как она у меня математику знает?

КАПИТАН **(с мягкой иронией)**. Да, твоей Лайке тройку не поставишь.

ДИКТОР. Внимание, до отправления пионерского воздушного корабля «ПВ-104» осталось две минуты!

ТОЛЯ. Ой! Всего две минуты!.. Неужели не откроется дверь? **(Дергает дверцу.)** Ага! Поддалась как будто! Нет, опять заело! Лайка, помоги! **(Лайка становится за Толей, вместе они тянут дверцу.)** Еще, еще немножечко!.. Да помогите нам, капитан!

КАПИТАН. Бесполезно. Мы, фантастические капитаны, управляем временем и пространством, но здесь мы ничего не можем поделать. Здесь все зависит только от тебя самого.

ТОЛЯ **(в изнеможении)**. Нет, не открывается дверца! Эх, все пропало!

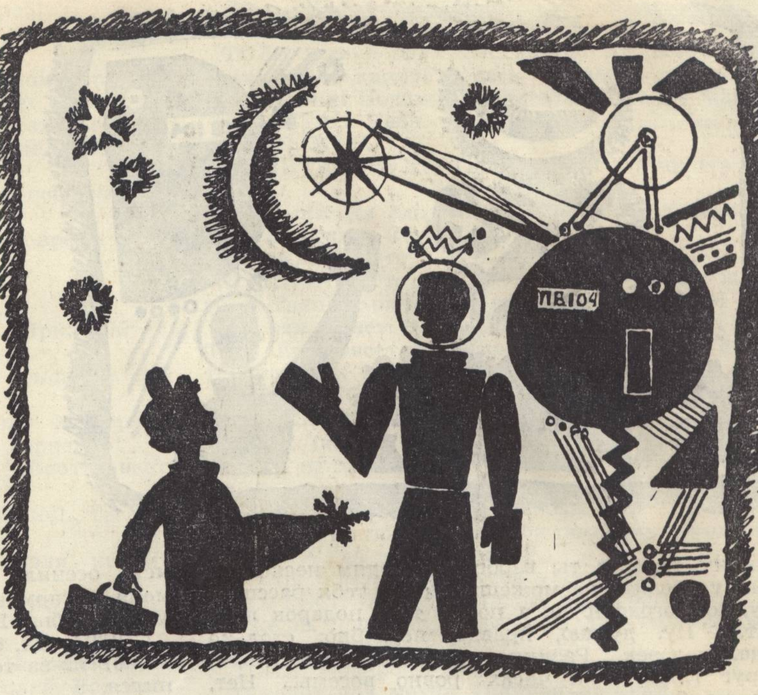
КАПИТАН. Погоди. В твоем распоряжении еще одна минута. Подумай как следует. Вспомни хоть один свой хороший поступок. Хоть самый маленький!

ТОЛЯ **(расхаживает по экрану. Лайка ходит вслед за ним, Капитан исчезает)**. Что же мы с тобой путного сделали за год, а, Лайка? Решительно ничего не приходит на ум! Эх, Лайка, Лайка! Плакало наше с тобой путешествие! Зря



я тебя в честь космической Лайки назвал! **(Шагает.)** Нет, ничего не вспомню! И незачем людей зря задерживать. Капитан! Где вы, капитан?!

ГОЛОС ОТЦА **(со сцены).** А вот и я!.. Вы что, ребята?.. Уснули?



Экран темнеет. На сцене зажигается свет. Толя, Шурик, Яна, Света сидят, зажмурясь. Перед ними стоит Отец.

ОТЕЦ. Уснули вы, что ли, друзья мои?

ЯНА **(открывает глаза).** Ой, папа!.. Ты уже зарегистрировал билеты?

ОТЕЦ. Конечно. Скоро объявят посадку.

СВЕТА. А где моя бабушка?

ОТЕЦ. Разве она еще не приходила?

СВЕТА. Нет, не приходила. **(С тревогой.)** Где моя бабушка?

ТОЛЯ. Да она у окошка номер один. Погоди! Я сейчас взгляну. **(Отходит в сторону.)**

ДИКТОР. Внимание!.. Пассажир Стрельцов! Вас вызывают к начальнику аэропорта!.. Пассажир Стрельцов, следующий по маршруту 214, вас ждет корреспондент газеты!

ШУРИК. А пассажира Стрельцова все нет и нет!

ТОЛЯ **(возвращается к Свете).** Понимаешь, нет твоей бабушки у окошка номер один... Да ты не волнуйся! Может, она в буфет пошла.

СВЕТА **(убежденно).** Моя бабушка не ходит в буфет. **(Со слезами в голосе.)** Пропала моя бабушка!

ЯНА. И что это за день такой!.. Бабушка пропала. Стрельцов пропал.

ТОЛЯ **(насторожившись).** Стрельцов?! Какой Стрельцов?

ШУРИК. Пассажир Стрельцов, следующий по маршруту 214. Не слыхал разве, его по радио все время вызывают? **(Смотрит на Толю.)** Ты что?

ТОЛЯ. Как это что? Да ведь это я и есть пассажир Стрельцов по маршруту 214! Стрельцов моя фамилия, и лечу я по маршруту 214! Это я и есть!

Возгласы удивления.

ШУРИК. Так ты иди скорей к начальнику аэропорта! Там тебя корреспондент дожидается!

ТОЛЯ. Иду... **(Смотрит на Свету.)** А как же с ней быть?

ОТЕЦ. Да мы побудем с ней... До посадки.

ТОЛЯ. А если посадка?

ОТЕЦ. Ну, если бабушка к тому времени не придет, девочку можно поручить дежурному...

СВЕТА **(все ее благоразумие разом соскочило).** Не хочу к дежурному! **(К Толе.)** Не уходи!.. Ты же обещал... Ты сказал моей бабушке, что будешь беречь меня... как эту... как синицу. **(Всхлипывает.)**

ТОЛЯ **(растерянно).** Ну вот. Такая была умная девочка. **(Достает платок.)** Ладно, ладно, не реви... Никуда я не пойду... **(Вытирает Свете глаза.)** Эх ты... синица!

ОТЕЦ. Постой, Анатолий! Десять-то минут мы здесь побудем во всяком случае... Хватит тебе десяти минут?

ТОЛЯ **(обрадованно).** Десять минут?! Ого! Сколько сейчас? Без десяти восемь? В восемь ноль-ноль буду на месте! Слышишь, Светка? Даю слово! **(Убегает, крича на ходу.)** В восемь ноль-ноль!

ШУРИК. Интересно, зачем он корреспонденту понадобился?

ЯНА. А я знаю зачем! Он совершил героический поступок!

ШУРИК. А может, он просто из дому драпанул?

ДИКТОР **(перебивая спор ребят).** Посадка на Ленинград!.. Начинается посадка на Ленинград...

ОТЕЦ. Ну вот, посадка началась, а ни бабушки, ни Толи...

СВЕТА. Не хочу к дежурному!

ЯНА **(видит издали Толю).** Толя! Толя сюда бежит!

ТОЛЯ **(вбегает, запыхавшись).** Не ушли?.. Вот хорошо! Бегом бежал. Прямо задохнулся. Посадка началась! Идите!

ШУРИК. Ты раньше скажи, зачем тебя вызывали.

ЯНА. Что ты такого совершил?

ТОЛЯ. Да ничего. Ничего не совершил.

ОТЕЦ. Так что же? Выходит, ошибка?

ТОЛЯ. Нет, не ошибка. **(Переводит дух.)** Оказывается, я десятитысячный пассажир на Сахалин в этом году, а это принято отмечать... Захожу я к начальнику, а там меня ждет такой очкастый, лейка через плечо, словом, корреспондент. Ну, стал расспрашивать, кто я да зачем на Сахалин лечу... Только я приготовился отвечать — трах! — объявили посадку на Ленинград! Извините, говорю, мне надо идти! Он рассердился: «Я тебя здесь битый час жду, мне давно в ре-



ШУРИК. И подарка не взял?

ТОЛЯ. Как же я мог взять? Ведь мне раньше с корреспондентом поговорить нужно было.

ЯНА. Жалко тебе?

ТОЛЯ. Подарка? Конечно, жалко. Да ведь что было делать?.. Вам пора уходить, бабуси нет...

СВЕТА **(радостно кричит).** Бабушка!

БАБУШКА. Светочка!.. **(Они заключают друг друга в объятия. Убедившись, что внучка цела и невредима, Бабушка обращается к остальным.)** Спасибо вам! А я-то как волновалась! Представьте, подхожу к окошку, подаю все бумажки, а гражданин в окошке говорит: «Где ваш билет? Тут только посадочный талон!» Ищу, ищу, всю сумку обыскала: нет билета. «А где вы его, гражданка, покупали?» «На городской покупала». Пошел он со мной звонить на городскую. Звонил-звонил, и тут вдруг меня осенило. «Не звоните,— говорю,— билет у меня в кармане шубы». И верно: лежит в кармане шубы. Вот он, голубчик!

дакцию пора, а ты взрослым людям несколько минут уделить не можешь! Вот я тебя расспрошу, сфотографирую, а потом тебе подарок вручат...» Ну, думаю, правда, неудобно: столько ждал человек... Разинул рот, чтобы отвечать, и вдруг гляжу — на часах ровно восемь... Нет, говорю, больше не могу здесь сидеть! У меня ребенок. И ходу.

СВЕТА. Эх, бабушка! А вот он **(показывает на Толю)** из-за тебя подарка не взял... Сюда торопился.

БАБУШКА. Фу ты, неприятность какая! **(К Толе.)** Да ты беги сейчас за подарком!

НА ЧЕМ ДЕРЖИТСЯ

Н. ЦЕЛИКОВ, художник Московского теневого театра

Когда ребята спрашивают меня: «Как поставить теневой спектакль?» — они, вероятно, и не подозревают, что такой же вопрос задаем себе и мы, профессионалы, перед каждой новой работой. «Как поставить пьесу?» — думает режиссер. «Как сделать кукол и декорации?»—ломаю себе голову я, художник... Теневой театр, хоть это и старейший из видов искусства, таит в себе неисчерпаемые возможности. Каждая новая постановка для нас — путь к находкам и открытиям.

«Но ведь мы спрашиваем о другом! — может быть, возразите вы.— Мы хотим сделать самый обыкновенный школьный теневой театр. Без всяких там открытий...»

Ну, если вы и вправду так думаете, то нам с вами попросту не о чем говорить. Какой же это театр без открытий?.. Такой театр не нужен ни взрослым, ни ребятам.

Чтобы теневой театр стал театром, необходимо вот что:

1. **Экран.** Сделать его несложно. Туго натяните обыкновенную простыню на подрамник или прямо на дверной проем, и экран готов.

2. **Свет.** Это матовые электрические лампочки. Свет должен быть как раз над головой кукловода, чтобы актер-кукловод не был виден зрителю сквозь экран.

3. **Куклы.** В театре теней они не объемные, а плоские. Проще всего вырезать их из плотной бумаги или картона.

Чтобы кукла могла совершать движения, нужно расчленить ее на отдельные части, скрепив их между собой ниткой. Знаете, как сделаны картонные плясуны?.. Вот примерно так.

Водить куклу удобнее всего «китайским способом», плотно прижимая ее к экрану. Управляют ею с помощью перпендикулярной палочки-держалки, прикрепленной обычно к голове или к шее куклы.

«Тень» при желании может стать и цветной. Для этого куклу надо раскрасить акварельными красками и промазать вазелиновым маслом.

О том, как сделать экран, как наладить свет, как водить кукол, вы можете подробней прочитать в популярных книжках. Достаньте книгу Федотова «Теневой театр», там сказано, как овладеть простейшей техникой.

Но нигде не сказано, как овладеть самым важным, тем, на чем держится всякий театр да и вообще искусство. Я имею в виду выдумку, фантазию, то есть творчество.

Никто не сможет объяснить вам, как сделать куклу смешной или страшной. Это уж зависит целиком от вас. Могу только посоветовать: не старайтесь, чтоб ваша теневая кукла в точности походила на человека, чтобы она двигалась «как в жизни». Ничего из этого не получится, да оно и не нужно.

Вся прелесть «тени» в том, что она заостряет, усиливает особенности характера. Поэтому «тень» особенно хороша в сказке или в сатире, например, в школьном теневом юмористическом журнале...

ШУРИК. Правда, Толя, беги скорей!

ТОЛЯ. Бегу! **(После паузы.)** Нет, не пойду я.

ОТЕЦ. Это почему же?

ТОЛЯ. Неудобно... С корреспондентом я разговаривать не стал?.. Не стал! Он, может, из-за меня даже опоздал в редакцию... А тут, здравствуйте, пожалуйста, являюсь за подарком... Нехорошо как-то...

ДИКТОР. Внимание! Начинается посадка на Ростов!

ТОЛЯ. Молодец, бабуся!.. Как раз вовремя вернулись. Идите на аэродром! Пора!

ОТЕЦ. А нам и подавно.

(Все встают. Прощаются с Толей.)

БАБУШКА. Спасибо, голубчик... Прилетай к нам в Ростов! Не пожалеешь!

ТОЛЯ. Прилечу! До свидания! До свидания, синица! **(Света целует Толю.)**

ЯНА. Приходи к нам в гости, Толя! Мы сразу же после каникул домой в Москву вернемся!

ШУРИК. Вот наш адрес, держи. **(Протягивает Толе бумажку.)**

ОТЕЦ. Верно, заходи к нам, Анатолий!.. Ты ничего парень! **(Жмет Толе руку.)**

(Все направляются к выходу. Толя кричит вслед.)

ТОЛЯ. Приду! Ко всем приду! Счастливого воздушного пути!

(Возвращается, садится на стул. На сцене темнеет.) Вот ты и остался один, Анатолий. Все улетели. И воздушный пионерский корабль тоже улетел... **(Совсем темнеет. Освещается экран. Мы слышим знакомое стрекотание. На экране — корабль «ПВ-104», рядом, под елью, посаженной Толей,— Капитан, в небе луна и звезды.)**

ТОЛЯ **(удивленно)**. Смотри ты! Корабль-то еще на месте. И капитан здесь. **(Кричит со сцены.)** Эй, капитан! Почему не улетели? Кого вы ждете?

КАПИТАН. Тебя.

ТОЛЯ. Меня?

КАПИТАН. Ну да. Ты, оказывается, ничего парень!

(Музыка. На елку, покружившись, опускаются луна и звезды. Стук.)

ТОЛЯ. Что это?.. Что это стукнуло?

КАПИТАН. Это дверца открылась. Мы ждем тебя, Толя! **(Кричит.)** Толя! Толя Стрельцов!

(Экран гаснет. Освещается сцена. На стуле спит Толя. Его трясет за плечо человек в очках, с фотоаппаратом — Корреспондент.)

КОРРЕСПОНДЕНТ. Толя! Толя Стрельцов! Проснись!.. Крепко заснул!

ТОЛЯ **(вскакивает)**. Что?.. Уже посадка?! А-а, это вы, из газеты?.. Вы разве не уехали в редакцию?

КОРРЕСПОНДЕНТ. Нет, позвонил, что задержусь еще на полчаса. Я тебя по всему аэродрому искал... А где твой ребенок?

ТОЛЯ. Улетел. В Ростов улетел!

КОРРЕСПОНДЕНТ. Ладно, по дороге все расскажешь. Пошли к начальнику, там тебе подарок вручат... Пошли!

ТОЛЯ. Подарок? Пошли! Еще как пошли!

(Уходят под мотив Толиной песенки.)

КОНЕЦ.

ТЕАТР

Движение — это тоже один из способов подчеркнуть характер. У теневой, черной куклы огромные возможности. Черный человечек может, например, на глазах у зрителя внезапно вытянуть шею. Бармалей в нашем спектакле вдруг выставляет большущую ногу. Все это и забавно и выразительно, если только соответствует характеру героя.

На этой странице мы помещаем эскизы кукол из пьесы «Доктор Айболит» — нового спектакля нашего Московского теневого театра. В пьесу введены и другие персонажи Чуковского. Перед вами Федора и Лисичка. У Федоры, как видите, два профиля. Вращаясь, они появляются то справа, то слева, и Федора как бы вертит головой. А у Лисички все движение в лапах и хвосте, состоящих из мелких чешуек, что придает им большую гибкость.



Это Лисичка и Федора. Обратите внимание, как устроены руки, ноги и голова Федоры.

Мы помещаем эти эскизы не затем, чтобы вы их копировали. Но может случиться, они дадут толчок вашей фантазии, а она у вас богаче, чем у нас, взрослых. Мне не раз приходилось видеть кукол, сделанных ребятами так выразительно, что только диву даешься.

Движение кукол можно бесконечно разнообразить. Здесь на помощь юному художнику должен прийти юный техник, механик. Вместе вы можете сделать замечательных теневых кукол.

Придумывайте, ребята!.. Изобретайте, творите!.. Только тогда ваш теневой театр будет интересен и вам и вашим друзьям — зрителям!

Почему и отчего

Газеты твоих друзей



У пионеров нашей страны много своих газет и журналов. А как у пионеров других стран? Есть ли у них тоже газеты и журналы? До свидания! Жду ответа.

Нина Кошкина

Деревня Слободка,
Пермская область.

Свои газеты и журналы есть у пионеров во многих странах. И, конечно, прежде всего там, где власть принадлежит народу: в странах социализма.

У пионеров Германской Демократической Республики выходит газета «Троммель», что значит «Барабан», и журнал «Ракета». У пионеров Чехословацкой Социалистической Республики — журнал «Пионер». В Румынской Народной Республике — журнал «Кравата роша», то есть «Красный галстук».



В Польше для пионеров (они называются харцерами) выходит газета «Свят млодых», а журналов у польских ребят несколько. Есть свои журналы у болгарских, венгерских, вьетнамских, китайских, корейских, монгольских пионеров.

Есть они и в некоторых капиталистических странах. Например, в Финляндии, в Италии, во Франции. Только там труднее выпускать пионерские журналы: нет для этого средств, государство не помогает редакциям, и даже распространять журнал чаще всего приходится самим ребятам.

Вот почему у французских пионеров, например, совсем тоненький журнальчик, больше похожий на газету. В нем не 80 страниц, как в вашем «Пионере», а всего двенадцать. Называется этот журнал «Вайян» — это значит «Отважный», потому что вайянами называются и сами французские пионеры.

К. Кондратенко

Заглянув в даль времен...



Если правда, что Солнце остынет и погаснет, то как же тогда будет жить человечество?

Ученик 7-го класса Виктор Винник

Поселок Малый Анзас, Хакасия.

Что Солнце остывает, это правда. Но знаешь ли ты, Витя, как медленно? Ученые высчитали, что через 150 миллиардов лет Солнце будет давать тепла лишь на одну сотую долю меньше, чем сейчас. А то время, когда солнечное излучение уменьшится настолько, чтобы это отразилось на жизни нашей планеты, наступит еще во много раз позднее.

Теперь давай-ка попробуем представить себе, что же значит 150 миллиардов лет. Земля существует всего около пяти миллиардов лет. Жизнь на Земле существует около двух миллиардов лет. И ЛИШЬ ДВЕСТИ ТЫСЯЧ ЛЕТ СУЩЕСТВУЮТ НА ЗЕМЛЕ ЛЮДИ. За этот крохотный по сравнению с возрастом Земли срок человеческая культура прошла путь от кремневого топора до космической ракеты, от пещерного костра до атомных электростанций.

Чем дальше, тем быстрее развивается наука и техника. В наше время даже специалистам трудно уследить за всеми открытиями и изобретениями. При коммунизме наука будет развиваться еще быстрее. Знания людей возрастут безгранично, а с ними и смелость мысли, и изобретательность, и умение. 150 миллиардов лет! Задолго до того, как Солнце начнет заметно остывать, люди научатся зажигать искусственные солнца или научатся лучше использовать естественную солнечную энергию, не давая ей бесполезно рассеиваться в пространстве. А может быть, они откроют новые источники энергии, о которых в наше время ученые еще и не подозревают? Мы даже не можем вполне ясно представить себе, какими знающими, мудрыми и могущественными будут люди через десяток миллиардов лет!

Так что, мне кажется, неправы те, кто думает, будто жизнь на Земле угаснет, когда Солнце станет остывать. Конечно, жизнь не могла возникнуть и развиваться без Солнца. Но, возникнув, она достигла своей высшей формы — разумных существ. Человеческий разум сильнее слепых сил природы, и люди будущего вряд ли допустят, чтобы жизнь на родной планете угасла вместе с Солнцем. Они обязательно придумают что-нибудь такое, чтобы этого не случилось.

Инна Канавец,
студентка физического факультета МГУ



Пловец поневоле

Плавают ли зайцы? Учительница зоологии мне ответила, что не плавают, а в книге Д. Красильникова написано: «Мы спиннинговали. Погода холодная, на полукилометровой реке высокие волны. Лайка выгнала на берег белячка. Он уже переплывал реку...»

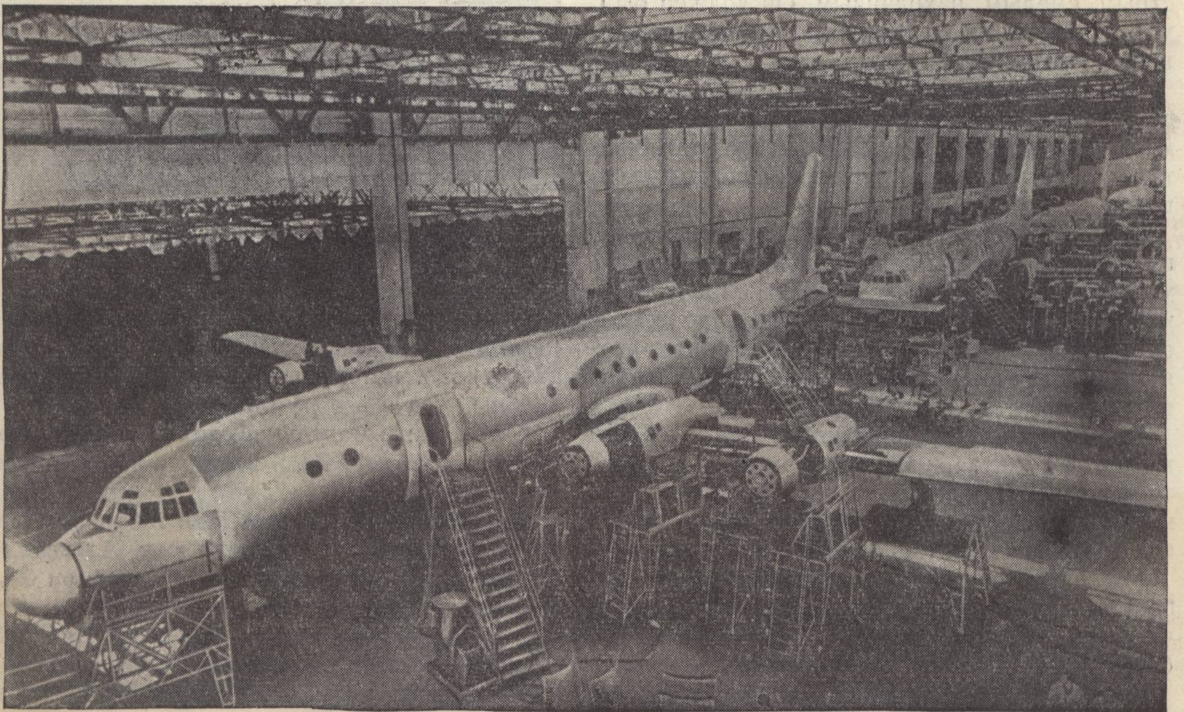
Нина Грибова
Поселок Урман-Тай, Башкирская АССР.

Нина, если бы у тебя спросили, плавают ли кошки, ты бы как ответила? Наверное, ответила бы, что не плавают. И была бы права, потому что в обычных условиях кошки не плавают. То же можно сказать и о зайцах. Заяц просто так, для удовольствия не полезет в воду. Но в минуту смертельной опасности, когда его преследуют охотники, когда за ним гонится лиса или огонь лесного пожара, заяц спасается вплавь.

Правда, пловец он неважный и может переплыть лишь неширокую речку, а если река большая, у зайца не хватает сил доплыть до противоположного берега, и он погибает.

Как видишь, в том, что сказала тебе учительница, и в том, что ты прочитала в книге, нет противоречия. Ведь в отрывке, который ты приводишь, сказано, что «лайка выгнала белячка». Следовательно, он как раз и спасался от преследования.

Биолог С. Ошанин





Узнаете? Ну, конечно, это «ИЛ-18», прославленный турбовинтовой воздушный лайнер. Только он пока не на аэродроме, а в сборочном цехе авиационного завода. «ИЛ-18» успешно курсирует по трассам Советского Союза и авиалиниям, связывающим Москву со столицами многих государств. Лайнер вмещает от 73 до 111 пассажиров, летает на высоте 8—10 тысяч метров со скоростью 625—650 километров в час.

Известный конструктор Сергей Владимирович Ильюшин, создавший «ИЛ-18»,— автор не одного десятка моделей самолетов. Недавно под его руководством сконструирован новый замечательный многоместный пассажирский самолет — «ИЛ-62».

Фото Ю. Королева.

Как я не смог уйти из кино

Мальчишки, наверное, все одинаковые. Мне очень хотелось скакать на лошади, быстро бегать, глубоко нырять. Мне хотелось сражаться за справедливость.

Я рос в очень интересное время. Тогда люди впервые высадились на Северный полюс, поднялись в стратосферу. Когда я был мальчишкой, на нашу страну нападали враги и наша страна их побеждала.

Мы, тогдашние мальчишки, не могли участвовать в этих событиях. О многих из них нам рассказывало кино, и, может быть, поэтому мне так хотелось самому попасть на экран.

И вот однажды в саду «Эрмитаж», рядом с которым я жил, меня остановила незнакомая женщина. Она пригласила меня на киностудию, где должна была сниматься картина «Дети капитана Гранта».

Туда позвали около двадцати мальчиков, а роль была одна — Роберт Грант.

Роберт Грант был ловким, сильным, быстрым, смелым, находчивым. Он должен был уметь скакать на лошади и лазить по веревочной лестнице.

Все двадцать мальчишек старались изо всех сил. Постепенно нас становилось все меньше и меньше. Один не выдерживал света кинопрожекторов, другой боялся забраться в седло.

Я тоже никогда не ездил на лошади, но когда ко мне подвели коня, которого одолжили у милиции, я так крепко вцепился в гриву, что даже на быстром скаку сумел удержаться в седле. Наверное, добрый конь понял, что я очень хочу сниматься, и сам старался меня не уронить.

Все свободное время я читал книгу «Дети капитана Гранта» и мог рассказывать ее почти наизусть. Даже в школе по географии у меня появились хорошие отметки: ведь в книжке рассказывается про путешествия.

Когда мне наконец сказали, что на роль Роберта Гранта выбрали меня, мне показалось, что я уже готовый артист. Но как до этого было далеко!

Попробуйте-ка произнести слова из какой-нибудь пьесы, чтобы они прозвучали, как в жизни! Попробуйте-ка рассмеяться, чтобы зрителям стало весело!

А потом еще оказалось, что Роберт должен не просто скакать на лошади, но и удирать от погони, взбираться на вершину мачты да к тому же петь веселую песню, прыгать с горящего дерева в бушующее море. И еще... готовить уроки, потому что во всех школах шел учебный год и все ребята учились.



Яша Сегель в роли Роберта Гранта в фильме «Дети капитана Гранта».

Актер, даже маленький, должен очень много знать и уметь. Ведь все должно быть, как в жизни.

Мне помогали мои взрослые товарищи. Известный советский кинорежиссер Александр Птушко учил меня ездить на лошади, он был когда-то солдатом в Конной армии Буденного. Народный артист Советского Союза Николай Черкасов занимался со мной, чтобы все, что я буду делать на экране, было естественным и живым.

Я читал книги про путешествия, чтобы знать, как должен вести себя человек в разных странах. Ведь Роберт Грант должен обойти весь земной шар по 37-й параллели.

Нам пришлось много путешествовать со съемочной группой. Оказалось, что в нашей

огромной стране есть и животные, и растения, и пейзажи, похожие на те места, по которым пришлось пробираться героям книги «Дети капитана Гранта».

Мы увидели настоящих страусов, и не в зоопарке, а на свободе. Эти огромные птицы разгуливали, как у себя дома, по полям украинского заповедника Аскания-Нова. В столовой нас накормили яичницей из страусиного яйца. Одного яйца хватило на семь человек.

Нам пришлось скакать на лошадях вместе со стадом лам, как будто удирая от погони. Эти милые животные имеют нехорошие привычки: когда они чем-нибудь рассержены, они начинают плеваться.

Навстречу нам из зарослей камыша выходили павлины и распускали свои сказочные хвосты, похожие на радугу. Полосатые зебры подходили к нам вплотную и брали сахар прямо с ладошек.

Мы старались не приближаться к особой породе стройных антилоп. У этих изящных животных такие острые рога, что на кончики их служащие заповедника надели металлические шарики, чтобы рога не очень кололись.

И все это мы увидели только на Украине, в заповеднике Аскания-Нова.

Во время войны я с печалью узнал, что фашисты уничтожили почти всех животных. А вот недавно я снова побывал в Аскании-Нова и обрадовался: по степи гуляют ламы, пасутся зубро-бизоны, павлины распускают хвосты и полосатые зебры играют вместе с коренастыми лошадками Пржевальского.

А потом мы побывали на Кавказе. По дикому Тихтингенскому ущелью нас вел опытный альпинист Аделунг. Он играл в нашей картине роль патагонца Талькава. Мы попали в места, удивительно похожие на Южноамериканские Кордильеры.

Наша экспедиция прошла альпийские луга и остановилась на границе вечных снегов.

Над нами высилась неприступная вершина Тихтингена, парили орлы, а рядом, из-под скалы, бил источник самого настоящего колючего нарзана — пей, сколько хочешь.

Покинув Кавказ — Кордильеры, мы отправились на парусной яхте «Вега», которая должна была изображать «Дункан», через Черное море, которое должно было изображать Великий, или Тихий, океан.

Мы уже сняли все, что нам было нужно, а берега все не было видно.

Наступил полный штиль.

Сначала мы обрадовались, купались целыми днями, загорали, а потом приуныли, потому что продукты и вода подходили к концу. А ведь морскую соленую воду не станешь пить. Но матросы «Веги», оказывается, умели опреснять морскую воду. Затем началась охота на дельфинов. Должен вам сказать, что я с детства не любил рыбьего жира, а тут уплетал жареное дельфинье мясо с большим аппетитом, хотя оно и пахло, как сто ложек рыбьего жира сразу.

С юга мы поехали на северо-запад нашей страны, в Карелию. Снимались у знаменитого водопада Кивач. Холода были такие, что стремительно падающие струи воды замерзали в воздухе.

Я и сейчас с удовольствием вспоминаю те времена. Тогда я полюбил путешествовать и, когда удается, делаю это и сейчас, потому что самое большое счастье для человека — узнавать мир, знакомиться с новыми людьми.

Правда, мне было очень трудно тогда, так трудно, что, когда картину кончили, я решил больше никогда не иметь дело с кино.

Прошло много лет. За это время я окончил школу, ушел на войну, был парашютистом.

Побывал с нашей армией в дальних странах. Узнал настоящую дружбу, испытал голод, видел смерть и радость победы. А когда вылечился после ранений и вернулся из госпиталя домой, твердо решил: пойду учиться в Институт кинематографии, стану кинорежиссером и расскажу людям про все, что знаю, люблю и ненавижу, расскажу про друзей и врагов, про все, что повидал на белом свете.

И вот я режиссер.

Свой первый фильм «Это начиналось так» мы снимали о целине. Для этого мы поехали на целину, узнали много новых людей, узнали, как нелегко добывается хлеб, который мы едим, и мне было интересно рассказать всем о том, что мы там увидели.

А потом была картина «Дом, в котором я живу» — о войне. Мы рассказывали тут о своем поколении. Нам хотелось, чтобы зритель полюбил это поколение. И мы вспомнили десятки своих товарищей, и тех, кто жив, и тех, кто погиб на фронте.

И так у каждого кинематографиста: с каждой новой картиной — новые события, новые люди, новые знания.

Я очень рад, что я кинорежиссер. Наверное, так же рад доктор, который лечит людей, и сталевар, и капитан, который ведет корабль в дальнее плавание. Я сейчас как раз снимаю фильм про такого капитана. Фильм будет называться «Течет Волга».

**Кинорежиссер
Яков СЕГЕЛЬ**

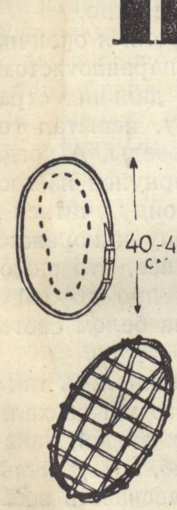


Читая лесную книгу.

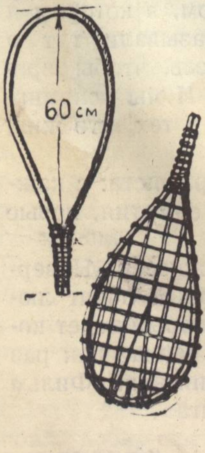


Пошли в поход!

Н. СМИРНОВА



СНЕГОСТУПЫ



Близятся зимние каникулы. Самый разгар зимы! Спасаясь от метелей, от холода и голода, многие звери и зверушки спят в глубоких норах под снежными сугробами. Спит сурок, спит ежик, суслик, барсук, спит косолапый Михайло Топтыгин.

Им, конечно, простительно. Такова их природа. Но что греха таить! Есть и ребята, предпочитающие проводить каникулы в теплых норах — забравшись с ногами на диван, вперив глаза в экран телевизора, уткнув нос в книжку «про шпионов» или про каких-нибудь шестиногих марсиан.

Где же этим ребятам знать, как хорош лес зимой, как весело скрипит снег под туристским ботинком, как хорошо горят щеки и носы от дружеских щипков седого Мороза! Старик ведь только неженок недолюбливает, а к юным туристам относится с уважением. Знает, что эти себя в обиду не дадут, не раскиснут, не расхныкаются.

Так зачем же дело стало? Давайте простимся на время с домашним теплом и пойдем в поход! И захватим с собой тех ребят, что приготовились было к зимней спячке на каникулах.

Пошли, друзья, посмотреть своими глазами большую жизнь нашей страны! Пошли искать и находить новое, неизвестное, открывать, узнавать и исследовать. Пошли испытать в походе свои силы, знания, смекалку, испробовать интересную, богатую впечатлениями и не всегда легкую жизнь путешественника.

— А вот и нет,— скажет кто-нибудь из ребят.— Мы ходили в поход, и ничего такого не было.

— Что ж, очень возможно,— отвечу я им.— Но разве тут виноват туризм? Скорее всего виноваты вы сами. Интерес, увлекательность, необычность и походная романтика — это вовсе не само собою прилагается к походу.

Хорошо выбранная цель похода — самое главное условие успеха. Что мы хотим увидеть, узнать, сделать в походе, зачем идем? Это надо ясно представлять.

Не менее важно хорошо разработать маршрут. Куда идем, какими дорогами, сколько пройдем километров и за какое время?

Если вы не ходили в походы с самого начала учебного года, используя для этого воскресные дни, первый ваш поход в зимние каникулы должен быть однодневным и не очень дальним: на 10—12 километров. Он научит вас туристскому шагу, поможет выработать нужные навыки для более трудных и длинных путешествий.

Куда и зачем идти?

На свете очень много нового и интересного. Оно везде и повсюду. Однажды в зимнем походе, скользя по первому неглубоко-



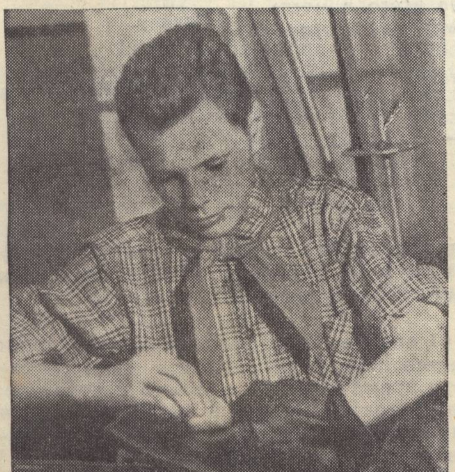
му снегу, мальчик сломал лыжу о камень. Поход только что начался, товарищи ходят на лыжах быстро, а ему как быть? С досады мальчишка пнул камень ногой.

Еще не вмерзший в землю камень перевернулся. Кто-то из ребят поднял его, повертел в руках и заметил круглую, правильной формы дыру. Словом, камень оказался непростым. Это был каменный топор, сделанный древним человеком много тысяч лет назад.

Все знают о юном партизане Саше Чекалине, о его борьбе с фашистами, о геройской гибели. А известно ли вам, что больше всего сведений о Саше, о партизанском отряде «Передовой», в котором он был разведчиком, собрали такие же школьники, как и вы,— туристы московской школы № 643? Пионеры и комсомольцы этой школы совершили не один поход на родину Саши. И вот готовится к открытию музей, в котором весь материал собран руками юных туристов. И будет он открыт в восстановленном из развалин юными туристами доме Саши Чекалина.

Не только исторические события можно изучать в походе.

Наверное, каждому случалось видеть красивые и яркие изделия народных кустарно-художественных артелей? Пестрые деревянные матрешки, вложенные одна в другую, резные ларцы, расписные ложки, ковши, миски.



Смажь ботинки — они не подведут.

Туристы одной из школ разузнали адреса народных артелей, прошли туда походами, увидели, как делаются эти красивые изделия, и из собранных образцов устроили музей народного творчества.

А природа? Проникать в тайны лесов и полей, раскрывать неизведанные богатства... Скажете: что может быть неизведанного под Москвой или в окрестностях Харькова?

А вот, представьте, под Москвой ребята открыли минеральный источник, имеющий лечебную ценность!

Другие пионеры, по неприметным следам разыскивая давно исчезнувшие помещичьи усадьбы, взяли на учет множество редких деревьев, прижившихся в Подмосковье (например, пробковый дуб), и сообщили о них ученым.

Часто ребята говорят:

«Вот бы в Крым поехать, или в тайгу, вообще куда-нибудь подальше: что интересного в близком походе? Мы тут уже сто раз все видели...

Да, видели. Но ведь видеть можно поразному. Вот, например: каждый из вас, вероятно, уверен, что наизусть знает свой дом, который он «сто раз» видел. А ну-ка, не глядя, ответьте: сколько окон в доме, где вы живете? Сколько квартир в вашем подъезде? Есть ли напротив вашего окна фонарный столб? Сколько ступенек у вашего крыльца? Обязательно где-нибудь, да ошибетесь!

Учитесь видеть по-туристски: примечать, запоминать, разбираться во всем увиденном.

Итак, каникулы близки, зимняя природа красива, как в сказке, пойдемте-ка в поход, и все, что недосказано здесь, увидим сами.

Но прежде, чем идти, запомните несколько важных правил.

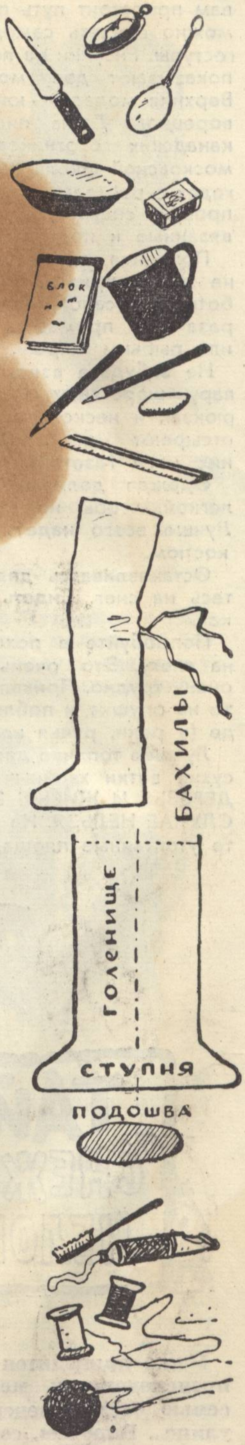
Не идите вслепую. Заранее соберите сведения о тех местах, где пройдет ваш маршрут. Побывайте в местном краеведческом музее, расспросите старожилов и учителей. Они. обычно. хорошо знают свой край.

Туристская группа должна быть числом не более пятнадцати — двадцати человек. Ходите в походы звеньями или берите не весь пионерский отряд сразу!

ПРИ ПЯТНАДЦАТИ ГРАДУСАХ МОРОЗА С ВЕТРОМ В ПОХОД ИДТИ НЕЛЬЗЯ.

Предельное количество километров в однодневном переходе — десять или двенадцать, не больше.

Зимой ходить в походы можно не только на лыжах, но и пешком по санным дорогам и шоссе, по тропинкам, протоптанным от села к селу. А если





вам предстоит путь по снежной целине, можно сделать самодельные лыжи-снегоступы. Рисунки на полях 68-й страницы показывают две модели снегоступов. Верхняя модель — юных туристов Москворецкого Дома пионеров. Нижняя — канадских охотников. Учитель одной московской школы М. А. Денисов в походах с ребятами применяет еще более простые снегоступы: еловые ветки, привязанные к подошвам.

Походная обувь должна плотно, но не тесно прилегать к ноге. Кожаные ботинки и сапоги надо заблаговременно раза три промазать касторкой, салом или рыбьим жиром.

Не забудьте взять в поход запасную пару шерстяных носков. Положите в рюкзак и несколько старых газет! Если отсыреют носки, обертывайте поверх них ноги газетой!

Одежда должна быть свободной и легкой, чтобы не связывать движений. Лучше всего надеть свитер и лыжный костюм.

Останавливаясь для отдыха, не садитесь на снег. Сидеть можно на рюкзаках.

Попробуйте в походе устроить обед на снегу. Это очень интересно и не очень трудно. Привал для обеда устройте на опушке и поближе к питьевой воде (у реки, ручья или родника).

Лучшее топливо для зимнего костра — сухие ветки хвойных деревьев. РУБИТЬ ДЕРЕВЬЯ И ЖИВЫЕ ВЕТКИ НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕЛЬЗЯ. На привале подготовьте утоптанные площадки для трех костров, расположив их треугольником. Посередине треугольника в несколько слоев положите еловый лапник: веточки длиной не больше 50 сантиметров. Положите в ведра с водой продукты, повесьте ведра над кострами. Зажгите костры. А когда они разгорятся, все, кто промок и озяб, забирайтесь внутрь треугольника, на площадку из лапника. Вам будет теплее, чем в комнате. Можно снять отсыревшую обувь, одежду и просушить, пока повара и костровые готовят обед.

Покидая привал, погасите костры, закидав их снегом, а весь мусор уберите!

В пути проверяйте почаще носы, щеки, руки, не обмерзают ли. Следите за носами своих товарищей!

Первые признаки обмораживания: кожа не чувствует или слабо чувствует прикосновения, обмороженное место белеет. При первых признаках растирайте обмороженное место частыми, энергичными движениями, но не надавливайте сильно: обмороженная кожа легко сдирается!

Когда побелевшее место примет нормальный цвет, прикройте его чем-нибудь теплым и до конца пути не открывайте. Вернувшись домой, смажьте обмороженное место жиром (лучше всего салом).

Если идете в поход с ночевкой, устраиваться на ночлег лучше всего в местной школе. Ночевать зимой в лесу нельзя.

В добрый путь, ребята!

На лыжах

Г. Сапгир

Новый год
Все ближе, ближе.
Дед Мороз
Спешит на лыжах:
Две полоски
На снегу.
За Морозкой
Побегу.
Я помчусь за ним
Долиной,
Длинной
Тропкой
Покачу
И с высокого
Трамплина,
Словно планер,
Полечу.





Ниже приводится подробная запись событий, происходивших между пятью часами дня и семью часами вечера во дворе дома № 35/1 по улице... Впрочем, совсем неважно, на какой улице происходили эти события. Важно, что они привели к полной разгадке тайны «снежного человека», и в этом их необыкновенная научная и историческая ценность.

Печатая настоящие заметки, редакция просит не удивляться тому, что автором их является не знаменитый ученый, а самая обыкновенная школьница, ученица 5-го класса «Д» Мая Горошкина. Редакция вообще просит читателей ничему не удивляться и не задавать лишних вопросов. Все в конце концов объяснится.

5 часов 01 минута (что происходило до пяти часов, остается пока невыясненным, хотя, несомненно, в это время случилось что-то интересное. К сожалению, автор заметок Мая Горошкина выглянула в окно лишь в пять часов одну минуту. И вот что она увидела...).

Я выглянула в окно и увидела Сеньку Чукрикова. Он бежал по двору, как угорелый, и размахивал руками. В правой руке у него что-то белело. Сенька побежал к четвертому подъезду и скрылся в дверях.

5 часов 04 минуты. Сенька выбежал из четвертого подъезда и понесся к нашему. В нашу дверь он не скребся, как бывало, а барабанил кулаками.

— Ну, что, землетрясение?? Наводнение? Извержение вулкана? — недовольно спросил его мой брат Витька, потому что Сенька оторвал его от книжки про «снежного человека», а мой брат просто помешан на «снежном человеке».

Сенька почти зашипел:

— Снежный человек! Нет, честно, вот посмотри. Вот тут, во!

И он показал брату вырезку из газеты.

— «СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК В НАШЕМ ГОРОДЕ»,— прочитал Витька.

«Ранним утром постовой милиционер тов. Нечет обнаружил на мостовой следы. Собравшиеся подтвердили, что это следы легендарного «снежного человека». Гр-н С. Ч. связывает пропажу у него галош и зонтика с появлением в городе «снежного человека». Поиски продолжаются».

— Ты представляешь, что это значит? — завопил Сенька...

Уж кто-кто, а мой брат, конечно, сразу представил себе, как он во главе поисковой экспедиции выслеживает «снежного человека», который в галошах гражданина С. Ч. и под его зонтиком скрывается где-нибудь в зарослях городского сада.

Да и Сенька, наверное, представил себе то же самое.

5 часов 18 минут. После небольшого совещания в углу двора мы (поисковая экспедиция под названием «Компас» во главе с известным ученым и отважным путешественником Виктором Горошкиным) выступили на поиски «снежного человека». Члены нашей экспедиции — Сенька Чуприков, братья Трубниковы, Яшка Башмачкин, Мишка Адынин, по прозвищу «Арбуз», и я — успели перед выходом сбегать по домам, чтобы захватить фонарь, бинокль, лупу и прочее снаряжение, а заодно проститься с родными и близкими.

5 часов 21 минута. Не успели мы выйти за ворота родного дома № 35/1, как вдруг Яшка Башмачкин наступил ногой на что-то черное; посмотрели, а там наполовину зарытая в снег галоша. На подкладке удалось разглядеть две буквы: «С. Ч.»,—написанные химическим карандашом. Это была первая находка экспедиции «Компас». Но тут все дело нам испортил Сенька Чуприков.

— Это моя галоша,— сказал он.— С. Ч.— значит Сеня Чуприков. А я-то, дурак, ее в раздевалке искал.

Мы приуныли, а Сенька стал надевать свою галошу.

— Не, не моя,— забормотал он.— Велика... Не галоша, а целый чемодан...

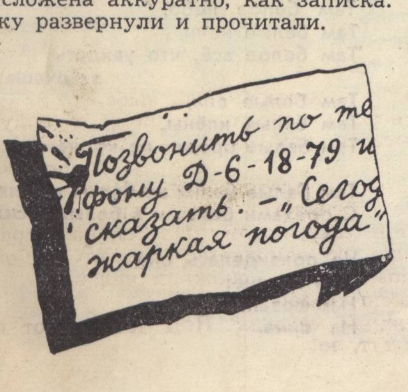
Теперь приуныл Сенька, а ребята выхватили у него из рук галошу и принялись разглядывать ее со всех сторон.

— Тут какая-то бумажка! — закричал Яшка.

— Когда галоша велика, в ней всегда бумажка,— объяснил обстоятельный Арбуз.

— Бумажка совсем новенькая,— заметил Сенька.— И сложена аккуратно, как записка.

Записку развернули и прочитали.





— Это его пароль,— шепотом сказал Арбуз.—Кто-то ждет звонка «снежного человека».

— За мной! — скомандовал начальник экспедиции, и мы бросились на угол к телефону-автомату. Дождавшись очереди, мы втиснулись вшестером в будку. Витька набрал номер.

— Говорите,— послышался в трубке приглушенный бас.

Начальник, судорожно глотнув воздух, произнес слова пароля.

— «Снежный человек», будьте осторожны,— ответила трубка.— За вами следят. Особенно опасна экспедиция Виктора Горошкина. Она действует у вас под носом. Направляйтесь в квадрат ПС, оставляйте на пути ваши знаки. Вы меня поняли?

— Да,— ответил Витька.— Поняли, он действует у нас под носом...

6 часов 00 минут. Ура! Сенька Чуприков нашел на водосточной трубе изображение маленькой белой снежинки и цифру «7». Вторую снежинку нашел сам Виктор Горошкин. Она была нарисована на дверях молочной. Знаки явно вели к кинотеатру «Рассвет». Но вот странное дело: цифры рядом со снежинками были перемешаны, за тройкой следовала единица, потом пятерка, потом вдруг десять, четыре, один. Что бы это могло означать?



6 часов 18 минут. Арбуз догадался: цифры— это ключ к шифру. Надо проследить, где поставлены значки. На телефонной будке — значит «Б», на трубе — «Т». А цифры — порядок букв в зашифрованном письме.

Решили вернуться назад и проверить.

6 часов 23 минуты. Так и есть. Шифровку прочитали! «Рассвета» вас ждет человек белом. Пароль — «Мороз и солнце». Экспедиция со всех ног кинулась к «Рассвету».

В толпе то и дело попадались люди в белом: белые шубы, спортивные куртки и свитеры. Но к кому бы ни подходили члены экспедиции «Компас», все с удивлением смотрели на странных мальчишек, твердивших про мороз и про солнце. Нет, люди в белом не имели к «снежному человеку» никакого отношения. Разве что тетя Настя, мороженщица?

— Здравствуй, тетя Настя,— набравшись храбрости, сказали разом братья Трубниковы.— «Мороз и солнце».

— Как же, как же! — обрадовалась тетя Настя.— День чудесный. А я все жду, когда вы ко мне подойдете. Тут у меня для вас пакет имеется. Гражданин какой-то оставил. Сказал, ребята будут спрашивать.

В пакете была записка. «Надоело мне от вас скрываться. Я в квадрате ПС — пионерском сквере. Вы узнаете меня по зонтику». И подпись: «Снежный человек».

— А какой он был, этот гражданин? — спросил Арбуз.

— Большой такой,— охотно объяснила тетя Настя.— Шапка на глаза надвинута, небритый, страсть.

— Тетя Настя, а сутулость у него была? — хриплым от волнения голосом спросил Арбуз.

— Зонтик был, а больше ничего такого.

Члены экспедиции переглянулись. «Снежный человек»! Как ни в чем не бывало разгуливает по городу. Мы его найдем!

6 часов 30 минут. Наша экспедиция прибыла в пионерский скверик. Мы внимательно осматривали каждого прохожего. Высокого сутулого человека с зонтиком нигде не было. Но вдруг Арбуз толкнул локтем командира. Командир как-то странно взглянул на Арбуза.

— Зонтик!

У садовой скамейки стоял снеговик — снежная баба. Снеговик держал зонтик.

— Снежный человек,— прошептал Витька.— Так вот оно что!..

Когда улеглось волнение, Арбуз заметил в стороне Аню Самохвалову. И тут наша экспедиция пришла к окончательной разгадке тайны «снежного человека». Это все затеяла Анька.

— Ну как, нашли? — сказала она.— Сейчас восемь. В общем, искали вы не так уж долго.

Записки Маи Горошкиной разыскал В. Матвеев



Правда, интересно играть, когда нужна сообразительность, когда надо знать дорожные знаки, уметь прочитать шифрованную записку — словом, играть в такую игру, в которой побеждают находчивые и веселые?

Попробуйте-ка и вы придумать игру и сыграть в нее на каникулах.

Участниками вашей игры тоже могут быть не только ребята, но и взрослые. Еще примите в игру и телефон, и трамвай, и старую галошу... Кто что придумает. Будет смешно.

Некоторые скажут:

— Да, но у Аньки была вырезка из газеты, а нам где взять такую?

Кто так скажет, тот, значит, не понял, в чем суть, почему мы опубликовали Маины записки. Аня вырезала объявление о «снежном человеке» из юмористического журнала. Но не обязательно повторять ее игру в точности. Если собраться звеном, например, и подумать, может получиться игра лучше, чем у Ани.

Ребята! Обязательно напишите нам о своих играх. Самые интересные мы опубликуем.

Белая страна



Вадим ЛЕВИН

Я вчера смотрел в окно,
Было там черным-черно.
Утром глянул — вот-те на! —
Что за белая страна?

Там белое небо,
Там белые ночи,
Там белое всё, что увидеть
захочешь:

Там белые ели,
Там белые клёны,
Там белые бродят по кронам
вороны.

Там белые белки на белых ветвях
С орехами белыми в белых зубах...

Не привиделась она
Мне во сне:
Нарисована страна
На окне.



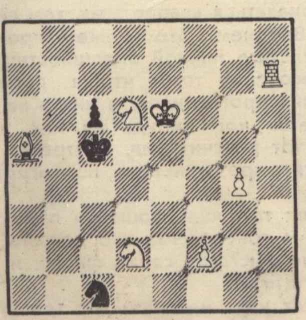
ХОРОШАЯ ДРУЖБА

Я получаю много писем от вас, мои друзья. Особенно радуют меня письма о хорошей пионерской дружбе, о том, как ребята помогают друг другу.

Вот, например, какое письмо прислал **Миша Матренин** из Евпатории.

«Дружные у нас ребята,— пишет Миша,— а шахматы стали у нас любимой игрой. Кто играет похуже, тому помогают умелые шахматисты. Научились мы и задачи составлять, провели даже конкурс.

Больше всего понравились ребятам задачи, которые придумали Нуридин Салихов и Валерий Холов. Вот задача, которую составил Валерий. Мы все очень хотим, чтобы читатели журнала попробовали решить эту двухходовку. Конечно, она не очень трудная, но мы придумываем их все вместе, и я думаю, что наши новые задачи будут интереснее».



И я в этом уверен, Миша. Дружные всегда добиваются успеха.

А вот что пишет **Витя Фомин** из Казани.

«Я занимаюсь шахматами в кружке Детского дворца культуры. Есть у нас перворазрядники, многие ребята получили второй и третий разряды. А новичков просто не счесть.

И вот что хорошо: ребята у нас дружные. Те, кто умеет играть, не зазнаются, помогают другим.

Интересно у нас в кружке. Приходишь сюда, чтобы отдохнуть, узнать новое и встретиться с друзьями».

Из далекого поселка Калангуй, Читинской области, прислал весточку **Коля Чугуевский.** Коля учит играть в шахматы ребят из поселка. Теперь один из его учеников, Валерий Ларин, иногда обыгрывает и Колю.

Коля сам научился мастерить шахматные фигуры, доски, шахматные столики.

А вот что рассказывает ученик Дружногорской средней школы (Ленинградская обл.) **Миша Хмельницкий.**

«Два года назад я в первый раз увидел, как ребята играют в шахматы. Попросил меня научить. Мне помог Алик, он мне все объяснил. Так я стал шахматистом, начал играть в турнирах. Недавно я тоже научил играть Костю Колбасова, а в своем классе стал чемпионом».

ШАХМАТЫ И ХАРАКТЕР

Древнеримский поэт Гораций, живший еще до нашей эры, так говорил:

«Муж, твердый в своих предначертаниях — вот настоящий характер!»

Кто из вас, ребята, не хочет выработать у себя настоящий характер, быть твердым, решительным, смелым? Но при чем здесь шахматы, спросите вы.

Они помогают человеку приобрести много полезных качеств. «Шахматы,— писал бывший чемпион мира Александр Алехин,— помогли мне воспитать свой характер».

Если хочешь добиться успеха в шахматах, будь самокритичным, научись правильно оценивать силу своих противников. Настоящий спортсмен-шахматист не боится поражений, умеет анализировать свои ошибки.

Иногда бывает так: начнет какой-нибудь паренек игру в турнире, проиграет одну-две партии и выходит из соревнования. Конечно, у такого шахматиста слабый еще характер, вряд ли он добьется хороших результатов.

А человеку с сильным характером даже партия, которую он проиграл, может принести пользу, если он не станет утешать себя разными оправданиями, а постарается понять причину поражения, чтобы больше не повторять своих ошибок.

Замечательный русский шахматист Александр Алехин, семидесятилетие со дня рождения которого отмечалось в ноябре, всегда так поступал.

МОЖНО ЛИ ПОВТОРЯТЬ ХОДЫ!

«Я хочу спросить вот о чем,— пишет **Коля Владимиров** (Омская обл.).— Если копировать ходы, которые делает мастер, как же он сможет выиграть? Почему так не играют?»

А потому, Коля, что такая игра неизбежно приведет к поражению. Обязательно наступит такой момент, когда повторять ходы станет невозможно. Скажем, объявят тебе шах. Ты ведь не сможешь дать встречный шах. А если дадут тебе мат, игра закончится, и никого уж не будет интересовать, что следующим ходом и ты мог бы заматовать противника.

Был такой смешной случай. Както в клубе известный мастер Семуэль Лойд поспорил с одним начинающим любителем шахмат. Тот уверял, что повторять ходы противника очень хорошо.

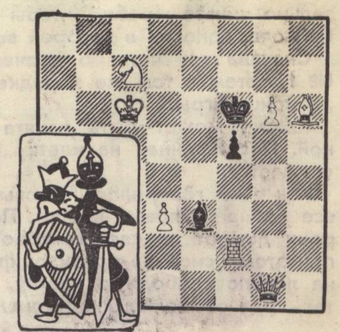
«Если будете так играть,— сказал Лойд,— в начальной позиции я вас заматую в четыре хода». Было заключено пари, и состоялась такая «партия».

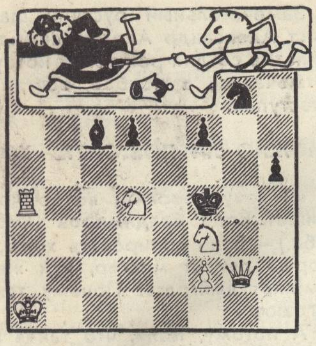
1. d2—d4 d7—d5 2. Фd1—d3 Фd8 — d6. 3. Фd3 — f5 Фd6 — f4 4. Фf5 : c8 мат.

НАШ КОНКУРС

Наш очередной конкурс мы на этот раз проводим так. Победителями заочного соревнования станут ребята, которые наберут 10 очков в нашем заочном соревновании. По 3 очка присуждается за правильные решения первой и второй задач конкурса, 4 очка — за третью задачу.

Первая задача конкурса — двухходовка. Много лет назад она очень понравилась выдающемуся русскому шахматисту Михаилу Чигорину.

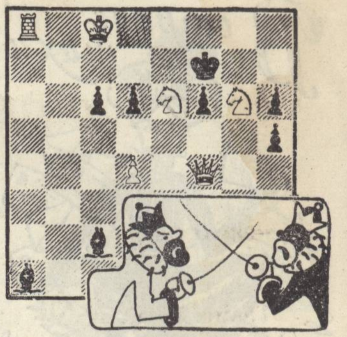




А эту задачу-двухходовку составил бывший чемпион мира Эммануил Ласкер. Как видите, ребята, задачи любили решать и составлять многие прославленные шахматисты.

Особенно интересна следующая задача, в которой мат достигается в три хода. Автор ее — Александр Алехин. Как-то Алехин приехал в незнакомый город. Вечером в гостинице он захотел посмотреть какую-то позицию. Попросил принести шахматы, но шахмат в гостинице не оказалось.

Тогда Алехин в уме, не глядя на доску, составил хитрую задачу. Попробуйте решить ее.



Решения надо присылать не позднее чем через месяц после того, как вы получите журнал.

В ЧАСЫ ДОСУГА

Скачки

В этой игре могут принять участие двое, трое или четверо играющих. Лучше всего, конечно, играть вчетвером: чем больше «лошадей» будет участвовать в скачках, тем интересней.

Все необходимое для игры легко сделать самим.

Прежде всего нужно приготовить для скачек «ипподром» — игровое поле, изображенное на третьей странице обложки. Оно представляет собою прямоугольник, разделенный на 80 клеток. Чертеж надо увеличить до размеров 28 $\times$ 35 сантиметров, иначе играть вчетвером будет неудобно.

В отличие от обычных скачек старт «лошадям» дается в четырех (если играют четверо) местах игрового поля — на углах прямоугольника. На чертеже угловые стартовые клетки заняты фишками № 1; это значит, что скачки начались и все играющие уже сделали по первому ходу.

Каждый ход игрока — это продвижение его «лошади» по игровому полю в любом направлении и обозначается занятием какой-либо клетки фишкой своего цвета. На нашем чертеже (см. обложку) даны образцы номерных фишек для четырех играющих. Цвета показаны условно, штриховкой.

Нарежьте из плотной бумаги 100 фишек — четыре комплекта по 25 штук. Каждый комплект должен отличаться от других расцветкой. Выбирайте яркие цвета: желтый, зеленый, красный, синий... На фишках напишите порядковые номера от 1 до 25.

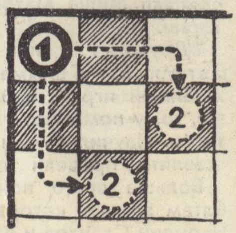
Уговоритесь, кто с какого угла игрового поля начинает стартовать, и приступайте к игре. Предварительно киньте жребий, чтобы установить между собой очередность, в которой вы будете делать ходы.

Сначала все четверо поочередно ходят фишкой № 1, затем в том же порядке фишкой № 2 и т. д. до конца игры.

Клетка может быть занята только одной фишкой. Поставленная на клетку фишка с нее уже не снимается.

Как уже говорилось, первым ходом занимаются все четыре угловые клетки. Последующие ходы игроки делают по своему усмотрению, но соблюдая при этом основное правило: фишка выставляется не на любую свободную клетку, а только на одну из тех, куда возможен «ход конем».

Что такое «ход конем», вероятно, знают не только шахматисты,— способ этот нередко применяется в головоломках. Так называется ход через две клетки на третью под прямым углом. На рисунке показаны два варианта хода фишкой № 2 от верхней левой угловой клетки. Само собой разумеется, что если очередной ход делается от фишки, находящейся где-нибудь в середине игрового поля, то количество клеток, на которых, возможен «ход конем», значительно возрастает.



Игра обычно заканчивается раньше, чем все 80 клеток игрового поля будут заняты фишками. Если в начале игры (первые 8—10 ходов) у игроков довольно обширный выбор ходов и затруднений практически не возникает, то в дальнейшем положение обостряется. Свободных клеток, доступных для «хода конем», становится все меньше и меньше. Обдумывая очередной ход, нужно выбирать такую клетку, которая обеспечивала бы дальнейшие ходы, иначе можешь оказаться «запертым», тем самым выбыть из игры. Впрочем, это может произойти не только в результате личной оплошности: каждый игрок заинтересован в том, чтобы поскорее вывести из игры своих противников, и никто не упустит случая «запереть» кого-нибудь из них, заняв клетку, на которую тот рассчитывал, и отрезав ему все дальнейшие пути продвижения по игровому полю.

Победу одерживает тот, чья «лошадь» пришла к финишу первой, иначе говоря, тот, кто дольше всех продержится: больше выставит своих фишек и сделает последний ход в игре.

При трех участниках игра начинается с трех угловых клеток. При игре вдвоем можно играть двумя комплектами фишек каждому, одновременно делая по два хода, но разными фишками.

Выигрыш можно оценивать и в очках (применительно к «скачкам» в выигранных секундах); если победитель закончил игру, допустим, 20-й фишкой, а его противники смогли выставить соответственно на 2, 3 и 5 фишек меньше, то это значит, что выигрыш равен 10 очкам.

Н. СТУДЕНЕЦКИЙ

О радостном и грустном



А. НЕКРАСОВ

«...Трам! Трам! Трам! Веселый барабанщик шагает по стране с огромным барабаном на тоненьком ремне...»

Вы помните, откуда это?

В № 8 нашего журнала вы прочитали стихи Юрия Яковлева о том, как веселый барабанщик гонит грусть, тоску, усталость и скуку прочь из пионерской жизни. Я читал о барабанщике и думал о том, сколько веселых стихов подарил вам, ребята, Юрий Яковлев.

Но вот недавно попала мне на глаза его книжка «СТАНЦИЯ «МАЛЬЧИКИ». Я вспомнил эти веселые стихи.

И вдруг, что это?

...У Алеши горе. Жизнь не удалась: поссорились мама с папой. Наверное, из-за него поссорились. И решил Алеша не мешать им больше, уехать. Куда? А не все ли равно? Чем дальше, тем лучше...

И как-то, не знаю уж как, только случилось так, что и я загрустил вместе с Алешей. Стало мне неуютно на земле и так же, как Алеше, показалось, что и моя жизнь не удалась, и захотелось так же, как Алеше, бросить все и идти куда глаза глядят, на край света, подальше от близких, вообще от людей подальше...

Так вместе с Алешей попал я на станцию «Мальчики», там познакомился с добрым милиционером — старшиной Синяком, подружился с бездомным псом Пятницей, с близоруким мальчиком Маратом Карнаковым, с его мамой и папой... А потом вместе с ними поехал назад в Москву и тут в поезде поверил: все будет хорошо.

И вот что удивительно: хоть и поверил, хоть и раздумал идти на край света, а все-таки немножко грустно было на душе. Чего бы, кажется, грустить? И у Алеши все хорошо, и у меня как будто неплохо, а грусть, легкая, как последнее вечернее облачко, не хотела уходить.



Так, с этой грустью, взялся я за второй рассказ. А тут, во втором рассказе, такая история: приехали в колхоз саперы взрывать немецкие снаряды, лежавшие в поле еще со времен войны. Лейтенант Шура, командир маленького отряда, поселился на квартире у Лельки. И вот случилось так, что Лелька, еще девчонка совсем, влюбилась в лейтенанта Шуру. Незачем маленьким девчонкам влюбляться во взрослых лейтенантов, да что поделаешь, сердцу-то не прикажешь... И вот страдает Лелька. Горько ей от неразделенной любви. А вместе с ней стало горько и мне. И хоть понимал я, что Лелькино горе ненадолго, что пройдет оно, а все равно и эта грусть осталась при мне.

Я принялся за третий рассказ — «Мальчик с коньками».

Тут вот о чем: шел мальчик с коньками. Шел на каток. По дороге встретил больного человека, у него зашевелился в груди осколок снаряда. Мальчик довел человека до дому, остановил машину «Скорой помощи». Больного отвезли в больницу, сделали операцию. Кончилось и тут все благополучно. Ничего не случилось худого ни с мальчиком, ни с больным. Тут бы радоваться нужно, а вот поди ж ты, до слез тревожно было мне, пока я читал этот рассказ.

А когда прочитал, задумался: может, встряхнуться да сбросить с себя эту тройную тяжесть грусти? Но почему-то стало мне жалко с ней расставаться.

И тут я вот что подумал: ну хорошо, пусть грустно, пусть тревожно. А стометровку бежать по жаре не тяжело разве? Или в поход с непривычки — тоже ведь нелегко. Но ходим, закаляем тело. А душу почему же не закалять? Нужно ведь и душу растить стойкой, готовой к невзгодам и к ударам судьбы. Пусть погрустит читатель, пусть поплачет даже. Ничего, а душа от этого станет сильнее, и гибче, и красивее. Прочтет читатель такой рассказ и, может быть, пристальнее оглянется кругом, пристальнее на себя посмотрит. Задумается о том, что жизнь-то не сплошной парадный марш. И когда придет не прочитанное, а настоящее горе, неразделенная любовь, обида, легче с ними совладает человек, а если с соседом случится беда, скорее на нее откликнется.

И еще я подумал, что Юрий Яковлев и в рассказах своих — все тот же веселый барабанщик. Просто на минутку снял он с плеча свой тяжелый барабан, сел на него, отложил в сторонку палочки и оглянулся кругом. И за мерной поступью идущих в ногу колонн подслушал трепетное биение живых сердец и рассказал о том, что услышал: о хороших и плохих людях, об их хороших и плохих делах, об их тревогах и мыслях.

Виталий ГОРЯЕВ

Написал и нарисовал Йозеф Лада

Пять лет тому назад я впервые увидел детскую книгу чешского писателя и художника Йозефа Лады. Я не мог прочитать ее, потому что книга была на чешском языке, но рисунками залюбовался. Они подкупали своей добротой, веселостью, обаятельными образами героев и лукавой издевкой над всяческой чертовщиной.

Лаконичный штрих и победоносная веселость этих рисунков напомнили мне характерную фигуру «Бравого солдата Швейка», и я узнал классического иллюстратора книги Гашека, создавшего образ, от которого уже не посмели отступить в дальнейшем ни театр, ни кино. По рисункам Лады выкраивали костюмы в театральных мастерских, и гримеры старательно изучали его иллюстрации, чтобы загримировать актера для очередной инсценировки книги Гашека.

Вспомнилась мне и другая книга — книга советского писателя Корнея Чуковского. Рисунки Йозефа Лады к Чуковскому не похожи на превосходные иллюстрации Конашевича, они служат как бы своеобразным переводом Айболита на восприятие чешских ребят, восприятие, воспитанное народным искусством Чехословакии.

Последние годы Йозеф Лада сам пишет и сам иллюстрирует свои книги. Когда читаешь их, то легко представляешь себе рассказчика в кругу ребят. В этих









Йозеф Лада со своими друзьями-читателями.



книгах много блестящей выдумки, фантазии, и в то же время диалоги героев совершенно современные и живые,— их можно почти подслушать на улице небольшого провинциального городка, где живет рассказчик. Да и рисунки, сопровождающие рассказ, чудесно соединяют в единых действиях сказочную принцессу, фантастическое чудище, трактирщика и автомобиль.

Книги, в которых автор выступает и как писатель и как художник, превратились уже, я бы сказал, в национальную чехословацкую традицию. Вспомните хотя бы книги Карела Чапека с его собственными иллюстрациями. Очень интересны и рисунки-рассказы Адольфа Гофмейстера.

Книги Йозефа Лады выходят у нас в Детгизе. Они прочно заняли достойное место на полках советских детских библиотек.

Не забывайте покупать книги, на которых под заголовком обозначено: «Написал и нарисовал ЙОЗЕФ ЛАДА».















СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ПИОНЕР» за 1962 год

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

СТИХИ

ОЧЕРКИ И СТАТЬИ О ЖИЗНИ У НАС И ЗА РУБЕЖОМ

РЕБЯТА СПРАШИВАЮТ О КОММУНИЗМЕ

МОЯ СТРАНА

ИЗ ЗАПИСОК ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

ОКНО В МИР

ШКОЛЬНАЯ И ПИОНЕРСКАЯ ЖИЗНЬ

Журнал «Пломык» в гостях у «Пионера».— № 10.

По речкам, по болотам, по тайге.— Ю. Сотник.— № 11.

Победа за дружными.— Л. Фридман.— № 11.

Двенадцать дней каникул. — № 12.

По справедливости.— Вожатый Сима Соловьев.— № 12.

Постоянная Пионерская Техническая Выставка.— № 12.

Тайна «снежного человека».— Записки Маи Горошкиной. Рассказал В. Матвеев.— № 12.

«Пионерские известия».— №№ 3, 6, 8, 9,-12.

ПИОНЕРСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Незабываемые дни.— И. Габдуллин.— № 2.

По следам юных героев. Сообщение экспедиционного отряда 288-й школы г. Москвы.— № 2.

Как оно начиналось да как продолжалось.— Н. Богданов.— № 5.

Пионерские были.— Л. Подвойский.— № 9.

Максимкин орден.— А. Жариков.— № 10.

СПОРТ

На снежных склонах.— А. Шмидт.— № 2.

Серебряный доллар.— Н. Колесникова, П. Михалев.— № 3.

Тем, кто мечтает о подводном спорте.— О. Жукова.— № 8.

То, чего не видят болельщики.— № 10.

Пока не выпал снег.— В. Преображенский.— № 11.

Пошли в поход! — Н. Смирнова.— № 12.

НАША СПОРТШКОЛА

Горнолыжники.— В. Чередова.— №№ 1, 2.

Лапта.— И. Суслов.— № 6.

НАУКА И ТЕХНИКА

Новый Кремлевский дворец.— А. А. Мндоянц. Записала Н. Булавинцева.— № 1.

«Умные» машины за работой.— Ю. Ульянов, И. Григорьев.— № 2.

Рекордсмены кормовых единиц.— № 5.

Такая это профессия.— Б. Володин.— № 6.

Инженер в мире чудес.— Т. Притула, Д. Биленкин.— № 7.

Мир, увиденный в зеркале.— Ю. Урманцев.— № 8.

66 суток в колбе.— Б. Мерков.— № 8.

Планеты становятся ближе.— Л. Максимов.— № 12.

Чтобы их было больше.— З. Коваленко.— № 12.

ТАЙНЫ РАСКРЫТЫЕ И НЕРАСКРЫТЫЕ

Самые крошечные, самые мощные фабрики.—Б. Володин; **Не покидая Земли.**— Е. Рубцова.— № 3. **Древнейшие мореплаватели.**— Ю. Решетов; **Как машина учится.**— Е. Рубцова.— № 6.

ОТОВСЮДУ И ОБО ВСЕМ

Концерт для бобов.— Н. Харьковский; **Укрощение норд-оста.**— И. Григорьев; **Трактор-скороход.**— Г. Иванов; **Подводный планер.**— З. Коваленко; **Домашний питон; Клад в пещерах.**— № 6. **Угри-путешественники.**— А. Клыков; **Завод на колесах.**— И. Григорьев; **ГЭС на реке Вольта.**— Л. Големба; **Атомная метеостанция.**— Б. Мерков; **Деньги на дне морском.**— Л. Клейн.— № 7.

Кровь и арифметика; Севан под «одеялом».—Д. Биленкин; **Огнемет на полях; На горном склоне.**— А. Строганов.— № 10.

Небесный миллионер.— В. Наумов; **Портрет невидимки.**— Е. Рубцова; **Глиняные конверты.**— Р. Рубинштейн; **Что дешевле?** — А. Кумыкин; **Города опускаются.**— С. Пищальников; **Чудесный полимер.** — № 11.

ПОЧЕМУ И ОТЧЕГО

Огонь в воде.— И. Канавец; **Выше «крыши».**— Е. Рубцова.— № 3. **Уши насекомых.**— Е. Бацылев; **Сквозь семь столетий.**— Ю. Авалиани.— № 4.

Слова-родственники.— Е. Рябова; **Облако спутников.**— М. Бобров; **«Тяжелая» шапка.**— И. Энгельгард, старший библиограф Фундаментальной библиотеки общественных наук; **Звезды, лампочка и солнце.**— Е. Владимирова.— № 8.

Оазисы в Антарктиде.— О. Мокиевский.— № 10.

Газеты твоих друзей.— К. Кондратенко; **Заглянув в даль времен...**— Инна Канавец. **Пловец поневоле.**— Биолог К. Ошанин.— № 12.

МАСТЕРСКАЯ «ЗОЛОТЫЕ РУКИ»

Ракета.— А. Абрамов.— № 1.

Электрические часы.— А. Абрамов.— № 2.

Гоночная машина.— Е. Рябчиков.— № 4.

Автоматическое проветривание школы.— Т. Свирина.— № 8.

Шарик-ракета.— Е. Орлов.— № 9.

ИСКУССТВО

Автопортрет.— А. Жукова.— № 3.

Вы увидите Володю Дубинина.— Л. Кассиль, М. Поляновский.— № 5.

Здравствуйте, рисунки! — А. Жукова.— № 6.

Тайна художника Ге.— Р. Канделаки.— № 6.

В городе Гайдаре.— А. Жукова.— № 11.

На чем держится театр.— Н. Целиков.— № 12.

Как я не смог уйти из кино.— Кинорежиссер Яков Сегель.— № 12.

РАССКАЗЫ О ПИСАТЕЛЯХ

Неукротимый Диккенс (к 150-летию со дня рождения).— Т. Литвинова.— № 2.

К. И. Чуковский (к 80-летию со дня рождения).— № 3.

Наш капитан (к 80-летию со дня рождения Б. Житкова).— А. Некрасов.— № 9.

Первооткрыватель (к 75-летию со дня рождения С. Я. Маршака).— Б. Сарнов.— № 11.

Написал и нарисовал Йозеф Лада.— Виталий Горяев.— № 12.

ПИСАТЕЛИ РАССКАЗЫВАЮТ

Интервью с К. Чуковским и Ж. Гривой.— № 1.

Интервью с Н. Михайловым и Ф. Тугласом.— № 2.

Интервью с В. Голявкиным.— № 3.

Интервью с М. Слуцкисом.— № 6.

Любимая папка профессора Колекциани-Собирайлова. Книга весом в полтора грамма. Один из автографов.— О. Грудцова.— № 6.

ЧТО НАМ ЧИТАТЬ

О самом человечном человеке (о книгах Н. Крупской «Наш самый лучший друг», Е. Стасовой «Таким был Владимир Ильич Ленин», Е. Мара «Человек Кремля», Б. Полевого и Н. Жукова «Наш Ленин»).— Б. Володин.— № 1.

Неоконченная книга (о книге «С веселым другом-барабаном»).— С. Соловейчик; **«Старое и новое — в нас самих»** (о книге С. Баруздина «Новые Дворики»).— Р. Канделаки.— № 2.

Серебряная уздечка (о книге М. Барышева «Выстрел в камышах»).— А. Мошковский; **Отвечает Джанни Родари** (о книге Д. Родари «Почему? Отчего? Зачем?»).— Вл. Глоцер; **Юра Кузнецов прав.**— Э. Шим.— № 3.

Два счастливых мальчугана (о книгах В. Катаева «Белеет парус одинокий», «Хуторок в степи», «Зимний ветер», «За власть Советов»).— А. Турков; **130 книг** (Интервью с директором Детгиза К. Пискуновым о выпуске книг к юбилею пионерской организации).— № 4.

Дорога в жизнь (о книге «В сердце живет мечта»).— Ю. Новикова.— № 6.

Удивительный город (о книге «Читай-город»).— А. Некрасов. **Три веселых спутника** (о книгах Е. Минскина «Пионерская игротека» В. Лифшица «Куда хочу, туда лечу» и «Песни разных лет»).— Е. Рубцова.— № 7.

У дедушек и бабушек твоих книг.— А. Дорохов.— № 7.

Здравствуйте, пожалуйста! (о книге А. Дорохова «Сердце на ладони»).— А. Некрасов; **Наши старшие сестры** (о книге Ж. Яновской «Сестры») — Ю. Новикова; **Полтора миллиона бабочек** (о книге Эжена Ле Мульта «Моя охота за бабочками»).— № 8.

Вредный ли человек Костя Шмель (о книге Ю. Томина «Борька, я и невидимка»).—Э. Кузьмина. **Высоко в горах** (о книге «Проделки дядюшки Дэнба»).— И. Рахтанов.— № 9.

Советую прочитать! — №№ 1, 2, 6, 9.

Грустные рассказы. (о книге Ю. Яковлева «Станция «Мальчики») — А. Некрасов. — № 12.

В СТРАНЕ ШАХА — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ.— №№ 2, 3, 5, 6, 7, 9, 10, 12.

СТРАНИЧКА КОЛЛЕКЦИОНЕРА.— №№ 1, 3.

ЮМОР

Приключения Чубчика.— Рисунки В. Чижикова.— №№ 1, 2, 7.

Ну кто так прыгает? — Рисунок А. Шабанова.— № 2.

Из спортивного зала.— Изошутка А. Шабанова.— № 2.

Чудеса кибернетики.— Рисунки А. Шабанова.— № 6.

«Умелые» руки.— Рисунок А. Цветкова.— № 8.

«Веселый барабанщик».— №№ 8, 9, 11, 12.

ЧТОБЫ ИХ БЫЛО БОЛЬШЕ

Однажды мне довелось побывать на удивительной выставке игрушек. Она была устроена не для тех, кто ими играет, а для тех, кто их делает. По залам ходили совсем взрослые и даже пожилые дяди и тети. Они подолгу стояли у стендов и витрин, с восхищением рассматривая действующие модели кранов, нарядно разодетых кукол и заводных плюшевых щенят, а в уме прикидывали, как эти краны делать на своем заводе или в своей артели.

Если вы, ребята, заглянете на последнюю страницу обложки, вы увидите как бы кусочек этой выставки — «фотопортреты» некоторых игрушек.

На выставке много механических игрушек. Вот, например, забавный пес-музыкант. Достаточно повернуть выключатель, и песик начинает выстукивать молоточками мелодию на цимбалах. Эту игрушку приводит в действие электрическая энергия карманной батарейки. Пластмассовые «божьи коровки», поворачивающие в сторону, как только дотронутся своими усиками до препятствия, и великолепная «Чайка» тоже работают на батарейках.

Теперь посмотрите на бульдозер. Видите цилиндры и поршни двигателя за прозрачным капотом, накрывающим мотор? Включив бульдозер, можно наблюдать, как поршни двигаются в цилиндрах, и как они заставляют вращаться вал, и как вал передает движение колесам.

Здание аэропорта сделано из пластмассовых деталей набора «Строитель».

Есть на выставке много чего и для младших ребят. Здесь перед вами — полиэтиленовые космонавты в ярких скафандрах, заводная кукла-плясунья в цветастом сарафане, черно-белые пингвины, ковыляющие вперевалку, когда их заведешь.

Вот взрослые игрушечники и ходят по залам, выбирают образцы, чтобы выпускать по этим образцам новые, самые лучшие, самые интересные игрушки для вас, ребята.

З. Коваленко

ОТВЕТЫ *на задачи,* ПОМЕЩЕННЫЕ В № 11

Еловые шишки

Из первой кучки надо переложить во вторую 7 шишек. Затем из второй в третью переложить 6 шишек. И, наконец, из третьей кучки переложить в первую 4 шишки. После этого во всех трех кучках будет по 8 шишек.

Одна лодка



Так цепь лодки замыкается тремя замками.

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Редакционная коллегия: Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, дом 28. Телефон Д 3-30-73.
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **В. Пархоменко.**

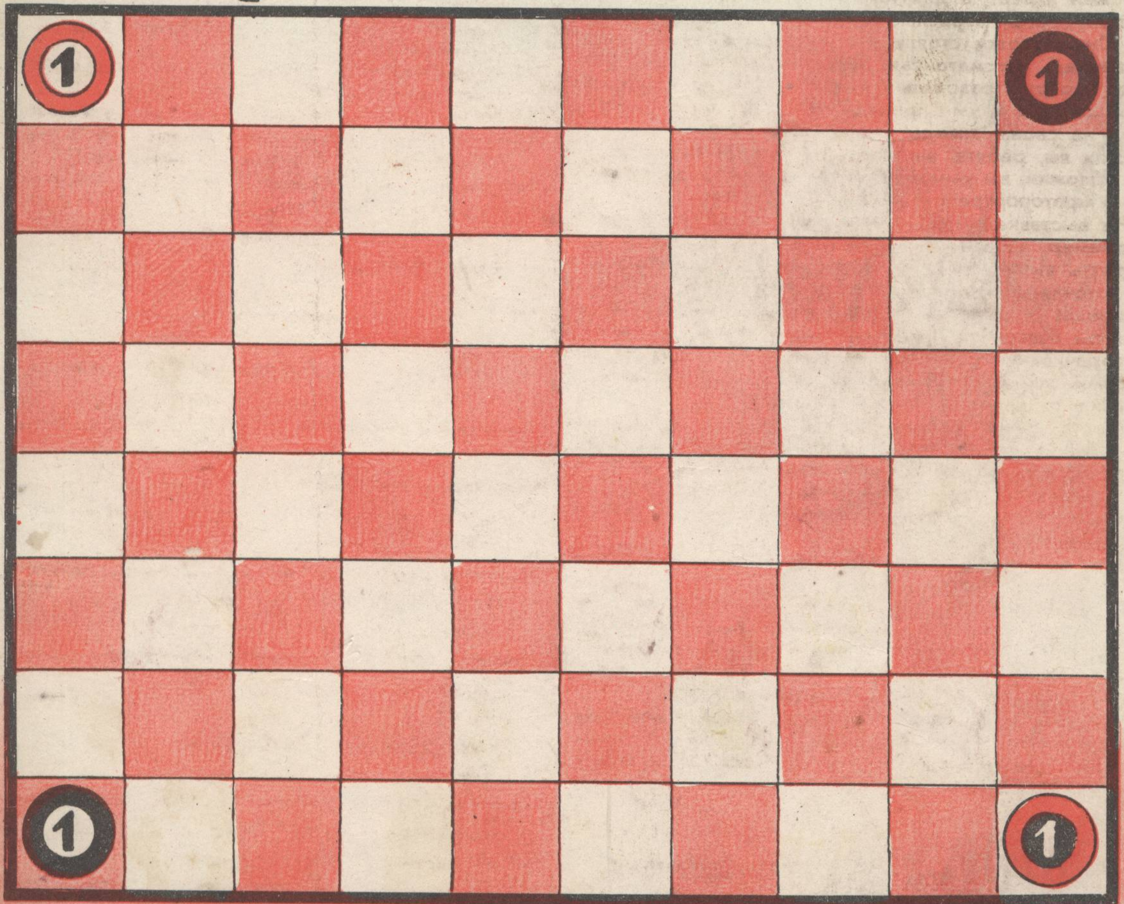
А 00215. Подписано к печати 4/XII 1962 г. Тираж 559 000 экз. Изд. № 2162. Заказ № 3141.
Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.



Скачки

Настольная игра





Цена 25 коп.







ЧТОБЫ ИХ БЫЛО БОЛЬШЕ

Недавно в Москве была устроена выставка игрушек, о ней ты прочитаешь в этом номере журнала.







